Дозв. ценз. Спб. 19 января 1892 г. Тип. Тов. „Общ. Польза", Б. Подъяч., 39

Фонъ-Визинъ.

aa. 2

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

ФОНЪ-ВИЗИНЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

С. М. Бриліанта

Съ портретомъ Ф. Визина, гравированнымъ по рисунку И. Панова

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»
Бол. Подъяч., № 39
1892

Популярно-научныя книги.

Законы подражанія *Тарда.* Переводъ съ французъ. Ц. 1 р. 50 к.
Домашній опредѣлитель поддѣлокъ. *А. Альмединена.* Ц. 60 коп.
На всякій случай! Научно-практическіе совѣты сельскимъ хозяевамъ. *А. Альмедингена.* часть 1 и 2-я. Ц. каждой 50 к.
Берегите легкія! Гигіенич. бесѣды д-ра *Нимейера.* Съ 30 рис. Ц. 75 к.
Сохраненіе здоровья. Общая гигіена въ примѣненіи къ обыденной жизни. *Д-ра Эйдама.* Съ 7 рис. Ц. 40 к.
Предсказаніе погоды. *Г. Далле.* Переводъ съ франц. съ 40 рис. Цѣна 1 р. 25 к.
Дарвинизмъ. *Э. Ферьера.* Пер. съ франц. Популярное изложеніе ученія Дарвина. Ц. 60 к.
Жизнь на Сѣверѣ и Югѣ. (Отъ полюса до экватора). *А. Брема.* Со многими рис. Ц. 2 р.
Первобытные люди. *Дебьера.* Съ многими рисунками. Ц. 1 р.
Фабричная гигіена. *В. В. Святловскаго.* 720 стр. и 153 рис. Ц. 4 р.
Огородничество. Практическія наставленія для народныхъ учителей. *Ф. Шубелера.* Съ 137 рис. Ц. 60 к.
Который часъ? *И. Вавилова.* Популярное руководство для повѣрки часовъ безъ помощи часовщика и для устройства солнеч. часовъ. Съ 13 рис. Цѣна 30 коп.
Записки желудка. Перев. съ 10 анг. изд. Ц. 50 к.
Физіологія души. *А. Герцена,* професс. Лозанскаго университета. Переводъ съ франц. Ц. 1 р.
Міръ грезъ. *Д-ра Симона.* Новидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, экстазъ, гипнотизмъ, иллюзіи. Перев. съ франц. Ц. 1 р.
Ручной трудъ. Составилъ *Графиньи.* Руководство къ домашнимъ занятіямъ ремеслами. Перев. съ франц. съ 400 рис. Ц. 1 р. 50 к. Въ папкѣ 1 р. 75 к. Въ переплетѣ—2 р.
Экстазы человѣка. *П. Мантегаццa.* Переводъ съ 5-го итальян. изданія. Ц. 1 р. 50 к.
Умственныя эпидеміи. Историко-психіатрическіе очерки. *Д-ра Реньяра.* Переводъ съ франц. *Эл. Зауэръ.* Съ 110 рис. Ц. 1 р. 75 к.
Свѣтъ Божій. Популярные очерки міровѣдѣнія 5-е изд. (60 рис. Ц. 30 к.
Общедоступная астрономія. *К. Фламмаріона.* 2-е изд. Съ 100 рис. Ц. 1 р.
Телефонъ и его практическія примѣненія *Майера* и *Присса.* Съ 293 рис. Ц. 2 р. 50 к.
Электрическіе элементы. Соч. *Ніоде.* Со многими рисунками. Ц. 2 р.
Электр. аккумуляторы *Ренье.* Съ 76 рис. Ц. 1 р. 25 к.
Электрическое освѣщеніе. Составилъ *В. Чиколевъ.* Съ 151 рис. Ц. 2 р. 50 к.
Чудеса техники и электричества *Чиколева* 30 к.
О безопасности электрическаго освѣщенія *В. Чиколева.* Съ 6-ю рисунками. Ц. 25 к.
Электричество и магнитизмъ. *А. Гано* и *Ж. Маневрье.* Перев. *Ф. Павленкова, В. Черкасова* и *С. Степанова.* 340 рис. Ц. 1 р. 50 коп.
Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнитизмѣ. *Хвольсона.* Съ 230 рис. Ц. 2 р.
Главнѣйшія приложенія электричества. *Э. Госпиталье.* Съ 145 рис. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.
Электричество въ домашнемъ быту. *Э. Госпиталье.* Со множествомъ рис. Ц. 2 р.
Электрическіе звонки. *Боттона.* Съ крат. свѣдѣніями о воздуш. звонкахъ. 114 рис. Ц. 1 р.
Что сдѣлалъ для науки Ч. Дарвинъ? Съ портретомъ Дарвина. Ц. 75 к.
Психологія великихъ людей. Проф. *Жоли.* Пер. съ франц. 2-е изд. Ц. 1 р.
Соціальная жизнь животныхъ. *Эспинаса.* Пер. съ франц. *Ф. Павленкова.* 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.
Единство физическихъ силъ. Опытъ популярно-научной философіи. *А. Секки.* Перев. съ франц. *Ф. Павленкова.* 3-е изд. Ц. 2 р. 50 к.
Частная медицинская діагностика. Руководство для практ. врачей. Составилъ проф. *Да-Коста.* 704 стр. съ 43 рис. 2-е изд. Ц. 2 р.
Психологія вниманія. Д-ра *Рибо.* Ц. 50 к.
Современные психопаты. Д-ра *А. Кюллера.* Переводъ съ франц. Ц. 1 р. 50 к.
Геніальность и помѣшательство. *Н. Ломброзо.* Съ портретомъ автора и рис. 2-е изд. Ц. 1 р.
Вредныя полевыя насѣкомыя. Сост. *Иверсенъ.* Съ 43 рис. Ц. 80 к.
Эйфелева башня. Состав. *Г. Тисандье.* Съ 34 рисун. Ц. 50 к.
Хлѣбный жукъ. Чтенія для народа, съ 3 рис. Бар. *Н. Корфа.* Ц. 10 к.
Воздушное садоводство. *Н. Жуковскаго.* Съ 73 рис. 2-е изд. Цѣна 60 коп.
Школьный садоводъ. Объ устройствѣ при сельскихъ школахъ питомниковъ и способахъ обученія первымъ началамъ садоводства. *А. Волотовскаго.* Ц. 20 к.
Гигіена семьи *Гебера.* Ц. 50 к.
Гигіена женщины. *М. Тило.* Ц. 40 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛЕРМОНТОВСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

1) **Демонъ.** Съ 9 рис. Ц. 6 к.—2) **Ангелъ Смерти.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—3) **Измаилъ Бей.** Съ 9 рис. Ц. 10 к.—4) **Хаджи-Абрекъ.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—5) **Бояринъ Орша.** Съ 7 рис. Ц. 4 к.—6) **Пѣсня про купца Калашникова.** Съ 7 рис. Ц. 3 к.—7) **Мцыри.** Съ 7 рис. Ц. 4 к.—8) **Аулъ Бастунджи.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—9) **Литвинка.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—10) **Каллы.** Съ 3 рис. Ц. 2 к.—11) **Кавказскій плѣнникъ.** Съ 3 рис. Ц. 3 к.—12) **Корсаръ.** Съ 3 рис. Ц. 2 к.—13) **Черкесы.** Съ 5 рис. Ц. 2 к.—14) **Джуліо.** Съ 3 рис. Ц. 3 к.—15) **Казначейша.** Съ 5 рис. Ц. 4 к.—16) **Герой нашего времени.** Съ 23 рис. Ц. 25 к.—17) **Бэла.** Съ 9 рис. Ц. 8 к.—18) **Тамань.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—19) **Княжна Мери.** Съ 9 рис. Ц. 12 к.—20) **Фаталистъ.** Съ 3 рис. Ц. 2 к.—21) **Призракъ.** Съ 3 рис. Ц. 3 к.—22) **Маскарадъ.** Съ 5 рис. Ц. 10 к.—23) **Испанцы.** Съ 5 рис. Ц. 10 к.—24) **Ашикъ-Керибъ.** Съ 5 рис. Ц. 2 к.—25) **Княгиня Лиговская.** Романъ. Съ 5 рис. Ц. 8 к.—26) **Люди и страсти.** Трагедія. Съ 5 рис. Ц. 8 к.—27) **Странный человѣкъ.** Романтическая драма. Съ 5 рис. Ц. 8 к.—28) **Два брата.** Драма. Съ 5 рис. Ц. 5 к.—29) **Всѣ баллады и легенды.** Съ 3 рис. Ц. 5 к.—30) **Повѣсти изъ современной жизни.** Съ 9 рис. Ц. 7 к.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27 Февраля 1892 года.

ОГЛАВЛЕНIЕ.

Нѣсколько вступительныхъ словъ.

Фонъ-Визинъ *на досугѣ* написалъ двѣ комедіи и нѣсколько журнальныхъ статей. Его сочиненія, кромѣ «Недоросля», вполнѣ почти преданы забвенію, по крайней мѣрѣ до той поры, пока проснется у насъ интересъ къ памятникамъ исторіи и литературы. Его характеръ подвергался сильнымъ колебаніямъ, образованіе было далеко не полно, общественная или служебная дѣятельность не оставила никакихъ слѣдовъ... что-же даетъ право на особый интересъ біографіи автора? Отвѣтъ заключается въ общемъ характерѣ его произведеній, какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ. Холодный, разсудочный, но острый и наблюдательный умъ, живой темпераментъ и воображеніе позволили ему занять первенствующее мѣсто въ сатирѣ, которая играла господствующую роль въ литературѣ того времени. Положеніе это не было случайнымъ; оно явилось яркимъ отраженіемъ просвѣтительной поры вѣка, подъ вліяніемъ идей Запада. Первые источники этого вліянія отыскать и указать такъ же трудно, какъ начало многихъ явленій въ природѣ, но оно росло и крѣпло съ конца XVII до конца XVIII вѣка, образовавъ въ общемъ періодъ законченнаго, цѣльнаго характера. Достоинства и недостатки этого періода одинаково рельефно отразились на Фонъ-Визинѣ, его сочиненіяхъ и личномъ характерѣ. — Каждое слово въ твореніяхъ Фонъ-Визина, каждое движеніе въ его общественной и даже чисто личной жизни находится въ полной и *явной* связи съ исторіей вѣка.—Въ немъ самомъ прошлое и—съ точки зрѣнія, разумѣется, ему современной—настоящее и будущее русскаго человѣка.

«Недоросль» останется вѣчнымъ *памятникомъ* прошлаго вѣка, въ литературномъ и художественномъ смыслѣ этого слова; но этотъ памятникъ даетъ богатый матеріалъ для всесторонняго

пониманія прошлаго только въ связи съ характеристикой самаго Фонъ-Визина, его отношеній къ императрицѣ и графу Панину и мѣста, занимаемаго авторомъ въ литературномъ теченіи вѣка. Подобно тому, какъ *подлинники*, съ которыхъ онъ писалъ пертрефакты, служили автору натурой, такъ точно одни историческіе факты общественной и государственной жизни могутъ дать его портрету тотъ жизненный колоритъ, безъ котораго краски были бы мертвы, при всей вѣрности изображенія. Внѣ живой, дѣятельной среды его окружающей—существованіе Фонъ-Визина безлично.

Матеріаломъ для настоящаго очерка, кромѣ «Полнаго собранія сочиненій» автора, послужили источники по исторіи и литературѣ прошлаго вѣка. Они почерпнуты изъ изданій Академіи Наукъ, и нѣкоторыхъ сочиненій, монографій и статей академика Л. Н. Майкова, А. Пыпина, профессора Веселовскаго, Корсакова и др. Матеріалы чисто біографическаго характера—перечислены обстоятельно въ библіографической замѣткѣ почтеннаго П. А. Ефремова, въ редактированномъ имъ изданіи Глазунова «полнаго собранія сочиненій Фонъ-Визина».

ГЛАВА I.

Дѣтство и юность.—Служба и начало литературной дѣятельности.—«Бригадиръ».

I.

«Сатиры смѣлый властелинъ», какъ сказалъ о Фонъ-Визинѣ Пушкинъ, былъ потомкомъ одного изъ рыцарей-меченосцевъ, слѣдовательно не русскаго происхожденія. Въ царствованіе Ивана Грознаго, во время войны съ Ливоніей, былъ взятъ въ плѣнъ баронъ Петръ Фонъ-Визинъ, потомки котораго скоро обрусѣли. Отецъ знаменитаго нашего автора, Иванъ Андреевичъ Фонъ-Визинъ служилъ въ ревизіонъ-коллегіи и имѣлъ домъ въ Москвѣ, недалеко отъ основаннаго при немъ-же университета. По словамъ сына, отецъ былъ человѣкъ большаго здраваго разсудка, «но не имѣлъ случая, по тогдашнему образу воспитанія, просвѣтить себя ученьемъ». Однако онъ читалъ всѣ русскія книги, особенно любилъ исторію древнюю и римскую, «Мнѣнія Цицероновы» и переводы нравоучительныхъ книгъ, словомъ, старался исчерпать литературу Петра I и былъ однимъ изъ тѣхъ, которые ревностно шли и вели своихъ дѣтей по пути, указанному великимъ преобразователемъ. Служба отца, его характеръ и семейная жизнь—все свидѣтельствуетъ о томъ, что и прошлый вѣкъ, который привыкли считать въ конецъ испорченнымъ, сохранялъ свои здоровые элементы.

Отецъ Фонъ-Визина краснѣлъ, когда при немъ говорилъ кто-нибудь ложь. Въ тѣ времена, когда лихоимство не преслѣдовалось ни судомъ, ни даже общественнымъ мнѣніемъ, когда отецъ училъ сына подбирать къ одному дѣлу два указа, смотря по количеству «документовъ», положенныхъ подъ сукно, когда виноватый платилъ за вину, а правый—за правду, и «всѣ довольны были», когда рѣшить дѣло за одно жалованье—по мнѣнію «Совѣтника»—было «про-

тивъ натуры человѣческой», въ тѣ времена, повторяемъ, отецъ Фонъ-Визина никогда не принималъ подарковъ: «Государь мой», говаривалъ онъ просителю: «сахарная голова не есть резонъ для обвиненія вашего соперника, извольте отнести ее назадъ, а принести законное доказательство вашего права».

Отецъ былъ женатъ два раза и жизнь въ семьѣ была всегда мірная. Первую женитьбу отца Фонъ-Визинъ описываетъ какъ подвигъ великодушія, нѣсколько страннаго рода по современнымъ понятіямъ, но быть можетъ не выходившій изъ рамокъ добродѣтельныхъ нравовъ патріархальной старины. Родной братъ отца вошелъ въ неоплатные долги, и послѣдній женился на одной вдовѣ-старухѣ 70 лѣтъ (!), которая обязалась уплатить долги брата. Фонъ-Визинъ говоритъ, что отцу было тогда 18 лѣтъ и старуха въ него влюбилась. Она прожила еще 12 лѣтъ съ молодымъ мужемъ, который «старался объ успокоеніи ея старости, какъ должно христіанину».

Нашъ авторъ, который конечно зналъ эту исторію изъ устъ отца, замѣчаетъ впрочемъ въ своемъ признаніи: «въ нашъ вѣкъ не встрѣчаются уже такіе примѣры братолюбія, чтобъ молодой человѣкъ пожертвовалъ собою, какъ отецъ мой, благосостоянію своего брата».—Доброе старое время!—Мать Фонъ-Визина была женщина съ тонкимъ умомъ и чуткимъ сердцемъ. Хорошая хозяйка, она была въ то же время добра и снисходительна къ слугамъ. Такимъ образомъ семья Фонъ-Визина нисколько не напоминаетъ тѣ нравы, которые онъ изобразилъ въ своей сатирѣ. Онъ долженъ былъ всегда отдыхать душою въ семьѣ отъ всякихъ волненій, особенно благодаря нѣжной дружбѣ сестры, умной и хорошей, переписка съ которой—неизмѣнно во всю жизнь—даетъ наилучшій матеріалъ для его собственной біографіи.

По словамъ Фонъ-Визина, онъ не помнилъ себя неграмотнымъ. Въ четыре года отецъ уже училъ его. Это обстоятельство было конечно большою рѣдкостью въ прошломъ вѣкѣ. Рядомъ съ ученьемъ шло воспитаніе. Послѣднее было такого рода, какимъ и теперь далеко не всѣ могутъ похвастать. Достоинство заключалось конечно не въ особыхъ педагогическихъ пріемахъ, но ребенку давалось все, что можетъ дать хорошаго здравый смыслъ и желаніе видѣть въ сынѣ современемъ честнаго человѣка. Мальчику удавалось всегда легче добиться желаемаго прямымъ путемъ, чѣмъ хитростью. Такимъ образомъ пріучался онъ къ чистосердечію и не имѣлъ надобности скрывать что-либо отъ родныхъ.

Впечатлѣнія изъ воспоминаній дѣтства впослѣдствіи авторъ подкрѣпилъ наблюденіемъ. Идеи Руссо и другихъ философовъ вѣка о воспитаніи восприняты были имъ не только теоретически, когда въ своемъ «Признаніи» онъ учитъ современниковъ не оставлять безъ вниманія малѣйшихъ поступковъ дѣтей, въ которыхъ непремѣнно выражаются ихъ душевныя свойства и, указывая дѣтямъ во всемъ прямой путь,—«вкоренять въ нихъ привязанность къ истинѣ и пріучать къ чистосердечію».

Умный и впечатлительный ребенокъ быстро развивался. Игры его не отличались отъ игръ другихъ его сверстниковъ. Полученныя однажды въ подарокъ карты «съ красными задками» составили эпизодъ, который остался памятенъ ему во всю жизнь. Дядьки и няньки разсказывали ему сказки и однажды мужикъ изъ родовой деревни такъ напугалъ его разсказомъ о мертвецахъ, что онъ никогда съ тѣхъ поръ не оставался охотно въ темнотѣ. Къ мертвецамъ-же, по словамъ Фонъ-Визина, онъ въ теченіи жизни привыкъ, «теряя людей, любезныхъ сердцу».

Однако сказками крѣпостныхъ не ограничилось его развитіе, какъ у многихъ сверстниковъ. Отецъ заставлялъ его читать «у крестовъ», познакомивъ такимъ образомъ съ славянскимъ языкомъ. Притомъ чтеніе не было безсмысленнымъ, механическимъ процессомъ. «Перестань молоть», кричалъ отецъ, когда мальчикъ начиналъ торопиться, «или ты думаешь, что Богу пріятно твое бормотанье». Набожность отца послужила такимъ образомъ на пользу сыну. Отецъ останавливалъ его и объяснялъ тщательно мѣста, которыхъ, по его мнѣнію, мальчикъ не могъ самъ понимать.

Въ 1755 г. основанъ былъ въ Москвѣ университетъ и отецъ немедленно отдалъ сына въ университетскую гимназію. Такимъ образомъ Фонъ-Визинъ былъ изъ первыхъ учившихся въ гимназіи и университетѣ вмѣстѣ съ Потемкинымъ и другими извѣстными, прославившимися впослѣдствіи «орлами» Екатерины. Главною цѣлью гимназіи было научить читать, писать и говорить *сколько-нибудь* по грамматикѣ. Такъ говоритъ Державинъ. Уроки продолжались отъ 7 до 11 и отъ часу до пяти. Программа была гораздо обширнѣе означенной цѣли. Въ нее входили законъ Божій, исторія, географія, ариѳметика, геометрія и фортификація; языки латинскій, французскій и нѣмецкій; рисованіе, музыка и фехтованье. Такимъ образомъ гимназія должна была подготовлять вполнѣ образованныхъ людей, въ духѣ Пет-

ровской реформы, но .. человѣкъ лишь предполагаетъ. Гдѣ было взять учителей? Благихъ предначертаній было много—исполнителей мало. Итакъ цѣль далеко не достигалась, но пріобрѣтенное на пути къ ней уже составляло громадное богатство для начала. Классы дѣлились паралельно, особо для шляхтичей, т. е. дворянъ и «протчихъ»—разночинцевъ. И здѣсь, какъ въ семьѣ, по мысли Шувалова и другихъ, обученіе «моральное» должно было занимать не послѣднее мѣсто.

Ни хорошихъ учебниковъ, ни книгъ для чтенія не было. Только сочиненія Ломоносова, напечатанныя въ Академической типографіи, присылались въ университетъ. Изъ другихъ авторовъ русскихъ отдѣльно печатались въ это время трагедіи Сумарокова: «Хоревъ», «Синавъ и Труворъ», «Гамлетъ», «Аристонъ». Моральное воспитаніе черпало много изъ этихъ произведеній. Journal Etranger хвалитъ «Синава» (Sinav et Trouvor переводъ кн. А. Долгорукова, въ 1755 г.) за тѣ нравственныя понятія, которыя Сумароковъ влагаетъ героямъ въ уста. Такимъ образомъ чтеніе и театръ начинали замѣнять «буйныя забавы» Митрофановъ. Рядомъ съ этими произведеніями въ руки гимназической и университетской молодежи попадали не только «Телемакъ», но и «Похожденія маркиза Глаголя», «Клевеландъ» и др. переводные романы. Многое въ этихъ романахъ льстило тщеславію, мечтательной лѣни и невѣжеству. Въ «Похожденіяхъ маркиза Г.» все дѣйствіе вертится на свѣтскихъ обязанностяхъ, соединенныхъ съ «благородствомъ» титула, и беззастѣнчиво, во имя будто-бы нравственности, выставляются самыя извращенныя понятія; но впечатлительная юность даже и въ этой литературѣ—не говоря уже о знаменитомъ «Телемакѣ», образцовомъ чтеніи вѣка—находила много хорошаго. Современникъ Фонъ-Визина, извѣстный поэтъ И. И. Дмитріевъ говоритъ, что въ романахъ этихъ онъ *въ первый разъ* услышалъ имена Буало, Мольера, Кальдерона и пожелалъ съ ними познакомиться. «Похожденія» Клевеланда и маркиза Г. возвышали, по словамъ его, душу и возбуждали желаніе слѣдовать благороднымъ примѣрамъ.

«Какъ-бы то ни было, я долженъ съ благодарностью вспоминать университетъ», говоритъ самъ Фонъ-Визинъ.

Мы не отдѣляемъ здѣсь гимназіи отъ университета, такъ какъ и въ дѣйствительности не было тогда той грани, которая образовалась впослѣдствіи. Изъ его-же воспоминаній узнаемъ какъ

шло тогда преподаваніе. По латинскому языку проходили Юлія Цезаря, Корнелія Непота, Цицерона и Виргилія. Учитель латинскаго языка приходилъ на экзаменъ въ кафтанѣ, на которомъ было пять пуговицъ, а на камзолѣ—четыре. «Удивленный сею странностью» Фонъ-Визинъ спросилъ о причинѣ.

«Пуговицы мои вамъ кажутся смѣшны»,говорилъ онъ, но онѣ суть стражи вашей и моей чести: ибо на кафтанѣ значатъ пять склоненій, а на камзолѣ четыре спряженія; и такъ, продожалъ онъ, ударя по столу рукой,—извольте слушать всѣ, что говорить стану. Когда станутъ спрашивать о какомъ-нибудь имени, какого склоненія, тогда примѣчайте, за которую пуговицу я возьмусь; если за вторую, то смѣло отвѣчайте: втораго склоненія. Со спряженіями поступайте, смотря на мои камзольныя пуговицы и никогда ошибки не сдѣлаете».

Имена лучшихъ учениковъ печатались въ газетахъ.

Въ 1759 г. въ Московскихъ Вѣдомостяхъ (№ 64) напечатано извѣщеніе отъ директора казанской гимназіи: «наиприлежнѣйшими себя оказали и отмѣнную похвалу заслужили: гвардіи капралъ Николай Левашевъ, гвардіи же солдатъ Сергѣй Полянскій и солдатъ Гаврила Державинъ». Само собою разумѣется. что чины эти были за ними только записаны въ приказахъ. Насколько похвалы означали пріобрѣтенныя знанія, свидѣтельствуетъ опять эпизодъ полученной фонъ-Визиномъ медали. Учитель географіи былъ тупѣе латинскаго и не съумѣлъ даже фокусомъ подготовить учениковъ къ экзамену. Поэтому на вопросъ: «куда течетъ Волга?» одинъ отвѣчалъ: въ *Черное море*, другой—въ *Бѣлое*.Фонъ-Визинъ «съ такимъ видомъ простодушія» отвѣчалъ *не знаю*, что экзаменаторы «единогласно» присудили ему медаль. Однако Фонъ-Визинъ, благодаря своимъ природнымъ дарованіямъ и любознательности, вынесъ нѣкоторыя познанія, особенно въ языкахъ, а «паче всего получилъ вкусъ къ словеснымъ наукамъ».

Склонность къ писанію явилась у него еще въ дѣтствѣ, и, упражняясь въ переводахъ въ гимназіи и университетѣ достигъ онъ до юношескаго возраста.

Около 1758 г. директоръ московскаго университета Ив. Ив. Мелиссино вздумалъ ѣхать въ Петербургъ и взять съ собою нѣсколькихъ учениковъ, для показанія основателю университета Ив. Ив. Шувалову, плодовъ сего училища.

Каковы, казалось, могли быть плоды безпорядочнаго ученья!

«Учитель ариѳметики пилъ смертную чашу; учитель латинскаго языка былъ примѣръ злонравія, пьянства и всѣхъ подлыхъ пороковъ, *но голову имѣлъ преострую*, и какъ латинскій, такъ и россійскій языки зналъ очень хорошо». Этой «преострой головой» воспользовались болѣе даровитые ученики.

Въ число избранныхъ попали Фонъ-Визинъ съ братомъ, Потемкинъ и Булгаковъ. Десять малолѣтнихъ учениковъ этихъ съ Мелиссино и его супругой совершили трудный переѣздъ изъ Москвы въ Петербургъ, зимою. Начальникъ и жена его смотрѣли за ними какъ за дѣтьми своими. Въ Петербургѣ Фонъ-Визинъ съ братомъ остановились въ домѣ дяди.

Воспоминаніе о пріемѣ у Шувалова и при дворѣ осталось у Фонъ-Визина на всю жизнь. Шуваловъ, взявъ его за руку, подвелъ къ человѣку, котораго видъ обратилъ на себя уже почтительное вниманіе юноши. «То былъ безсмертный Ломоносовъ!» Онъ спросилъ у мальчика чему онъ учился, и краснорѣчиво сталъ говорить о пользѣ латинскаго языка. Великолѣпіе дворца императрицы поразило конечно юношу, которому не было еще полныхъ 14 лѣтъ, какъ нѣчто сказочное. Извѣстна роскошь дворца Елизаветы. «Вездѣ сіяющее золото, собраніе людей въ голубыхъ и красныхъ лентахъ, множество дамъ прекрасныхъ, наконецъ огромная музыка, все сіе поражало зрѣніе и слухъ мой и *дворецъ казался мнѣ жилищемъ существа выше смертныхъ*». Фонъ-Визину казалось счастьемъ остаться въ Петербургѣ, но врожденное благоразуміе и тоска по роднымъ скоро взяли верхъ и онъ безъ сожалѣнія вернулся въ Москву.

Пребываніе въ Петербургѣ имѣло однако большое вліяніе. Между прочимъ столкновеніе съ однимъ заносчивымъ юношей при дворѣ, который отнесся къ нему, какъ къ невѣжѣ, за незнаніе французскаго языка, побудило его пополнить образованіе съ этой стороны. Не оставляя латинскаго языка и слушая логику у профессора Шадена, онъ въ тоже время взялся за Вольтера и черезъ два года пробовалъ уже переводить стихами его «Альзиру». Особенно удачно переводилъ Фонъ-Визинъ въ это время съ нѣмецкаго и познакомившись съ книгопродавцемъ, сталъ получать заказы. Первымъ литературнымъ опытомъ его были басни Гольберга, изданныя въ 1761 году, Затѣмъ послѣдовали переводы статей: «Изысканіе о зеркалахъ древнихъ», «О рисовальномъ искусствѣ», и др., рядомъ съ «Овидіевыми превращеніями».

Всѣ статьи эти говорятъ еще о Петровской программѣ переводовъ классическихъ и образовательныхъ, въ смыслѣ практическаго приложенія къ жизни. Въ переводѣ «Альзиры» Вольтера и «Сифа» аббата Террасона сказывается уже духъ новой литературы, которая быстро начинаетъ развиваться съ воцареніемъ Екатерины. Подробное названіе послѣдняго перевода: «Геройская добродѣтель, или жизнь Сифа царя египетскаго», говоритъ уже о воспитательномъ направленіи вѣка въ литературѣ.

Въ 1762 году фонъ-Визинъ былъ сержантомъ гвардіи, но военная служба не влекла его. Ему хотѣлось еще учиться и искать случая обнаружить свои дарованія. Въ это время дворъ прибылъ въ Москву. Фонъ-Визинъ подалъ прошеніе въ иностранную коллегію, и вице-канцлеръ кн. А. М. Голицынъ, испытавъ его въ знаніи иностранныхъ языковъ, приказалъ послать въ университетъ «промеморію», которою предписывалось сержанта Фонъ-Визина, «выключа изъ числа университетскихъ студентовъ, прислать въ коллегію для опредѣленія по желанію и способности его». Онъ былъ скоро отличенъ, какъ хорошій переводчикъ, и даже посланъ былъ съ порученіемъ къ Шверинскому двору. Съ этого же времени начинается его служба въ Петербургѣ, а рядомъ со службой—литературныя знакомства и связи.

Еще во время пребыванія въ столицѣ съ Мелиссино, юноша познакомился съ Дмитревскимъ, Волковымъ и другими. Еще тогда онъ чуть не сошелъ съ ума отъ радости, узнавъ, что они бываютъ въ домѣ его дяди. «Генрихъ и Пернилла», комедія Гольберга, по собственнымъ его словамъ, «довольно глупая», показалось ему тогда произведеніемъ величайшаго разума, а актеры—великими людьми, которыхъ знакомство должно составить его благополучіе. Дѣйствіе, произведенное на него тогда театромъ, почти описать невозможно, говорилъ онъ уже на краю гроба. Обладая самъ даромъ прекрасно «передразнивать людей», онъ съ этихъ поръ особенно внимательно всматривается въ окружающую среду и въ немъ начинаетъ шевелиться идея создать свою комедію. Попытка его ограничивается пока «передѣлкою на русскіе нравы», комедіи въ 3-хъ дѣйствіяхъ «Коріонъ», изъ комедіи Грессе. Фонъ-Визинъ сохранилъ всѣ недостатки этого рода комедіи, не прибавивъ ей достоинства. Лица въ ней не русскія и не живые, изображеніе страстей натянутое, и пьеса кончается попыткой самоубійства, которая не удается, потому что слуга, «добрый геній» своего барина, под-

мѣняетъ ядъ и говоритъ въ моментъ отчаянія умирающаго:— «Вы выпили не ядъ, а выпили водицу». И вся пьеса—плохая фальсификація, и хотя не ядъ, но водица. Какъ переводъ, пьеса не дурна и заключаетъ въ себѣ интересные по мысли монологи о недостаткахъ современнаго общества, о чести, гражданскомъ и человѣческомъ долгѣ, самоубійствѣ и т. д.

Къ этому же времени относится его оригинальная басня «Лисица - Казнодѣй», въ которой авторъ, не смотря на молодость, пытается уже сатирически изобразить корыстныя побужденія людей—результатъ наблюденій, которыя, быть можетъ, онъ успѣлъ сдѣлать на недавней службѣ и при дворѣ. Лисица сплетаетъ похвалы Льву— «царю звѣрей» (впрочемъ уже умершему). Авторъ говоритъ тѣмъ, кто удивляется нахальной лжи льстеца:

„Чему дивишься ты,
„Что знатному скоту льстятъ подлые скоты.
„Когда-же то тебя такъ сильно изумляетъ,
„Что низка тварь корысть всему предпочитаетъ,
„И къ счастію бредетъ презрѣнными путьми,
„Такъ видно никогда ты не жилъ межъ людьми".

***

Въ «Трутнѣ», извѣстномъ сатирическомъ журналѣ прошлаго вѣка, находимъ «извѣстіе», которое сразу вводитъ читателя въ міръ сатиры и аллегоріи прошлаго вѣка. Извѣстіе идетъ съ Парнаса. Музы жалуются Аполлону на искаженіе переводчиками славныхъ поэтовъ.

„Мельпомена и Талія проливали слезы и казались неутѣшными. Великій Апполонъ увѣрялъ ихъ, что сіе случилось безъ его позволенія и показалъ Таліи *новую русскую комедію*, сочиненную однимъ молодымъ писателемъ. Талія, прочитавъ оную, приняла на себя обыкновенный свой веселый видъ и сказала Аполлону, что она сего автора съ удовольствіемъ признаетъ своимъ законнымъ сыномъ. Она записала его имя въ памятную книжку, въ число своихъ любимцевъ".

Это извѣстіе знакомитъ насъ съ успѣхомъ комедіи «Бригадиръ».

Успѣхъ былъ рѣшительный и единодушный какъ со стороны критики, такъ и въ публикѣ. Комедія «часто представлялась на театрѣ, какъ въ С.-Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, завсегда къ отмѣнному удовольствію зрителей и не выходя изъ вкуса»—говоритъ современникъ въ «Драматическомъ Вѣстникѣ». Другіе говорятъ, что̀ большаго успѣха не могъ имѣть и Мольеръ во Франціи. Въ самомъ дѣлѣ достаточно сравнить «Бригадира» съ любой театральной пьесой того времени, чтобы понять вполнѣ этотъ успѣхъ. Въ этой комедіи современники въ первый разъ

услышали живое острое слово и неподдѣльное веселье взамѣнъ натянутыхъ разсужденій и ходячей морали. Издатель «Адской Почты» опредѣляетъ характеръ комедіи тѣмъ, что авторъ пишетъ «на вкусъ Мольеровъ». Что-же касается типовъ: «въ комедіи—*гнѣдости*, говоритъ онъ, не хочу сказать невозможности». — Полевой конечно правъ, говоря такъ объ этой комедіи:

„Въ „Бригадирѣ" Фонъ-Визинъ, благодаря своей наблюдательности, живому уму и сатирическому таланту, съумѣлъ ярче выставить на сцену и одарить жизнью тѣ самые типы, которые были уже подмѣчены раньше, даже очерчены довольно подробно нѣкоторыми изъ его предшественниковъ. Эти типы, такъ сказать, давно уже носились въ нашей литературной сферѣ и какъ-бы ожидали только искуснаго пера, которое-бы съумѣло ихъ изобразить рельефно".

Появленіе комедіи относятъ къ 1766 году, хотя время это съ точностью не установлено. Для біографіи автора обстоятельство это не имѣетъ значенія особаго потому уже, что произведенія его и по многимъ другимъ причинамъ нельзя разсматривать въ хронологической связи. Достовѣрно извѣстно, что «Бригадиръ» написанъ въ Москвѣ, во время отпуска, взятаго авторомъ у Елагина. Возрастъ его въ это время опредѣляется отъ 20 до 22 лѣтъ.

Комедія фонъ-Визина явилась, можно сказать, прямымъ подражаніемъ комедіи Гольберга «Jean de France».

„Автора „Бригадира" и „Недоросля" мы привыкли считать въ сильной степени оригинальнымъ сатирикомъ", говоритъ Веселовскій. „Человѣкъ, съумѣвшій живьемъ перенести на сцену помѣщичью и городскую среду своего времени, коснуться самыхъ больныхъ мѣстъ общества и привить комедіи непринужденную реальность,—проникавшійся съ годами нетерпимою національною гордостью и осыпавшій незаслуженною бранью лучшихъ людей и наиболѣе свѣтлыя стороны современной Европы, дѣйствительно долженъ былъ-бы, казалось, обладать большою самостоятельностью. Но, чтобы провѣрить степень оригинальности его пріемовъ, стоитъ собрать во-едино всѣ разоблаченія сдѣланныхъ имъ заимствованій".

Сближеніе «Бригадира» съ комедіей Гольберга обнаруживаетъ полнѣйшее сходство содержанія, интриги, хода дѣйствія и даже типовъ и выраженій, особенно въ смѣшныхъ заимствованіяхъ изъ французскаго языка. Все это объясняется тѣмъ, что Данія, какъ въ свое время Германія и Англія, переживала тогда періодъ галломаніи, точно такъ, какъ мы во времена Фонъ-Визина.

Восхищенный комедіей Гольберга «Генрихъ и Пернилла», Фонъ-Визинъ взялся за изученіе этого автора, переводилъ его басни и естественно находился подъ сильнымъ его вліяніемъ. Это вліяніе

сильнаго таланта на юный умъ Фонъ-Визина совпало такимъ образомъ и съ однороднымъ состояніемъ эпохи. Однако самъ Гольбергъ едвали-ли отказалъ-бы нашему автору въ самородномъ дарованіи. *Такъ* подражать можетъ только равный равному и «Бригадиръ» остается до сихъ поръ комедіей свѣжей, живой, оригинальной. Самое названіе ея стало нарицательнымъ именемъ, которымъ какъ тогда, такъ и позднѣе крестили извѣстный типъ людей. Прозвище стало смѣшнымъ; однако по знаменитой въ своемъ родѣ «табели о рангахъ» чинъ бригадира былъ не малый. Герой комедіи не даромъ глубоко убѣжденъ, что его волосы у Господа сосчитаны: «я—бригадиръ, говоритъ онъ, и если у пяти классовъ волосовъ не считаютъ, то у кого-же и считать ихъ ему». Вѣроятно, по табели о рангахъ кн. Вяземскій самого автора комедіи называлъ «Парнасскимъ бригадиромъ».

Несмотря на подражаніе Гольбергу типы комедіи весьма жизненны. Это объясняется наблюдательностью нашего автора, его живымъ и острымъ умомъ и талантомъ не только писателя, но отчасти актера. Онъ любилъ передразнивать людей и умѣлъ живо и вѣрно подмѣчать смѣшныя стороны. Въ тѣ времена принято было писать съ «подлинниковъ», и авторъ широко этимъ воспользовался, наблюдая въ Москвѣ ту среду, въ которой онъ самъ жилъ и мѣтко схватывая отдѣльныя черты.

Въ «Признаніи» онъ разсказываетъ о временномъ увлеченіи своемъ дѣвушкой, о которой можно было только сказать: «толста, толста... проста, проста!» Она имѣла мать, которую цѣлая Москва огласила «набитою дурой». Послѣдняя и послужила ему «подлинникомъ». «По крайней мѣрѣ, говоритъ авторъ, изъ всего моего приключенія родилась роль «Бригадирши».—Таковы были «рѣдкости» въ обществѣ того времени. Неудивительно, что роль эта возбудила, по словамъ автора, уже въ чтеніи особое вниманіе графа Панина. «Я вижу, сказалъ онъ ему, что вы очень хорошо нравы наши знаете, ибо *Бригадирша ваша всѣмъ родня* и т. д.».

Весь эпизодъ отошеній крючковатаго Совѣтника, этого лицемѣрнаго ханжи и сластолюбца, къ Бригадиршѣ быть можетъ списанъ съ натуры. Типъ подобнаго лихоимца несомнѣнно былъ хорошо извѣстенъ народу и осмѣивался конечно раньше въ сценическихъ представленіяхъ разночинцевъ и скомороховъ. Подобныя представленія, хотя самаго примитивнаго, пер-

вобытнаго характера давно уже стали любимымъ развлеченіемъ городскихъ обывателей и устраивались на личныя средства предпріимчивыми разночинцами и посадскими людьми въ нанятыхъ въ чьемъ-либо частномъ домѣ «палатахъ», причемъ съ народа взималась плата за входъ. Такъ было до учрежденія постояннаго театра въ 1756 г., даже позднѣе. Такимъ образомъ театръ вообще и комедія Фонъ-Визина въ частности имѣли своихъ предшественниковъ, скромныхъ, малозамѣтныхъ, но много способствовавшихъ распространенію любви къ театральнымъ зрѣлищамъ. Несмотря на это съ одной стороны и подражаніе Гольбергу съ другой, «Бригадиръ» является «первою комедіею въ русскихъ нравахъ», какъ опредѣлилъ ее тогда-же гр. Панинъ. Форма, содержаніе и языкъ—все было ново, оригинально и художественно въ этомъ юномъ произведеніи. Къ ней уже нельзя было поставить эпиграфомъ «дѣйствіе происходитъ въ Тмуторакани», какъ *ко всѣмъ* трагедіямъ Сумарокова.

Фонъ-Визина можно упрекнуть лишь въ томъ, что, осмѣявъ Иванушку, онъ пошелъ еще дальше въ жизни и проявилъ рѣзкую нетерпимость ко всему вліянію французской литературы и философіи на русскую жизнь. Бѣда была конечно не въ томъ, что русскіе *учились* у иностранцевъ, хотя бы путемъ подражанія, но въ томъ, что «учились слишкомъ мало и многаго еще понять не могли». Петръ Великій изъ поѣздки за границу вернулся «преобразователемъ», но что̀ постигали сразу «державный духъ Петра и умъ Екатерины»—на то нужны были вѣка народу. Неизбѣжны были также ошибки и заблужденія.

Восемнадцатый вѣкъ до конца остался вѣкомъ контрастовъ: Петра, его ботика и дубинки, вѣкомъ Ханжихиныхъ и Чудихиныхъ (комедія Екатерины) и вмѣстѣ царственной сатиры, вѣкомъ Простаковыхъ и Митрофанушекъ, «разсчетной книжки» Бригадирши, фижмъ, роброндъ, «философіи на тронѣ», клейма и кнута. Комедія «Бригадиръ» имѣла огромный успѣхъ уже въ рукописи, особенно благодаря рѣдкому таланту чтенія вслухъ самого автора. Онъ читалъ ее самой императрицѣ, великому князю и у многихъ вельможъ, наперерывъ зазывавшихъ его къ себѣ на обѣдъ. Многіе охотно слушали по нѣсколько разъ, особенно гр. Панинъ, который говорилъ, что ему кажется—онъ видитъ саму бригадиршу, когда авторъ читаетъ эту роль.

Успѣхъ комедіи способствовалъ и движенію карьеры Фонъ-Визина.

II.

Переводъ «Альзиры» Вольтера хотя не былъ напечатанъ, распространился въ рукописи и обратилѣ на себя вниманіе самой императрицы; Фонъ-Визинъ именнымъ указомъ назначенъ былъ «состоять» при кабинетъ-министрѣ Елагинѣ.

Авторъ самъ справедливо недоволенъ былъ переводомъ; однако имя Вольтера такъ любезно было сердцу Екатерины, что попытка перевести его уже была пріятна и выгодно рекомендовала вкусъ переводчика. Такимъ образомъ началомъ карьеры обязанъ былъ Фонъ-Визинъ тому имени, къ которому потомъ всю жизнь онъ относился враждебно.

Елагинъ — самъ литераторъ по склонности и притомъ франкъ-масонъ—былъ больше другомъ для Фонъ-Визина, чѣмъ начальникомъ. Фонъ-Визинъ скоро привыкъ представлять на судъ его всѣ свои произведенія, а во время отлучекъ въ Москву, къ роднымъ, переписывался съ нимъ и посылалъ рукописи на просмотръ.

Службою Елагинъ его не утруждалъ, такъ что фонъ-Визинъ скорѣе именно «состоялъ» при немъ, чѣмъ служилъ. Только въ экстренныхъ случаяхъ онъ проводилъ у него день, по большей-же части бывалъ совершенно свободенъ и могъ предаваться любимымъ литературнымъ занятіямъ. Въ это время перевелъ онъ романъ «Любовь Кариты и Полидора». Кромѣ интереса работы, весьма кстати пришлись нашему автору и деньги, полученныя отъ издателя въ Москвѣ, такъ какъ жалованье не покрывало расходовъ. Оставляя своего пегаса, Фонъ-Визинъ въ письмахъ къ роднымъ часто жалуется на разныя недостачи. Свѣтская жизнь, визиты, куртаги при дворѣ требовали расходовъ на платье и карету. Правда, по хозяйству все присылалось изъ Москвы, свое помѣщичье, и слуги конечно были крѣпостные, но эти «Ваньки», «Петрушки», «Сеньки» требовали экипировки и «представляли въ резонъ многія заплаты на прежней ливреѣ, разность пуговицъ, изъ коихъ однѣ золотыя, иныя серебряныя, а иныя гарусныя» и т. д. Рублей 15 изъ кармана составляли по тому времени уже большія деньги *).

Молодой чиновникъ велъ довольно разсѣянную жизнь. «Острыя

*) Екатерининскій рубль составляетъ нѣсколько рублей на наши деньги.

слова» его носились по городу и пріобрѣтали ему враговъ, но среди тѣхъ, кто не былъ ими задѣтъ, они давали ему репутацію любезнаго и веселаго собесѣдника. Театръ оставался его любимымъ развлеченіемъ. Обыкновенно или онъ гдѣ-нибудь бывалъ на обѣдѣ, или у него обѣдалъ кто-нибудь изъ друзей, чаще другихъ кн. Ѳ. М. Козловскій, умный и образованный человѣкъ, преображенскій офицеръ, погибшій впослѣдствіи въ Чесменскомъ бою. (Онъ перевелъ нѣсколько комедій и написалъ оригинальную «Одолжавшіи любовникъ», нѣсколько пѣсенъ, эклогъ и т. п.) Время проходило въ живой, остроумной бесѣдѣ о литературѣ, о новостяхъ дипломатическихъ и служебныхъ, театрѣ и столичныхъ красавицахъ. Тутъ-же составлялись эпиграммы, шутливыя строфы и т. п. Иногда послѣ обѣда собирались князь Вяземскій, Дмитревскій «avec sa femme et une autre actrice», какъ сообщаетъ Фонъ-Визинъ сестрѣ предусмотрительно на французскомъ языкѣ, на случай если письмо попадетъ въ руки отца. Послѣдній находитъ предосудительнымъ знакомиться съ актерами.

Дмитревскій несомнѣнно имѣлъ значительное вліяніе на развитіе драматическаго таланта молодого автора.

Гости, собиравшіеся у Фонъ-Визина, вмѣстѣ съ хозяиномъ отправлялись во французскую комедію или въ русскій театръ, или на куртагъ и представленіе во дворцѣ, когда случались таковыя. Такимъ образомъ фонъ-Визинъ пользовался на мѣстѣ дѣйствія цѣнными замѣчаніями Дмитревскаго.

Въ Петербургѣ кромѣ французской комедіи процвѣтала трагедія» Сумарокова. «Мѣщанская драма», которая въ это время дѣлала широкія завоеванія въ Европѣ, у насъ не имѣла успѣха и только въ Москвѣ начала нѣсколько преобладать надъ драмой ложно-классической, къ великому негодованію Сумарокова. Однако и въ Петербургѣ репертуаръ иногда разнообразился: «Играна была комедія «Женатый философъ» (Де-Туша), которую смотрѣло великое множество женатыхъ нефилософовъ», пишетъ фонъ-Визинъ сестрѣ.

При всемъ своемъ трезвомъ и остромъ умѣ, Фонъ-Визинъ отдавалъ дань вѣку нѣкоторою долей сентиментальности въ молодости. Она проскальзываетъ въ нѣкоторыхъ разсказахъ его о своихъ увлеченіяхъ, въ письмахъ къ сестрѣ. По временамъ онъ хандритъ и жалуется на недостатокъ искреннихъ симпатій и главное — отсутствіе предмета. Однажды пишетъ онъ:

*

„Теперь шутить мыслей нѣтъ. Лишь только прочиталъ новую трагедію французскую „Троянки“. Слезы еще и теперь видны на глазахъ моихъ. Гекуба, лишающаяся дѣтей своихъ, возмутила духъ мой. Поликсена, ея дочь, умирая на гробѣ Ахилессовомъ, поразила жалостью сердце мое, а отчаянье Кассандры извлекло изъ глазъ моихъ слезы. Однако плюнемъ на нихъ, продолжаетъ онъ, отдавъ дань вѣку: «Стихотворецъ подобенъ попу, которому, живучи на погостѣ, не всѣхъ оплакать. Я самъ горю желаніемъ писать трагедію, и рукой моей погибнутъ по крайней мѣрѣ съ полъ-дюжины героевъ, а если разсержусь, то и ни одного живого человѣка на театрѣ не оставлю“.

Хладнокровнѣйшій въ мірѣ человѣкъ, нашъ дѣдушка Крыловъ также не зналъ предѣла въ изображеніи страстей на сценѣ. Такова была непреклонная мода въ цѣломъ мірѣ (Лессажъ осмѣялъ ее въ Жиль-Блазѣ).

Современникъ Фонъ-Визина, Лукинъ выступилъ со своей комедіей въ русскихъ нравахъ «Мотъ любовью исправленный», и въ то же время съ передѣлками комедій «Пустомеля»—съ французскаго и «Щепетильникъ»—съ англійскаго. Лукинъ хотя не былъ оригинальнымъ комикомъ, но былъ чрезвычайно умнымъ человѣкомъ, страстно любилъ театръ и понималъ его требованія. Онъ впрочемъ открыто признавалъ талантъ Фонъ-Визина и говорилъ, что послѣдній «имѣетъ больше его способностей и знанія».

Лукинъ былъ также секретаремъ у Елагина, и неизвѣстно почему между обоими авторами тлѣла постоянно глухая вражда. Фонъ-Визинъ обвинялъ постоянно Лукина въ интригахъ и въ низости характера. Въ письмахъ къ сестрѣ онъ постоянно выражаетъ негодованіе и удивленіе, что Елагинъ много вѣритъ Лукину. Въ концѣ концовъ Елагинъ устранилъ Лукина, и Фонъ-Визинъ замѣчаетъ, что Елагинъ «поклялся впредь не производить въ чины никого изъ тѣхъ, которыхъ отцы и предки во весь свой вѣкъ чиновъ не имѣли *и родились служить, а не господствовать*» (?!).

* * *

Несмотря на удаленіе Лукина, фонъ-Визинъ не подвигался по службѣ, такъ какъ Елагинъ, по пристрастію къ литературѣ, театру и философскимъ вопросамъ, мало заботился о карьерѣ, какъ своей, такъ и своего секретаря. Фонъ-Визинъ вслѣдствіе этого все болѣе и болѣе охладѣваетъ къ своему начальнику и начинаетъ относиться къ нему прямо непріязненно, отыскивая случай оставить его совсѣмъ. Честолюбію его открылся новый путь послѣ успѣха «Бригадира», написаннаго во время отпуска, въ Мо-

сквѣ. Мы знаемъ уже, какой успѣхъ имѣла комедія въ чтеніи автора и какъ обратила она на себя вниманіе императрицы и многихъ высокихъ особъ. Вскорѣ послѣ этого Фонъ-Визинъ перешелъ на службу къ графу Никитѣ Ивановичу Панину, который былъ воспитателемъ великаго князя. Это былъ одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ людей царствованія Екатерины II, какъ дипломатъ и царедворецъ. Человѣкъ большого ума и характера, онъ былъ терпѣливъ, благодушенъ, твердъ въ своихъ мнѣніяхъ и руководствовался благородными правилами какъ въ политикѣ, такъ и въ личной жизни. Сверхъ должности воспитателя наслѣдника, онъ управлялъ коллегіей иностранныхъ дѣлъ. Служба у Панина дала Фонъ-Визину то положеніе, котораго онъ искалъ. Къ этому времени относятся дружескія связи его съ политическими, военными и дипломатическими дѣятелями того времени въ Россіи и заграницей. Значительная переписка его со всѣми показываетъ съ лучшей стороны его умъ и характеръ. Всѣ отношенія его искреннія и дружескія оправдывали слова его въ одномъ письмѣ къ сестрѣ, гдѣ онъ пишетъ ей о знакомствахъ своихъ въ Петербургѣ:

„Я не лгу, что знакомства еще не сдѣлалъ. Съ кадетскимъ корпусомъ не очень обхожусь затѣмъ, что тамъ большая часть—солдаты, а съ академіей затѣмъ, что тамъ большая часть педанты. Да сверхъ того, слово *знакомство* можетъ быть Вы не такъ разумѣете. Я хочу, чтобы оное было основаніемъ ou de l'amitié ou de l'amour (или дружбы или любви!)“

Правда, письмо это относится къ періоду особой мягкости его сердца, однако въ основѣ такимъ оставался всегда характеръ отношеній его къ людямъ.

Друзья Фонъ-Визина обращаются къ нему во всѣхъ случаяхъ, когда кому нибудь надо помочь. Онъ устраиваетъ такъ, чтобы одно лицо отправлено было изъ Петербурга въ Варшаву и обратно курьеромъ безъ особой надобности, потому что его обстоятельства очень плохи. Онъ содѣйствуетъ оправданію офицера Маркова и побѣдѣ надъ несправедливымъ гнѣвомъ главнокомандующаго въ Варшавѣ. Въ концѣ концовъ приходитъ моментъ, когда ему самому грозитъ опасность въ видѣ явной опалы гр. Панина, котораго хотятъ удалить отъ наслѣдника престола. Еслибы это случилось, Панинъ намѣренъ былъ оставить службу. «Въ такомъ случаѣ, пишетъ тогда Фонъ-Визинъ, Богъ знаетъ, что мнѣ дѣлать, или лучше сказать, я на Бога положился во всей моей жизни, а наблюдаю только то, чтобъ жить

и умереть честнымъ человѣкомъ». Исторія кончилась благополучно, но каковы были интриги при дворѣ, видно изъ слѣдующихъ словъ Фонъ-Визина: «Я ничего у Бога не прошу, какъ чтобы вынесъ меня съ честью изъ этого ада».

Литературный талантъ Фонъ-Визина поступаетъ, такъ сказать, вмѣстѣ съ нимъ на службу ко двору. Повѣсть «Калисфенъ» написана вѣроятно для великаго князя. Въ этой повѣсти разсказанъ извѣстный эпизодъ убійства Клита Александромъ Македонскимъ и рисуется благородная твердость философа—ученика Аристотеля, который погибъ жертвою долга, предостерегая и упрекая Александра въ несправедливости. Повѣсть указываетъ необходимость царю имѣть вѣрныхъ совѣтниковъ и говоритъ о честности, какъ первомъ долгѣ гражданина.

Фонъ-Визинъ написалъ также «Слово на выздоровленіе великаго князя», которое произвело очень сильное впечатлѣніе на современниковъ, статьи «о вольности французскаго дворянства и пользѣ третьяго чина» (рукопись не издана) и, какъ говоритъ родной его племянникъ въ своихъ запискахъ, подъ руководствомъ Панина Фонъ-Визинъ составлялъ проекты различныхъ государственныхъ реформъ, необходимыхъ для блага имперіи. Участвуя въ трудахъ, фонъ-Визинъ принималъ участіе и въ забавахъ двора: куртагахъ, спектакляхъ и маскарадахъ. Въ такъ называемыхъ «кавалерскихъ представленіяхъ» принимали участіе всѣ вельможи. Роли распредѣлялись между ними. Принимали участіе Орловъ, Шуваловъ и др. «Въ балетѣ «Галатея и Ацилъ» его высочество явился въ видѣ брачнаго бога Гименея и искусными и благородными своими танцами удивилъ всѣхъ», пишетъ Фонъ-Визинъ сестрѣ.

Порошинъ такъ описываетъ святочныя игры при дворѣ Павла и самой Екатерины:

„Сперва, взявшись за ленту, всѣ вокругъ стали, нѣкоторые ходили въ кругу и прочихъ по рукамъ били. Какъ эта игра кончилась, стали опять всѣ въ кругъ безъ ленты уже, по двое, одинъ за другого, гоняли третьяго. Послѣ этого „золото хоронили", „заплетали плетень", пѣли, по русски плясали, польской, менуэтъ и контрадансы танцовали. Императрица во всѣхъ этихъ играхъ сама быть и „по русски" плясать изволила съ Никитою Ивановичемъ Панинымъ. Во время сихъ увеселеній вышли изъ внутреннихъ Императрицы покоевъ семь дамъ. Это были *въ женскомъ платьѣ* гр. Григорій Гр. Орловъ, камергеры—графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, гр. А. Н. Головинъ, П. Б. Пассекъ, шталмейстеръ Левъ А. Нарышкинъ, камеръ-юнкеры Баскаковъ,

кн. А. М. Бѣлосельскій. На всѣхъ были кофты, юбки и чепчики. Князь Бѣлосельскій былъ одѣтъ похуже другихъ, представляя маму, а прочія „барышни" были подъ ея смотрѣніемъ. Ихъ посадили за круглый столъ, поставили закуски и подносили пуншъ. Потомъ играли, плясали *и много шалили*" (!).

* * *

Возрожденная литература въ XVIII вѣкѣ еще не твердо стояла на ногахъ и оттого не могла принести даже скромныхъ плодовъ обществу. Реформа Петра Великаго не скоро выразилась въ литературѣ, которая продолжала быть чѣмъ-то случайнымъ до второй половины вѣка, до воцаренія Екатерины II.

Какъ будто не случайно двое юношей вступили въ жизнь и на службу въ самый годъ переворота и восшествія ея на престолъ. Эти юноши были: Фонъ-Визинъ, «гвардіи сержантъ» по званію, но уже не военный, а причисленный къ коллегіи чиновникъ-литераторъ, и Державинъ, который пока отсталъ далеко отъ Фонъ-Визина по развитію, благодаря непривилегированному рожденію и воспитанію. Въ качествѣ простого солдата онъ находился еще на дѣйствительной службѣ; на нарахъ въ казармахъ своихъ училъ онъ оды Ломоносова и пробовалъ писать, плохо зная однако грамматику. Какъ солдатъ, со своею ротой, онъ принималъ нѣкоторымъ образомъ участіе въ возведеніи Екатерины II на престолъ, и былъ изъ первыхъ, увидѣвшихъ ее въ царственномъ величіи. «Фелица» Державина явилась потомъ почти въ одно время съ «Недорослемъ» и рѣзко обозначились въ этихъ произведеніяхъ и въ лицахъ авторовъ два направленія въ литературѣ вѣка Екатерины—лирика и сатира.

Только въ эту пору печатная литература начинаетъ вытѣснять рукописную, хотя онѣ идутъ еще рядомъ долгое время. Новость дня въ 1763 году между прочимъ составляетъ *рукописная* трагедія Тредьяковскаго «Деидамія», о которой Фонъ-Визинъ пишетъ сестрѣ: «нѣтъ ничего ея смѣшнѣе; Ахиллесъ является въ ней въ женскомъ платьѣ. Въ ней 4.626 стиховъ»...

Царствованіе Екатерины, благодаря вольнымъ типографіямъ и дружной дѣятельности новыхъ людей, создало читающую публику, которая до того времени была совершенно случайной. «Кой-кто читалъ трагедіи Сумарокова, говоритъ Болотовъ: одинъ унтеръ-офицеръ полка зналъ Хорева наизусть и, побывавъ вѣроятно въ Петербургѣ въ театрѣ, декламировалъ всю трагедію съ выкриками,

пафосомъ и жестами завзятаго актера». Онъ подарилъ Болотову рукопись трагедіи и выучилъ его самого «выкрикивать по модному стихи». Театръ, развитіе сценическихъ представленій и любовь къ нимъ способствовали конечно не мало успѣхамъ въ развитіи литературы. Охотно переводились Мольеръ, Детушъ, Мариво, Реньяръ, Бомарше. Случайный характеръ литературы уступаетъ мѣсто опредѣленному направленію при Екатеринѣ. Даже дѣятельность Сумарокова пріобрѣтаетъ при ней новое значеніе и развитіе, хотя онъ давно уже писалъ. Съ ея именемъ связаны тѣсно имена не только Державина и Фонъ-Визина, при ней подъ знаменемъ ея выступающихъ въ поле, но и Хераскова, Миллера и многихъ другихъ, которыхъ дѣятельность получаетъ болѣе широкое развитіе. Замѣчательно образованная и обладавшая огромной начитанностью, при большомъ умѣ, Екатерина не только «покровительствовала», но, любя литературу, и сама занималась ею, что̀ придавало ея дѣйствіямъ особый характеръ, дружественный по отношенію къ рыцарямъ пера. Первымъ слѣдствіемъ ея воцаренія и покровительства было созданіе и оживленіе литературныхъ круговъ. Въ публичномъ собраніи И. М. Университета, 3 октября 1762 г. Рейхель, профессоръ университета и библіотекарь, произнесъ «Слово» по случаю коронованія Екатерины и говорилъ о томъ, что «наука и художества процвѣтаютъ запрещеніемъ (?) и покровительствомъ владѣющихъ особъ и великихъ людей въ государствѣ». Это слово переведено было Фонъ-Визинымъ съ *нѣмецкаго* на русскій.

Въ столичномъ обществѣ начали образовываться литературные кружки. Въ Москвѣ образовался такой кружокъ даже еще нѣсколько раньше, уже въ 1760 г., подъ сѣнью университета. Членами этого кружка были недавніе питомцы — Фонъ-Визинъ, Я. И. Булгаковъ, И. Ѳ. Богдановичъ, Потемкинъ и другіе. Но главнымъ членомъ, возлѣ котораго группировались остальные, былъ Херасковъ, сперва ассесоръ, а потомъ директоръ университета, человѣкъ высокаго благородства, искренно преданный просвѣщенію и заслужившій уваженіе не одного поколѣнія въ русскомъ обществѣ. Подъ его редакціей издавался журналъ «Полезное Увеселеніе», который члены кружка снабжали плодами своихъ трудовъ.

Для характеристики времени особенно интересенъ журналъ «Вечера», выходившій въ 1772—73 г. По мнѣнію академика Л.

Н. Майкова, этотъ журналъ былъ не предпріятіемъ одного лица, но порожденіемъ «литературнаго салона». Центромъ кружка являлись Херасковъ и его жена. Посѣтителями салона и участниками журнала были: Богдановичъ, Майковъ, Козловскій, М. В. Храповицкая и др. Помѣщаемые въ этомъ журналѣ вопросы и отвѣты, задачи и загадки, стихи на заданныя темы,—все это представляло собою слѣды тѣхъ литературныхъ забавъ, которыя были въ модѣ въ старину.

Въ одномъ номерѣ журнала, по поводу этихъ задачъ, помѣщена замѣтка — интересное литературное признаніе. «Съѣхавшись въ послѣдній вечеръ и по окончаніи нашихъ трудовъ, когда мы гораздо поустали, вздумалось намъ веселѣе окончить и для этого другъ другу задавали задачи, которыя и сообщаемъ такъ, какъ невинную шутку» и т. д.

И. И. Дмитріевъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ («Взглядъ на мою жизнь»), что Е. В. Хераскова очень любила bouts-rimés и сочиняла ихъ даже въ болѣзни, чуть ли не наканунѣ своей смерти. Если Фонъ-Визинъ и не примыкалъ тѣсно къ этому дружескому кружку, во всякомъ случаѣ живою связью между нимъ, этимъ обществомъ и самымъ изданіемъ былъ его пріятель, князь Козловскій. Къ началу царствованія Екатерины относятся и зачатки новаго сатирическаго направленія, только сперва оно носитъ характеръ болѣе общій. Таковы посланія Фонъ-Визина.

Въ кругу пріятелей фонъ-Визина князь Ѳ. А. Козловскій, талантливый юноша, котораго многіе любили за просвѣщенный умъ и благородство характера, игралъ особую роль, отразившуюся на началѣ литературной дѣятельности автора. Это былъ настоящій типъ молодого «вольтерьянца» того времени. Основательное знакомство съ французскимъ языкомъ и литературой, свѣтлый умъ и энтузіазмъ молодости сдѣлали его страстнымъ поклонникомъ великихъ идей французской философіи, въ особенности Вольтера. Вліяніе его на Фонъ-Визина могло быть весьма благотворно, такъ какъ, благодаря безпечности характера, живой умъ не спасалъ нашего автора отъ нѣкоторой самобытной распущенности, халатности мысли и недостатка серьезнаго образованія и убѣжденія.

Имѣя съ одной стороны этого друга, съ другой Елагина, своего начальника, у котораго въ домѣ онъ былъ принятъ какъ родной, тоже философа, весьма образованнаго человѣка и «главнаго мастера» россійскихъ масонскихъ ложъ — Фонъ-Визинъ имѣлъ все

данныя, чтобы усвоить себѣ плоды европейской мысли.—Это былъ рѣшительный моментъ въ жизни Фонъ-Визина. Съ его цѣльной натурой и острымъ умомъ, онъ долженъ былъ стать или сильнымъ сторонникомъ идей, которыя такъ любила Екатерина, хотя довольно платонически, или врагомъ новѣйшей философіи съ ея патріархомъ—Вольтеромъ во главѣ. Впрочемъ основательно онъ съ ними никогда не знакомился и можно къ нему отнести то-же въ отношеніи къ Вольтеру, что онъ говоритъ въ посланіи къ Ямщикову:

„Онъ, *не читавъ* Руссо, съ нимъ тотчасъ согласился,
„Что чрезъ науки свѣтъ лишь только развратился".

Именно такъ относился Фонъ-Визинъ къ энциклопедистамъ. Руссо онъ ставилъ выше всѣхъ другихъ за его идеи воспитанія.

Фонъ-Визинъ разсказываетъ въ своемъ «признаніи», что посѣщая съ Козловскимъ общество, гдѣ «шутили надъ святыней и обращали въ смѣхъ то, что должно быть почтенно», онъ поддался этому вліянію и въ то время написалъ «Посланіе къ Шумилову», за которое прослылъ безбожникомъ. «Но Господи! говорилъ онъ. «Тебѣ извѣстно сердце мое: Ты знаешь, что сіе сочиненіе было дѣйствіе не безвѣрія, но *безразсудной* остроты моей».

Взглянувъ на это «посланіе», мы не найдемъ въ немъ ни безбожія, ни «безразсудства». Смѣшеніе философіи съ «безбожіемъ», несмотря на то, что самъ Вольтеръ былъ деистъ и вовсе не отрицалъ божества, привело Фонъ-Визина наконецъ къ ханжеству.

Въ «Посланіи» автора занимаетъ вопросъ, который онъ предлагаетъ слугѣ своему, Шумилову:

„Скажи, Шумиловъ, мнѣ на что сей созданъ свѣтъ?

И въ отвѣтъ на который рисуетъ картину пороковъ общества. Ни умный, ни дуракъ не знаетъ причины, почему свѣтъ такъ глупо вертится. Почему вездѣ торжествуетъ глупость, обманъ и неправда.

„И все мнѣ кажется на свѣтѣ суета".

Жизнь игрушка, и надо только умѣть ею забавляться. Зачѣмъ людямъ рай?

„Жить весело и здѣсь, лишь ближними играй—играй, хоть отъ игры и плакать ближній будетъ".

Не получивъ ни отъ кого отвѣта на вопросъ о цѣли созданья, авторъ заключаетъ посланіе словами:

„И самъ не знаю я, на что сей созданъ свѣтъ."

Особенно раскаивался вѣроятно Фонъ-Визинъ въ томъ, что осмѣялъ здѣсь духовенство. По крайней мѣрѣ въ «Признаніи» онъ говоритъ о «нѣсколькихъ строкахъ» въ посланіи, «кои являютъ его заблужденіе». Судя по ханжеству его въ послѣдніе годы жизни, эти строки должны быть слѣдующія:

„Смиренны пастыри душъ нашихъ и сердецъ
Изволятъ собирать оброкъ съ своихъ овецъ.
Овечки женятся, плодятся, умираютъ,
А пастыри при томъ карманы набиваютъ,
За деньги чистыя прощаютъ всякій грѣхъ,
За деньги множество сулятъ въ раю утѣхъ.
Но если говорить на свѣтѣ правду можно,
То мнѣніе мое скажу я вамъ не ложно:
За деньги самого Всевышняго Творца
Готовы обмануть и пастырь и овца“.

По указанію митрополита Евгенія, посланіе было напечатано въ Москвѣ въ 1763 году, во время даннаго отъ дворца народу публичнаго маскарада, когда на три дня во всѣхъ московскихъ типографіяхъ позволена была свобода печатанія.

Однако уже кн. Вяземскій тщетно разыскивалъ подтвержденія факта такихъ «литературныхъ сатурналій», по остроумному его опредѣленію. Повидимому это посланіе явилось только въ 1770 году въ «Пустомелѣ», съ такимъ примѣчаніемъ:

„Кажется, нѣтъ нужды читателя моего увѣдомлять объ имени автора сего „посланія“. перо, писавшее сіе, россійскому ученому свѣту и всѣмъ любящимъ словесныя науки довольно извѣстно. *Многія письменныя сего автора сочиненія носятся по многимъ рукамъ*, читаются съ превеликимъ удовольствіемъ и похваляются сколько за ясность и чистоту слога, столько за остроту и живость мыслей, легкость и пріятность изображенія и т. д.“

Не нужно было «сатурналій» для дозволенія печатать это посланіе. Вкусъ къ философіи былъ такъ развитъ, что нѣкоторые факты вольнодумства цензуры кажутся теперь парадоксами.

Такъ, когда Фонъ-Визинъ сталъ переводить сочиненіе Самуэля Кларка *«Доказательства бытія Божія и истины христіанскія вѣры»*, Тепловъ давалъ ему совѣты, какъ обойти цензуру Синода. «Но неужели, спросилъ Фонъ-Визинъ, Синодъ будетъ дѣлать мнѣ затрудненія въ намѣреніи столь невинномъ?» «Да развѣ не знаете вы, кто въ Синодѣ оберъ-прокуроръ?»— «Не знаю».—«Такъ знайте-жъ—Петръ Петровичъ Чебышевъ», сказалъ Тепловъ. Этого оберъ-прокурора Св. Синода считали явнымъ атеистомъ. Тепловъ увѣрялъ Фонъ-Визина, что встрѣтилъ въ

домѣ пріятеля двухъ гвардіи унтеръ-офицеровъ, которые спорили о бытіи Божіемъ. Одинъ изъ нихъ кричалъ: «Нечего пустяки молоть, а Бога нѣтъ».—Да кто тебѣ сказывалъ, что Бога нѣтъ? спросилъ Тепловъ. — «Петръ Петровичъ Чебышевъ вчера на гостиномъ дворѣ». Въ этомъ разсказѣ Теплова очевидно кое-что прибавлено отъ себя, и самъ Фонъ Визинъ замѣтилъ, что Тепловъ имѣетъ личность противъ Чебышева, такъ какъ бранитъ его сильно, но все-же «нѣтъ дыму безъ огня».

Фонъ-Визинъ добивался отъ Теплова, гдѣ взять оружіе противъ безбожниковъ и какъ почерпнуть наилучшіе доводы о бытіи Божіемъ. Послѣдній указалъ ему на сочиненіе С. Кларка, которое, по увѣренію Фонъ-Визина, и вернуло ему душевный покой. Надо отдать справедливость Фонъ-Визину въ томъ, что онъ честно отнесся къ волновавшему его вопросу, искалъ откровенія, хотя по свойственной натурѣ его лѣни слишкомъ скоро и неразборчиво *нашелъ* разрѣшеніе вопроса. Онъ самъ обнаруживаетъ, насколько предвзяты были его рѣшенія въ этомъ вопросѣ, разсказомъ о посѣщеніи дома одного знатнаго, очень умнаго и образованнаго вельможи. «Онъ былъ уже старыхъ лѣтъ, говорилъ Фонъ-Визинъ, и все дозволялъ себѣ, потому что ничему не вѣрилъ. Сей старый грѣшникъ отвергалъ даже бытіе Вышняго существа». Фонъ-Визинъ обѣдалъ у него, и за столомъ хозяинъ, къ негодованію юнаго, но патріархальнаго по убѣжденіямъ или, вѣрнѣе, по воспитанію автора, не скрывалъ своего свободомыслія. «Разсужденія его были софистическія и безуміе *явное*, но со всѣмъ тѣмъ *поколебали душу мою*». На вопросъ кн. Козловскаго, нравится-ли ему это общество, онъ солидно отвѣтилъ, что проситъ «уволить его отъ умствованій, которыя не просвѣщаютъ, но помрачаютъ человѣка». Тутъ казалось ему, что пришло ему въ голову наитіе здраваго разсудка. «Я въ каретѣ разсуждалъ о безуміи невѣрія очень справедливо и объяснялся весьма выразительно, такъ что князь ничего отвѣчать мнѣ не могъ».

Установившееся такимъ образомъ міросозерцаніе было, быть можетъ, душеспасительно, но становилось на дорогѣ къ разрѣшенію многихъ вопросовъ въ смыслѣ прогрессивномъ. Были вопросы, которые затрогивать только считалось уже противнымъ религіи. Ломоносову, какъ извѣстно, приходилось энергично защищать свободу физическихъ испытаній природы.

Извѣстная книга Фонтенеля «Разговоры о множествѣ мі-

ровъ» ввела въ Европѣ давно уже въ общее сознаніе факты ученія Декарта и Коперника о природѣ. У насъ же она была запрещена. Въ 1757 году члены Синода подавали Елизаветѣ докладъ, въ которомъ просили ее высочайшимъ указомъ запретить, «дабы никто отнюдь ничего писать и печатать, какъ о множествѣ міровъ, такъ и о всемъ другомъ, вѣрѣ святой противномъ и съ честными нравами несогласномъ, подъ жесточайшимъ за преступленіе наказаніемъ—не отваживался, а находящуюся нынѣ во многихъ рукахъ книгу «о множествѣ міровъ» Фонтенеля указать вездѣ отобрать и передать въ Синодъ». Они-же требовали суда надъ Ломоносовымъ, какъ безбожникомъ. Послѣдній напротивъ ссылался даже на Василія Великаго и высказывалъ свой взглядъ въ одѣ:

„Уста премудрыхъ намъ гласятъ:
„Тамъ разныхъ множество свѣтовъ;
„Несчетны солнца тамъ горятъ,
„Народы тамъ и кругъ вѣковъ:
„Для общей славы божества
„Тамъ разна сила естества".

Печать раскаянія Фонъ-Визина въ «вольнодумствѣ» лежитъ уже на переводѣ «Іосифа» соч. Битобе, въ 9 пѣсняхъ, вслѣдъ за «Посланіемъ». Въ этомъ изложеніи библейскаго разсказа слогъ автора «Бригадира» является въ несвойственномъ ему видѣ, напыщенномъ и раздутомъ реторикой. Фонъ-Визинъ говоритъ однако, что многіе проливали слезы, читая это повѣствованіе.

ГЛАВА II.

Письма изъ-за-границы.

I.

Фонъ-Визину было всего 17 лѣтъ, когда онъ, студентъ Московскаго университета, перевелъ басни Гольберга съ нѣмецкаго. Книгопродавецъ, по заказу котораго исполненъ былъ этотъ трудъ, обѣщалъ заплатить автору книгами. Фонъ-Визинъ былъ радъ этому, надѣясь имѣть книги, нужныя ему для дальнѣйшихъ занятій по изученію литературы. Книгопродавецъ сдержалъ слово и книги на условленную сумму (50 руб.) выдалъ. «Но какія книги!» восклицаетъ авторъ въ своемъ *Признаніи*. «Онъ, видя меня въ лѣтахъ бурныхъ страстей, отобралъ для меня цѣлое собраніе книгъ соблазнительныхъ, украшенныхъ скверными эстампами, кои развратили мое воображеніе и возмутили душу мою. И кто знаетъ, не отъ сего-ли времени начала скапливаться та болѣзнь, которою я столько лѣтъ стражду».

Изъ писемъ его къ сестрѣ мы знаемъ, что жизнь его не была спокойной и тихой жизнью литературнаго труженика. Онъ не разъ увлекался, начиная съ той дѣвушки, о которой говорилъ, что она «умомъ была въ матушку», а мать послужила подлинникомъ «Бригадирши». Онъ привязался къ ней, но поводомъ къ привязанности «была одна разность половъ, ибо въ другое влюбиться было не во что». Вмѣстѣ съ тѣмъ Фонъ-Визинъ способенъ былъ и къ увлеченію другого рода, чисто платоническому. Въ Москвѣ-же онъ познакомился съ однимъ полковникомъ, котораго жена страдала отъ легкомыслія своего супруга. Это положеніе возбудило искреннюю симпатію его, и мы видимъ здѣсь дружбу чистую и рѣдкую даже въ наше время между мужчиной и женщиной. Частое посѣщеніе дома полковника обратило на себя вниманіе

общества и клеветники толковали его визиты по своему, но Фонъ-Визинъ утверждаетъ «честью и совѣстью», что кромѣ нелицемѣрнаго дружества не питали они другихъ чувствъ другъ къ другу.

Другого рода чувство возбудила въ немъ сестра полковницы. Страсть къ ней, говоритъ онъ, «была основана на почтеніи, а не на разности половъ». Фонъ-Визинъ женился впослѣдствіи на другой, но въ сердцѣ онъ сохранялъ память о ней втеченіе всей своей жизни.

Почему онъ на ней не женился, несмотря на признаніе въ вѣчной любви и съ ея стороны, Фонъ-Визинъ не поясняетъ. Въ 1769 году Фонъ-Визинъ перевелъ англійскую повѣсть «Сидней и Силли, или благодѣяніе и благодарность». Къ этой нравоучительно-сентиментальной повѣсти онъ написалъ слѣдующее посвященіе, которое относится вѣроятно къ предмету его первой любви:

„Къ госпожѣ“... „Слѣдуя волѣ твоей, перевелъ я Сиднея и тебѣ приношу переводъ мой. Что мнѣ нужды, будутъ-ли хвалить его другіе. Лишь-бы онъ понравился тебѣ! Ты одна всю вселенную для меня составляешь“.

Эта повѣсть, комедія «Бригадиръ» и «Іосифъ» написаны почти одновременно. Въ комедіи острый и живой умъ автора и комизмъ, присущій его натурѣ, нашли выраженіе въ простомъ, ясномъ и живомъ языкѣ. Въ повѣсти, хотя переводной, явно отразилось временное сентиментальное настроеніе юноши; наконецъ въ переводѣ пѣсенъ поэмы Битобе, взамѣнъ библейской простоты прекраснаго преданія, напыщенный дутый языкъ притворнаго ханжества отвѣчаетъ вполнѣ разсудочному увлеченію нашего автора церковной схоластикой. Къ счастію Фонъ-Визинъ освободился отъ послѣдняго вліянія, по крайней мѣрѣ до извѣстной поры.

Итакъ, увлеченія смѣнялись и въ Петербургѣ одно другимъ, какъ это видно по разсказамъ въ письмахъ къ сестрѣ. Безъ предмета страсти Фонъ-Визинъ не любилъ долго оставаться. Онъ увѣряетъ сестру, что не созданъ для придворной жизни, между тѣмъ

„Положилъ себѣ за правило стараться вести время свое такъ весело, какъ могу. И если знаю, что сегодня въ такомъ-то домѣ будетъ весело, то у себя дома не остаюсь. Словомъ, когда-бъ меня любовь не такъ смертельно жгла, то жилъ-бы изряднехонько“.

„Но страсть моя меня толико покорила,
Что весь разсудокъ мой въ безумство претворила“.

А страсти мѣнялись и развлеченья еще быстрѣе:

„Вчера была французская комедія „Le turcaret“ и малая „L'esprit de contradiction“, пишетъ онъ, скоро будетъ кавалерская, не знаю, достану-ли билетъ. Впрочемъ всѣ тѣ миноветы, которые играютъ въ маскарадахъ, и я играю на своей скрипкѣ пречуднымъ мастерствомъ (!). Да нынче попалась мнѣ на языкъ русская пѣснь, которая съ ума нейдетъ: „*Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго*“. Чортъ знаетъ! Такой голосъ, что растаять можно, и теперь я пѣлъ; а натвердилъ ее у Елагиныхъ. Меньшая дочь поетъ ее ангельски“.

Узнать ли въ этомъ свѣтскомъ весельчакѣ обличителя крѣпостного права, «властелина сатиры»!

«Гульбища по садамъ» занимаютъ также довольно времени, разсказываетъ онъ. Петербургскіе жители дѣлятъ цѣлую недѣлю на зрѣлища и веселья, и Фонъ-Визинъ не отстаетъ отъ свѣта. Съ семьею родныхъ своихъ или съ знакомыми съѣзжаются на острова Каменный, Крестовскій и «Петербургскій», устраиваютъ на открытомъ воздухѣ ужины и веселятся такъ, какъ мы не умѣемъ. За городомъ обѣдаютъ in's Grüne или въ трактирѣ, катаются на шлюпкѣ, играютъ въ фортуну и т. д. Такимъ образомъ дворцовые куртаги смѣняются семейными, патріархальными развлеченіями. Патріархальность достигаетъ эпическаго склада, напр. на страстной недѣлѣ.

«Въ животѣ моемъ плаваетъ масло деревянно, такожде и орѣхово», шутливо пишетъ онъ сестрѣ. Однако же это вовсе не шутка, принимая во вниманіе, что «пироги съ миндалемъ, *щепки* и гречневая каша не мало помогаютъ въ пріобрѣтеніи душевнаго спасенія». Этого рода «душевное спасеніе» имѣетъ нешуточную связь съ сочиненіемъ Самуэля Кларка, такъ какъ сопровождается, по словамъ Фонъ-Визина, усерднымъ «слушаніемъ» заутрень, «часовъ» и вечерни. Бурно протекала молодость Фонъ-Визина и рано сталъ онъ искать «душевнаго спасенія» и каяться, хотя впрочемъ не оставилъ «вольнодумныхъ» мыслей въ отношеніи къ «попамъ»; только остроуміе свое въ этомъ направленіи онъ перенесъ на католическую церковь, въ письмахъ своихъ изъ-за границы, отчасти указывая на дѣйствительное зло ея господства во Франціи, отчасти просто пересмѣивая чужіе обычаи, потому только, что они не наши.

Въ 1773 году Фонъ-Визинъ становится значительнымъ бариномъ-помѣщикомъ. Графъ Никита Ивановичъ Панинъ, закончивъ воспитаніе наслѣдника престола, получилъ различныя «милости» и награды.

Изъ 9 тысячъ «душъ», полученныхъ въ томъ числѣ, Панинъ 4000 щедро подарилъ троимъ секретарямъ; такимъ образомъ Фонъ-Визинъ сталъ владѣльцемъ 1180 душъ. Само собою владѣніе «душами» не шокировало нашего сатирика и спасенію собственной души не мѣшало. Напротивъ, въ письмѣ къ Козодавлеву, по поводу вопроса о помѣщеніи въ россійскомъ словарѣ уменьшительныхъ именъ, Петрушекъ, Ванекъ, Анютокъ, Марфутокъ и т. д. Фонъ-Визинъ остроумно и логично поясняетъ: «тридцать тысячъ душъ имѣть хорошо, но не въ лексиконѣ».

Здоровье жены Фонъ-Визина требовало леченія и перемѣны климата. Обезпеченное состояніе позволило ему теперь предпринять поѣздку за-границу. Въ распоряженіяхъ, оставленныхъ управляющему, Фонъ-Визинъ обнаруживаетъ удивительное благоразуміе.

Все имущество тщательно записано; перечислены въ запискѣ и кафтаны бархатные, и суконные, шитые золотомъ, платье «весенняго бархата», «перуанавая» лѣтняя пара, парчевой шлафрокъ и т. п.—«отъ картинъ до разломанной вафельной доски!» А путь изъ Петербурга въ Вѣну, Парижъ или Монпелье въ то время былъ не малый «вояжъ», по почтовымъ и проселочнымъ дорогамъ, нерѣдко съ препятствіями, приключеніями, а иногда и недобрыми встрѣчами. Страхованія отъ нечаянныхъ случаевъ не было, а между тѣмъ недалеко еще путешественники наши отъѣхали, какъ уже произошелъ печальный инцидентъ—дорогой въ лѣсу древесный сукъ разбилъ стекло въ каретѣ и едва не лишилъ глаза жену Фонъ-Визина, которой онъ читалъ въ то время вслухъ. Карета служила спальней, столовой и библіотекой.

Письма Фонъ-Визина изъ за границы къ сестрѣ и къ графу Панину почти одинаковы по содержанію, но первыя, заключая въ себѣ нѣсколько меньше политики и философіи, болѣе пространны и картинны въ описаніи быта. Онъ зналъ, что сестра его оцѣнитъ изложеніе и содержаніе: она сама писала и переводила. Довольно рѣдкое явленіе въ то время, когда еще Простаковы восклицали: «До чего мы дожили! Къ дѣвушкамъ письма пишутъ, дѣвушки грамотѣ знаютъ».—Одобряя литературные опыты сестры и помогая дружески, совѣтами и указаніями, Фонъ-Визинъ писалъ ей однажды въ пылу увлеченія: «продолжай, ты будешь великій человѣкъ!»

II.

Проѣхавъ 900 верстъ отъ Смоленска до Варшавы, путешественники «ничего не ощущали кромѣ непріятностей и мучительныхъ безпокойствъ», вродѣ приключенія съ разбитымъ стекломъ, грязи и плохой ѣды въ корчмахъ. Городки и мѣстечки одно другого грязнѣе и невзрачнѣе утомительно-однообразны въ описаніяхъ. Отъ Краснаго до Варшавы не случается Фонъ-Визину хорошо пообѣдать. Зато въ городѣ Красномъ, похуже немного всякой скверной деревни

„городничій Степанъ Яковлевичъ Аршеневскій принялъ насъ дружески, пишетъ Ф. В., и на завтра далъ намъ обѣдъ, котораго я вѣчно не забуду. Поваръ его прямой empoisonneur. Цѣлые три дня желудки наши отказывались отъ всякаго варенія. Онъ все изготовилъ въ такомъ вкусѣ, въ какомъ Козьма, Хавроньинъ мужъ, состряпалъ поросенка".

Въ дорогѣ обѣдать приходилось въ каретѣ и почевать также; въ горницѣ можно было встрѣтить пляшущихъ лягушекъ.

Варшава имѣетъ «невѣроятное сходство» съ Москвой, говоритъ онъ. Въ Варшавѣ ожидалъ Фонъ-Визина блестящій пріемъ, какъ секретаря могущественнаго дипломата, котораго вліяніе было весьма сильно въ рѣшеніи судьбы Польши. На асамблеѣ у гетманши Огинской путешественники увидѣли «всю Варшаву». Ассамблеи повторялись каждый вечеръ. «Посолъ офрировалъ намъ свой домъ такъ, чтобы мы его за нашъ собственный почитали». По пріѣздѣ короля, въ первый куртагъ посолъ представилъ Фонъ-Визина. Король сказалъ ему, что знаетъ его давно «по репутаціи» и весьма радъ видѣть въ своей землѣ. Къ правамъ, обычаямъ и пр. Фонъ-Визинъ относится весьма скептически: «женщины одѣваются какъ кто хочетъ, но по большей части *странно*». »Развращеніе въ жизни дошло до крайности, развестись съ женой или сбросить башмакъ съ ноги здѣсь все равно». Въ театрѣ играютъ хорошо, но польскій языкъ кажется ему чрезвычайно *смѣшнымъ* и *подлымъ*. Еще въ м. Столбцахъ, недоѣзжая Варшавы, Фонъ-Визинъ успѣваетъ сдѣлать заключеніе о необычайной «простотѣ» и суевѣріи поляковъ. Тамъ видѣлъ онъ мощи св. Фабіана, удивляющаго всю Польшу чудесами—изгнаніемъ чертей изъ бѣснующихся. Нельзя не замѣтить съ первыхъ шаговъ предвзятаго намѣренія въ томъ, что

коренной житель древней Москвы и Руси дивится суевѣрію и простотѣ, отличающимъ будто бы особенно поляковъ. Въ это самое время журнальная сатира энергично боролась съ подобной *простотой* на Руси. Въ самой Москвѣ гадальщицы на кофе играли значительную роль въ обществѣ, и мощи—не менѣе. Объ остальной Руси и говорить нечего. «Особенною характерною чертою старинныхъ людей, выросшихъ въ глуши, было суевѣріе, наслѣдованное ими отъ глубокой древности», говоритъ Афанасьевъ. Въ эту эпоху много еще попадалось въ обществѣ такихъ *простаковъ*, которые готовы были искать кладовъ, разрывъ-травы и косточку-невидимку; серьезно боялись колдуновъ и мертвецовъ и были убѣждены, что по ночамъ домовые собираются въ погребахъ и конюшняхъ; отъ души вѣрили, что старинныя примѣты, сны и ворожба на бобахъ, кофе и картахъ, непремѣнно сбываются, что бѣда отъ дурной встрѣчи неминуема, что просыпанная соль и тринадцать за столомъ предвѣщаютъ бѣду и смерть и т. п.

Умный и проницательный Фонъ-Визинъ, не ослѣпленный блескомъ шумной, нарядной жизни, естественно могъ предпочитать русскую простоту польской напыщенности, но чрезмѣрная холодность и какое-то тайное упорство заставляли его закрывать глаза на преимущества встрѣченной здѣсь культуры.

За Варшавой слѣдовали Лейпцигъ, Дрезденъ, Франкфуртъ. Нѣмецкія княжества смѣняютъ одно другое, «что ни шагъ—то государство!» Фонъ-Визинъ проѣхалъ Ганау, Майнцъ, Фульду, Саксенъ-Готу, Эйзенахъ и нѣсколько княжествъ мелкихъ принцевъ.

„Дороги часто находилъ немощеныя, но вездѣ платилъ дорого за мостовую и когда по вытащеніи меня изъ грязи, требовали съ меня денегъ за мостовую, то я осмѣливался спрашивать: гдѣ она? На сіе отвѣчали мнѣ, что его свѣтлость, владѣющій государь, намѣренъ приказать мостить впредь, а теперь собирать деньги. *Таковое правосудіе съ чужестранными заставило меня сдѣлать заключеніе и о правосудіи съ подданными*" (!).

Мангеймъ—резиденція курфюрста пфальцскаго, произвелъ наилучшее впечатлѣніе на Фонъ-Визина, особенно благодаря любезному пріему двора. Лейпцигъ привелъ его лишь къ доказательству мысли, что «ученость не родитъ разума».

Городъ этотъ нашелъ онъ наполненнымъ учеными людьми, изъ которыхъ одни считаютъ будто-бы главнымъ человѣческимъ достоинствомъ умѣнье говорить по латыни, «чему однако-жъ не

*

времена Цицероновы умѣли и пятилѣтніе дѣти», другіе возносятся на небеса, не зная, что дѣлается на землѣ. Въ общемъ это городъ, въ которомъ живутъ *преученые педанты*, и гдѣ потому очень скучно. Ломоносовъ едва-ли согласился бы вполнѣ съ этимъ мнѣніемъ о Лейпцигѣ, какъ и многіе другіе, которые, попадая заграницу, искали прежде всего знанія. Фонъ-Визинъ, правда, вѣренъ себѣ: предъ знаніемъ и разумомъ онъ нигдѣ не преклоняется. Его не волнуетъ все то, что свидѣтельствуетъ о результатахъ исторической жизни, прогресса, смѣны поколѣній и культуры. Во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, по долгу путешественника, осматриваетъ онъ знаменитые остатки и памятники старины: но все, что имѣетъ «древность однимъ своимъ достоинствомъ», его не занимаетъ. Онъ видѣлъ «золотую буллу» императора Карла V, писанную въ 1356 г., былъ въ имперскомъ архивѣ и замѣчаетъ: «все сіе по истинѣ не стоитъ труда лазить на чердаки и слѣзать въ погреба, *гдѣ хранятся знаки невѣжества»* (!).

Проѣхавъ Саксонію, Фонъ-Визинъ достигъ Франціи и черезъ Страсбургъ и Безансонъ, добрался до Ліона и отсюда въ Монпелье. Послѣ успѣшнаго леченья жены они отправились въ Парижъ.

Съ Ліономъ начинается рѣзкая критика Франціи, народа, обычаевъ и правленія. Во многомъ авторъ очень и очень правъ; описанія его часто такъ живы и картинны, что до сихъ поръ сохраняютъ интересъ, но на всемъ лежитъ печать предвзятаго спѣсиваго отношенія къ превосходству, котораго онъ не хочетъ признавать, скептическаго отношенія къ наукѣ, философіи, къ предметамъ всеобщаго восторга и удивленія, причемъ въ основаніи такого отрицательнаго отношенія не лежитъ ни изслѣдованіе, ни серьезная критика, а лишь слѣпое голословное утвержденіе: «мы лучше», нерѣдко ложные крѣпостническіе взгляды и страсть къ передразниванію и пересмѣиванью всего чужаго:

„Я хотѣлъ-бы описать многія traits (черты) ихъ глупости, вѣтренности и невѣжества, пишетъ Ф. В. сестрѣ о французахъ, но предоставляю разсказать на словахъ по моемъ возвращеніи. Разсказывать лучше нежели описывать, потому что всякое ихъ разсужденіе препровождено бываетъ жестами, которыхъ описать нельзя, *а передразнить очень ловко*“.

Онъ не брезгаетъ случаемъ позабавиться надъ простодушнымъ, довѣрчивымъ людомъ, который удивляется этому русскому барину съ его щедростью и расточительностью. «Я думаю нѣтъ

въ свѣтѣ націи легковѣрнѣе и безрасуднѣе» пишетъ онъ. Онъ описываетъ потомъ французовъ, какъ описываютъ европейскіе путешественники кафровъ и готтентотовъ.

Впрочемъ онъ ладитъ вездѣ и нравится всѣмъ; его талантъ передразнивать даетъ ему большой успѣхъ въ обществѣ, которое онъ забавляетъ, особенно у дамъ. «Я передразниваю здѣсь своего банкира не хуже чѣмъ нашего Сумарокова» пишетъ онъ. Критикуя и браня многое въ письмахъ, онъ однако добродушно любезенъ со всѣми и особенно съ тѣми, которыхъ обманываетъ и осмѣиваетъ, обнаруживая чисто-русское незлобливое лукавство. «Хороши-англичане» говоритъ онъ, замѣчая о ненависти къ нимъ французовъ. «Заѣхавъ въ чужую землю, потому что въ своей холодно, презираютъ жителей въ глаза и на всѣ ихъ учтивости отвѣчаютъ дерзостями». Его собственное поведеніе какъ разъ обратно этому; онъ смѣется со своими, но любезенъ и привѣтливъ вездѣ. Онъ очень радъ, что видѣлъ чужіе края «по крайней мѣрѣ не могутъ мнѣ импонировать наши Jean de France», восклицаетъ онъ.

«Отъ того-ли, что, осмѣявъ въ «Бригадирѣ» повѣсу, который, побывавъ за границей, бредитъ сю на яву, побоялся онъ самъ поддаться обольщенію и вслѣдствіе того впалъ въ другую крайность, не менѣе предосудительную, хотѣлъ-ли онъ выказать насильственнымъ разсчетомъ ложнаго самолюбія, что если многіе изъ соотечественниковъ его платили дань удивленія и зависти блеску европейскаго просвѣщенія и общежитія, то онъ готовилъ ему одно строгое изслѣдованіе — судъ: какъ-бы то ни было большая часть его заграничныхъ наблюденій запечатлѣна предубѣжденіями, духомъ исключительной нетерпимости и порицаній, которыя прискорбны въ умномъ человѣкѣ».

Что еще можно прибавить къ этимъ мѣткимъ и прекраснымъ словамъ кн. Вяземскаго. Развѣ то, что форма описательная такъ хороша у Фонъ-Визина, наблюденія часто такъ мѣтко схвачены и живо переданы, что письма его могли-бы имѣть огромный интересъ и для его и для нашего времени, если-бы не эта фальшиво взятая нота.

Изслѣдуя причины такого настроенія Фонъ-Визина, кн. Вяземскій видитъ въ немъ умъ «коренной русскій», который на чужбинѣ какъ-то не у мѣста и связанъ. Такой умъ «заматерѣлый», односторонній—отъ оригинальности своей или самобытности—перенесенный въ чуждый климатъ, не заимствуетъ ничего изъ но-

выхъ источниковъ, не обогащается, не развивается, а напротивъ теряетъ силу и свѣжесть, какъ растеніе, которому непремѣнно нужна земля родины, чтобы цвѣсть и приносить плоды.

* * *

Такъ или нѣтъ, опредѣленіе явленію дано остроумное въ словѣ «заматерѣлый». Какъ иначе назвать умъ, которому кажется «смѣшнымъ» все, что̀ не похоже на свое, домашнее. И отъ смѣшнаго до презрѣннаго для него одинъ только шагъ! Въ театрѣ—въ Варшавѣ — нѣтъ удержу его смѣшливости, такъ «смѣшонъ» и «подлъ» польскій языкъ.

Во Франціи смѣшитъ его служба архіерея: «Съ непривычки ихъ церемонія такъ смѣшна, что треснуть надобно. Архіерей въ большомъ парикѣ, попы напудрены, словомъ цѣлая комедія (!)».

Въ другой разъ онъ снова описываетъ обѣдню и процессію. «Я покатился со смѣху, увидя эту комедію, говоритъ онъ: подумай, какая разница въ образѣ мыслей» (?!) «Богъ знаетъ, что это за обѣдня, которую служили, толку не нашелъ».

Единственное кажется, что Фонъ-Визинъ призналъ за границей— это леченье. Онъ съ первой-же минуты оцѣнилъ методу знаменитаго въ то время въ Монпелье врача Деламюра.

„Онъ цѣлую недѣлю ходилъ къ намъ по два раза въ день, для того, чтобы, не давая еще никакихъ лекарствъ, примѣчать натуру больной и чтобы по ней расположить образъ леченія".

Жена принимала бульонъ, который долженъ былъ «отнять остроту у крови» и укрѣпить нервы для принятія отъ солитера сильнаго средства, секретъ котораго былъ купленъ королемъ въ Швейцаріи. У насъ на Руси медицина конечно еще туго развивалась; чаще обращались къ знахарямъ чѣмъ къ «нѣмцамъ». Новиковъ или вѣрнѣе «дружеское общество» основали первую аптеку, которая бѣднымъ отпускала даромъ лекарства. Члены общества на свои средства пріобрѣтали также «секреты» врачеванія за границей. Этимъ путемъ попали къ намъ въ то время знаменитыя по-нынѣ Гофманскія капли. Впрочемъ фонъ-Визинъ понималъ и то, что прекрасный климатъ Монпелье, перемѣна въ образѣ жизни и даже самое путешествіе, несмотря на всѣ трудности, укрѣпили здоровье жены. При всемъ своемъ пессимизмѣ Фонъ-Визинъ не могъ нахвалиться чуднымъ климатомъ Лангедока, мѣсто-

положеніемъ Монпелье, и долженъ былъ признать превосходство путей за границей и сравнительное удобство въ гостинницахъ. Онъ не можетъ однако простить Ліону *перяныхъ* тюфяковъ вмѣсто пуховиковъ и байковыхъ одѣялъ. «Представь себѣ эту пытку, пишетъ онъ, когда съ одной стороны перья колютъ, а съ другой войлокъ (!). Мы съ непривычки цѣлую ноченьку глазъ съ глазомъ не сводили».

Ліонъ стоитъ вниманія, признается онъ, скрѣпя сердце; однако замѣчаетъ: «городъ изрядный, коего жители по уши въ нечистотѣ». Грязь во Франціи несомнѣнно была въ то время обильная въ старинныхъ городахъ, съ ихъ узкими улицами, несовершенствомъ городскаго хозяйства и полиціи; но русскому человѣку быть такимъ взыскательнымъ не было основаній. Фонъ-Визинъ вездѣ говоритъ о недостаткѣ чистоты въ такомъ тонѣ, какъ будто преимущество наше въ этомъ отношеніи неизмѣримо. Между тѣмъ даже Вигель, спустя полъ-вѣка, свидѣтельствуетъ въ своихъ запискахъ: «опрятность есть одно изъ *малаго числа* (!) благодѣяній, которыми, по мнѣнію моему, западу мы обязаны».

Впрочемъ и авторъ писемъ разъ нечаянно обмолвился, описывая собраніе штатовъ въ бюргерской залѣ стариннаго дома.

„Зданіе это называется Gouvernements, похоже слѣдовательно на нашу губернскую управу, но именемъ—не вещію; ибо въ здѣшнюю можно войти честному человѣку, по крайней мѣрѣ безъ оскорбленія своихъ тѣлесныхъ чувствъ“.

Читая у Фонъ-Визина описаніе зданій, древностей, промышленности, театра и прочихъ чудесъ Ліона, трудно понять крутой поворотъ въ его рѣчахъ: «господа вояжеры лгутъ безсовѣстно, описывая Францію земнымъ раемъ». Онъ съ женой того мнѣнія, что въ Петербургѣ несравненно лучше. Спору нѣтъ, народная мудрость гласитъ тоже «въ гостяхъ хорошо—дома лучше», но Фонъ-Визинъ точно съ ожесточеніемъ прибавляетъ: «мы не видали еще Парижа, но если и въ немъ *такъ же ошибемся*, какъ въ провинціяхъ французскихъ, то въ другой разъ во Францію не поѣду». Становится понятнымъ это только тогда, если установить, что для Фонъ-Визина привычки широкой и лѣнивой русской жизни были гораздо дороже всего того, что́ было достойно вниманія, удивленія и изученія въ Европѣ. А между тѣмъ послушаемъ, какъ говоритъ онъ о томъ же Ліонѣ.

„Въ окружности города превысокія горы, на которыхъ построены великолѣпные монастыри, загородные дома съ садами и виноградни-

ками. Какъ за городомъ, такъ и въ городѣ всѣ церкви и монастыри украшены картинами величайшихъ мастеровъ. *Мы вездѣ были и часто видѣли то, чего, не видавъ глазами, нельзя постигнуть воображеніемъ. Я не знатокъ живописи, но по получасу стаивалъ у картины, чтобы на нее наглядѣться*“.

Можно было бы заподозрить, что эти восторги взяты на прокатъ у другихъ авторовъ, какъ это обнаружено уже въ письмахъ его изъ Италіи, но мы находимъ подтвержденіе искренности здѣсь въ словахъ письма:

„Каждое утро съ разсвѣта до обѣда, а потомъ до спектакля мы упражнены осмотрѣніемъ города, а потомъ ходили въ театръ, который послѣ Парижскаго во Франціи лучшій“.

Монпелье—старинный городокъ, съ улицами еще болѣе узкими, но съ древнимъ университетомъ, основаннымъ еще въ 1180 г. и славнѣйшимъ въ то время въ Европѣ медицинскимъ факультетомъ.

Въ Монпелье съѣздъ государственныхъ чиновъ Лангедока для суда и сбора податей. Фонъ-Визинъ очень доволенъ Монпеллье, съ его La place du Peyrou, откуда видно Средиземное море, а при восхожденіи солнца — Испанія; съ его гуляньями и богатымъ съѣздомъ гостей во время созыва «штатовъ». Онъ вращается въ избранномъ кругу архіепископа Нарбонскаго, графа Перигора, и др. Жена его беретъ уроки французскаго языка и музыки, а самъ онъ изучаетъ юриспруденцію.

Впрочемъ наши путешественники, несмотря на ласковый пріемъ, чувствуютъ «какой-то недостатокъ въ сердечномъ удовольствіи». — «Славны бубны за горами повторяетъ снова авторъ, мы думали, что во Франціи земной рай, но ошиблись *жестоко*».

Въ письмахъ къ сестрѣ, къ гр. Никитѣ Ивановичу Панину и къ брату его гр. Петру Ивановичу Фонъ-Визинъ, подробно повторяетъ въ томъ же видѣ описаніе церемоніи открытія собранія генеральныхъ чиновъ. Онъ въ самомъ дѣлѣ остроумно и съ живой ироніей рисуетъ обстановку. Церемонія кажется ему интересной по великолѣпію и «странности древнихъ обычаевъ».

„Многолюдное собраніе ожидало прибытія гр. Перигора. Все дворянство вышло къ нему навстрѣчу и онъ занялъ на возвышенномъ мѣстѣ кресло подъ балдахиномъ, какъ представитель короля. По правую сторону его архіепископъ Нарбонскій и двѣнадцать епископовъ, а по лѣвую дворянство въ древнихъ рыцарскихъ платьяхъ и шляпахъ. Засѣданіе началось чтеніемъ историческаго описанія древняго Монпельевскаго королевства. Прошедъ времена древнихъ королей и упомянувъ, какъ оно перешло во владѣніе французскихъ государей, сказано въ заключеніе всего, что нынѣ благополучно владѣющему мо-

нарху (Людовикъ XV) надлежитъ платить деньги. Графъ Перигоръ читалъ потомъ рѣчь, весьма трогающую, въ которой изобразилъ долгъ вѣрноподданныхъ платить исправно подати. Многіе прослезились отъ сего краснорѣчія. Интендантъ читалъ съ своей стороны рѣчь, въ которой, говоря весьма много о дѣйствіяхъ природы и искусства, выхвалялъ здѣшній климатъ и трудолюбивый характеръ жителей. По его мнѣнію и самая ясность небесъ здѣшняго края должна способствовать къ исправному платежу подати. Послѣ сего архіепископъ Нарбонскій говорилъ поучительное слово. Проходя всю исторію коммерціи, весьма краснорѣчиво изобразилъ онъ всѣ ея выгоды и сокровища и заключилъ тѣмъ, что, съ помощью коммерціи, къ которой онъ слушателей сильно поощрялъ, Господь наградитъ сторицей ту сумму, которую они согласятся нынѣ заплатить своему государю. Каждая изъ сихъ рѣчей сопровождаема была комплиментомъ къ знатнѣйшимъ сочленамъ. Интендантъ превозносилъ похвалами архіепископа, архіепископъ интенданта, оба они выхваляли Перигора, а Перигоръ выхвалялъ ихъ обоихъ. Потомъ пошли въ соборную церковь, гдѣ спѣтъ былъ благодарственный молебенъ Всевышнему за сохраненіе въ жителяхъ единодушія къ добровольному платежу того, что въ противномъ случаѣ взяли-бы съ нихъ насильно".

Фонъ-Визинъ обнаружилъ много лукаваго юмора въ этомъ описаніи сбора королевской подати «Le don gratuit»; но не видно, была-ли у него въ то же время мысль о преимуществѣ такой вынужденно-добровольной подати въ сравненіи съ тѣмъ, что берутъ въ самомъ дѣлѣ безъ всякихъ просьбъ и лишнихъ церемоній.

Въ описаніи церемоніи Фонъ-Визинъ прибавляетъ соображенія о значеніи этихъ собраній для народной жизни и очень вѣрно рисуетъ злоупотребленій власти и двора. Однако, вмѣсто того, чтобъ видѣть причины ихъ въ недостаточной еще гласности и свободѣ дѣйствій,—Фонъ-Визинъ полагаетъ одну причину какъ во Франціи, такъ и у насъ, въ недостаткахъ воспитанія.

„Наилучшіе законы *не значатъ ничего*, когда исчезъ въ людскихъ сердцахъ первый законъ, первый между людьми союзъ—добрая вѣра. У насъ ея немного, а здѣсь нѣтъ и таковой!".

Между тѣмъ, говоря о продажѣ чиновъ, злоупотребленіяхъ интендантовъ, о томъ «что Франція вся на откупу» и т. д., Фонъ-Визинъ замѣчаетъ, что научился различать вольность по праву отъ дѣйствительной вольности. Нашъ народъ, говоритъ онъ, не имѣетъ первой, но послѣднею «во многомъ наслаждается». Напротивъ того французы, «имѣя права вольности, живутъ въ сущемъ рабствѣ». Онъ разумѣетъ при этомъ знаменитые lettres de cachet, фаворитовъ и министровъ, изъ которыхъ каждый—деспотъ въ своемъ департаментѣ и т. д. Все это было именно такъ, но взгля-

чемъ, для примѣра, на его-же опредѣленіе значенія lettres de cachet»; это *именные указы*, которыми король посылаетъ въ ссылку и сажаетъ въ тюрьму, которымъ никто не смѣетъ спросить причины и которые весьма легко достаются у государя обманомъ и т. д. Такъ писалъ Фонъ-Визинъ объ указахъ французскаго короля, благодушно восхваляя «дѣйствительную вольность» своего отечества. Но не такими-ли «именными указами» вскорѣ были скованы Новиковъ, Радищевъ и другіе мученики чести и добра, не считая тысячъ до нихъ и послѣ... Фонъ-Визинъ повидимому *не зналъ* ни о классическихъ продажахъ должностей въ канцеляріяхъ Безбородко и раздачѣ дворянскихъ титуловъ кучерамъ по протекціи камердиниров и ихъ любовницъ, ни о знаменитыхъ рѣшеніяхъ графа Разумовскаго на жалобы хохловъ и казаковъ о беззаконномъ захватѣ ихъ земли и хатъ сосѣдними панами, ни о генералъ-прокурорахъ, подобно кн. Вяземскому, докладывавшихъ государынѣ дѣла на разрѣшеніе, ссылаясь на тотъ или другой указъ такъ, какъ ему внушали совѣсть или «расположеніе», что́ выходило на одно, потому что совѣсть *располагали* къ рѣшенію извѣстные *документы*, ни о фаворитахъ, которыхъ алчность доходила до того, что Потемкинъ требовалъ отъ Екатерины, чтобъ она отдала «на откупа» пошлину на соль, по его указанію, согласно его расположенію къ искателямъ такого служенія народу.

Если Фонъ-Визинъ кривитъ душою, сравнивая государственный строй Франціи и Россіи къ преимуществу послѣдней, то не менѣе того пристрастенъ онъ въ описаніи общественной жизни, обычаевъ, воспитанія и національнаго характера. Нѣтъ такого порока, котораго онъ-бы не видѣлъ господствующимъ во Франціи.

„Обманъ почитается у нихъ правомъ разума. По *всеобщему* ихъ образу мыслей обмануть не стыдно, но не обмануть—глупо. *Смѣло скажу* (!), что французъ никогда самъ себѣ не проститъ, если пропуститъ случай обмануть хотя въ самой бездѣлицѣ. Божество его деньги“.

Намъ не привыкать стать къ обвиненіямъ цѣлаго народа или націи и къ обобщеніямъ лишеннымъ смысла, правды и чести. Въ сороковыхъ годахъ біографъ Фонъ-Визина произнесъ ему приговоръ, который останется конечно вѣчнымъ. Съ прискорбіемъ, а не съ легкимъ сердцемъ произносится такой приговоръ однимъ литераторомъ другому да еще такому, какъ Фонъ-Визинъ.

«Странно кажется, говоритъ князь Вяземскій, и объ одномъ человѣкѣ произнести такой приговоръ, когда сей человѣкъ не обличенъ еще судомъ, и развратъ еще не доказанъ; но какъ позволить себѣ принять такія общія нареканія къ цѣлому обществу, *цѣлому народу?* Не есть-ли это родъ кощунства надъ человѣкомъ и клеветы на самое Провидѣніе? Можно сострадать Жанъ-Жаку, когда онъ злословитъ общество и человѣка: въ краснорѣчивыхъ доводахъ его мы слышимъ вопль больнаго сердца, чувствительности раздраженной, дикій ропотъ встревоженнаго воображенія, но злословіе Фонъ-Визина *холодно, сухо,* оно отзывается правоученіемъ напыщеннаго декламатора, никого не убѣждаетъ и заставляетъ только жалѣть, что *и свѣтлый умъ имѣетъ свои затмѣнія*».

Правда-ли что никого не убѣждаетъ? авторъ этихъ строкъ забылъ о массѣ людей, которые всегда хотятъ и готовы къ тому, чтобы ихъ «убѣдили». А съ этой массой кто не долженъ считаться? Если-бы письма фонъ-Визина были обнародованы въ то время, они не исправили-бы нашихъ «Jean de France», какъ ихъ называлъ Фонъ-Визинъ и не «убѣдили» бы Александра Тургенева, но дали-бы опору многимъ недовольнымъ лучшими заимствованіями самой императрицы.

«Кто самъ въ себѣ рессурсовъ не имѣетъ, тотъ и въ Парижѣ проживетъ, какъ въ Угличѣ».—Въ этомъ есть своя психологія, но Фонъ-Визинъ стремится этимъ доказать, что тому, кто имѣетъ «свои рессурсы» не нужны Парижъ или Европа!

Подобныя выходки не требуютъ конечно опроверженія, но для характеристики Фонъ-Визина необходимо слѣдить за ними въ его противорѣчіяхъ. Имѣя въ себѣ «рессурсы», гдѣ бы путешественникъ узналъ «систему законовъ», которую онъ изучаетъ уже въ Монпелье и о которой говоритъ:

„Сколь много несовмѣстимы они (законы) съ нашими, столь напротивъ того общія правосудія правила просвѣщаютъ меня въ познаніи самой истины... Система законовъ сего государства есть зданіе можно сказать *премудрое,* сооруженное многими вѣками и рѣдкими умами".

Такъ говоритъ онъ непосредственно подъ впечатлѣніемъ лекцій. «Злоупотребленія и развращеніе нравовъ дошли теперь до крайности и потрясли основанія зданія, такъ что жить въ немъ бѣдственно, а *разорить его пагубно*», продолжаетъ онъ. Мы знаемъ, что Франція съумѣла все-таки выйти побѣдительницей изъ этой борь-

бы и разрушенія стараго порядка. Вѣрное замѣчаніе Фонъ-Визина, что при извѣстномъ режимѣ, хотя и «ограниченномъ законами», вольность есть пустое право, и право сильнаго остается правомъ превыше всѣхъ законовъ, конечно было имъ почерпнуто у самихъ-же французовъ и именно у тѣхъ философовъ, которыхъ онъ бранилъ. Фонъ-Визинъ однако намѣренно закрывалъ глаза на то обстоятельство, что эта «вольность пустая» была переходною ступенью къ другой, широкой и болѣе прочной, которой народъ скоро достигъ. Въ Парижѣ Фонъ-Визинъ увидѣлъ того, кто мощно, какъ Самсонъ, потрясалъ это древнее зданіе.

III.

«Руссо твой въ Парижѣ живетъ какъ медвѣдь въ берлогѣ, пишетъ Фонъ-Визинъ сестрѣ», никуда не ходитъ и къ себѣ никого не пускаетъ. Ласкаюсь однако же его увидѣть. Мнѣ обѣщали показать этого урода». (Фонъ-Визинъ почиталъ Руссо, такъ что сказано это здѣсь повидимому добродушно). *Вольтеръ* также здѣсь».

И онъ не только здѣсь, но весь Парижъ живетъ, мыслитъ, дышетъ въ тотъ моментъ этимъ именемъ. «Этого чудотворца на той недѣлѣ увижу»...

Прибытіе Вальтера въ Парижъ произвело точно такое же впечатлѣніе, говоритъ Фонъ Визинъ, какъ бы сошествіе божества на землю.

«Въ Академіи члены вышли ему навстрѣчу. Отъ Академіи до театра провожалъ его народъ. При входѣ его въ ложу публика апплодировала безъ конца и Бризаръ, какъ старшій актеръ, надѣлъ ему на голову вѣнокъ. Вольтеръ снялъ тотчасъ вѣнокъ и заплакавъ отъ радости, сказалъ вслухъ Бризару: „Ah Dieu! vous voulez donc me faire mourir!“ (О Боже! Вы заставите меня умереть). Бюстъ его на сценѣ увѣнчанъ былъ лавровыми вѣнками. Г-жа Вестрисъ читала обращенные къ нему стихи. Карету его провожалъ съ факелами народъ».

Еще болѣе грандіозное торжество имѣли случай видѣть Фонъ-Физинъ съ женой на представленіи той самой «Альзиры» Вольтера, которую Фонъ-Визинъ перевелъ въ своей молодости.

„За нашей каретой ѣхалъ Вольтеръ, сопровождаемый множествомъ народа, разсказываетъ онъ.—Вышедъ изъ кареты, жена моя остановилась на крылечкѣ посмотрѣть на славнаго человѣка. Мы его увидѣли почти на рукахъ несомаго двумя лакеями. Оглянувшись на жену

юю, примѣтилъ онъ, что мы нарочно для него остановились и для того имѣлъ аттенцію, къ ней подойдя, сказать съ видомъ удовольствія и почтенія: „Madame! je suis bien votre serviteur tres humble". При сихъ словахъ сдѣлалъ онъ такой жестъ, который показывалъ, будто онъ дивится самъ своей славѣ".

Русскій баринъ ничуть не потерялся предъ блескомъ этого божества и даже здѣсь въ послѣднихъ словахъ нашла матеріалъ его наблюдательная пересмѣшливость. За то описаніе пріема Вольтера таково, что мы, читая, и теперь почти присутствуемъ при немъ:

„Сидѣлъ онъ въ ложѣ m-me Lebert, но публика не прежде его усмотрѣла, какъ между четвертымъ и пятымъ актомъ. Лишь только примѣтила она, что Вольтеръ въ ложѣ, то начала апплодировать и кричать, потерявъ всю благопристойность (что особенно возмущаетъ нашего спѣсиваго боярина) Vive Voltaire! Сей крикъ отъ котораго никто другъ друга разумѣть не могъ, продолжался близъ трехъ четвертей часа. Madame Vestris, которая должна была начинать пятый актъ, четыре раза принималась, но тщетно. Вольтеръ вставалъ, жестами благодарилъ партеръ за его восхищенье и просилъ, чтобы позволилъ онъ окончить трагедію. *Крикъ на минуту утихалъ*, Вольтеръ садился на свое мѣсто, актриса начинала—и крикъ поднимался опять... Наконецъ всѣ думали, что пьесѣ вѣкъ не кончиться. Господь вѣдаетъ, какъ этотъ крикъ прервался, а Вестрисъ успѣла заставить себя слушать".

Все это мало разогрѣло Фонъ-Визина, и онъ начинаетъ свой походъ противъ энциклопедистовъ: «Изъ всѣхъ ученыхъ удивилъ меня Д'Аламберъ. Я воображалъ лицо важное, почтенное, а нашелъ *премерзкую* фигуру и *преподленькую* физіономію. *Д'Аламберы, Дидероты* въ своемъ родѣ такіе же шарлатаны, какихъ видалъ я каждый день на бульварѣ» и т. д.

«Мармонтель, Томасъ и еще нѣкоторые ходятъ ко мнѣ въ домъ. Люди умные, но большая часть врали» (!). Нельзя отрицать нѣчто хлестаковское въ этихъ отзывахъ огуломъ, какъ и о націи вообще. «Здѣсь всѣ—Сумароковы, разница только та, что здѣшніе смѣшнѣе, потому что видъ на нихъ важнѣе». Фонъ-Визина вмѣстѣ съ Франклиномъ приглашаютъ, какъ гостей, въ годовое собраніе le rendez-vous des gens des lettres (литературное общество), такъ какъ узнаютъ отъ Строгонова, что онъ занимается литературой. Онъ очень доволенъ этой любезностью, но прибавляетъ, что кромѣ охоты къ литературѣ имѣетъ онъ въ ихъ глазахъ и другой «меритъ», а именно «покупаю книги, ѣзжу въ каретѣ и живу домомъ, то есть можно прійти ко мнѣ обѣдать. Сіе достоинство

весьма принадлежитъ къ литературѣ, ибо ученые люди любятъ, чтобы ихъ почитали и кормили».

О нравственности, достоинствахъ и недостаткахъ правилъ философовъ XVIII вѣка въ ихъ личной жизни столько писали, что защита ихъ не требуетъ усилій и натяжекъ. Прежде всего несправедливы были обобщенія Фонъ-Визина. Всѣ они имѣли свои недостатки, но ни одинъ не заслужилъ грязныхъ и рѣшительныхъ опредѣленій Фонъ-Визина. Легкость нравовъ, безпечность были въ модѣ какъ результатъ распущенной жизни имперіи и переходной стадіи въ понятіяхъ, идеяхъ и условіяхъ вѣка. Романы Кребильона, равно какъ сатира Вольтера, какъ и свѣтскія хроники, исповѣдь и переписки не стѣснялись ни содержаніемъ, ни формою, ни даже цинизмомъ выраженій. Но отсюда далеко до обвиненія въ безнравственности и безчестной корысти величайшихъ людей того времени. Что Д'Аламберъ не шарлатанъ въ наукѣ, объ этомъ странно было бы спорить, но что онъ не былъ корыстнымъ, доказываетъ его отказъ отъ денегъ и почестей, предлагавшихся ему Екатериной, которая приглашала его быть воспитателемъ Великаго Князя. Д'Аламберъ боялся, что будетъ стѣснена его свобода совѣсти, или ему прійдется скоро удалиться не смотря на весь либерализмъ Екатерины. Она же предлагала ему 100,000 въ годъ и разныя почести.

Точно также поступалъ и Дидро. Княгиня Дашкова писала о немъ: «я очень любила въ Дидеротѣ даже запальчивость его, которая въ была немъ плодомъ смѣлаго воззрѣнія и чувства». Екатерина II сама пишетъ къ Сегюру, какъ Дидро, во время пребыванія въ Петербургѣ, замѣчая, что она не совершаетъ всѣхъ намѣченныхъ въ разговорѣ съ нимъ преобразованій, «изъявлялъ свое неудовольствіе съ нѣкоторымъ негодованіемъ!» и т. д.

Въ разговорѣ дяди съ племянникомъ Рамо, Дидро, есть слова, которыя лучше всего рисуютъ, какъ уживаются въ одномъ человѣкѣ разныя страсти.

„Я не презираю удовольствія чувствъ, у меня также есть нёбо, которому нравится тонкое кушанье и отличное вино; у меня есть сердце и глаза, я могу обладать красивой женщиной, обнять ее, прижать мои уста къ ея устамъ, наслаждаться ея взглядомъ и таять отъ радости на ея груди. Мнѣ нравится иной разъ и веселый вечеръ съ друзьями, даже вечеръ распущенный, но не могу скрыть отъ васъ, что для меня *безконечно слаще* помочь бѣдняку, кончить щекотливое дѣло, дать умный совѣтъ, прочесть пріятную книгу, сдѣлать прогулку съ близкимъ другомъ и т. д. *Я знаю такія дѣла,—что я отдалъ-бы все, что имѣю, чтобы имѣть возможность назвать эти дѣла своими*".

Такимъ именно былъ самъ Дидро! А другой обвиняемый предъ-судомъ Фонъ-Визина—Вольтеръ.—Каковы бы ни были нравственные недостатки Вольтера, они не могутъ уничтожить его славы и достоинства, какъ борца за истину и справедливость, равенство, гуманность, и терпимость въ самомъ широкомъ смыслѣ. Въ этой натурѣ «многообразной какъ Протей», соединяются темныя и свѣтлыя стороны. «Мы обязаны предъ Вольтеромъ и его товарищами признать, говоритъ Маколей, что настоящая тайна ихъ силы - пламенный энтузіазмъ, который во всякомъ случаѣ скрывался подъ ихъ легкой натурой». Опредѣленіе Маколея, правда, не было извѣстно Фонъ-Визину, но фактъ долженъ былъ быть извѣстенъ. Дѣла Жана Каласса, Сирвена, Монбальи нашли давно уже восторженный отголосокъ въ Европѣ въ то время, какъ Фонъ-Визинъ пріѣхалъ во Францію. Дѣло Калласа вызвало извѣстное сочиненіе о терпимости, въ которомъ Вольтеръ, опираясь на невинную жертву, требовалъ правосудія отъ всего міра. Онъ добился пересмотра дѣла, возстановленія невинности казненнаго, и король подарилъ семьѣ сумму въ 36 тыс. ливровъ. Три года жизни Вольтеръ неутомимо посвятилъ этому дѣлу. «Ни разу улыбка не касалась моихъ губъ за это время, говорилъ онъ, я считалъ бы ее глубокою несправедливостью».

Фонъ-Визинъ пораженъ невѣжествомъ дворянъ во Франціи, въ сравненіи съ русской провинціей!.. Лекціи юридическія, пишетъ онъ Панину, баснословно дешевы, такъ какъ наука эта никому не нужна «при настоящемъ развращеніи страстей», выводъ комическій, хотя независимо на этотъ разъ отъ таланта автора; «такой бѣдной учености нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ», замѣчаетъ онъ. Отъ Монпелье до Парижа авторъ забылъ объ этой теоремѣ, и пишетъ изъ Парижа, что ни одинъ знающій человѣкъ изъ Франціи никогда уѣхать не захочетъ, ибо онъ всегда тамъ вполнѣ обезпеченъ.(!)

Желая быть справедливымъ, онъ находитъ, что при всемъ развращеніи нравовъ во французахъ есть сердечная доброта—«добродѣтель, конечно, непрочная. Самые убійцы становятся таковыми лишь, когда умираютъ съ голоду; какъ же только французъ имѣетъ пропитаніе, то людей не рѣжетъ, *а довольствуется обманывать»*. Кстати сказать, какъ на качество низшей расы, смотритъ Фонъ-Визинъ на то, что дворяне терпятъ отъ слугъ и простыхъ людей удивительныя вольности. Лакеи не вскакиваютъ съ мѣстъ, какъ Фильки, Ѳомки и Петрушки, когда «баринъ» пройдетъ мимо.

За столомъ каждый служитъ только своему хозяину, не бросается подавать тарелку кому угодно—изъ одного «лакейства», а напротивъ, отвѣчаетъ: «Je ne sers que mon maitre». Наконецъ солдатъ-часовой беретъ стулъ, садится у дверей ложи въ театрѣ и на вопросъ удивленнаго Фонъ-Визина, что̀ это значитъ, ему отвѣчаютъ просто: «онъ хочетъ видѣть сцену».

Свои понятія о *разумномъ рабствѣ* онъ приводитъ въ систему.

«Равенство есть благо, говоритъ онъ, когда оно, какъ въ Англіи, основано на духѣ правленія, но во Франціи равенство есть зло, потому что происходитъ *отъ развращенія нравовъ!*»..

Такое смѣлое заключеніе дѣлаетъ онъ изъ наблюденія лакейскихъ и передень, заключеніе болѣе достойное какой нибудь совѣтницы въ «Бригадирѣ». Споры въ обществѣ о значеніи того или другого положенія, о политическихъ событіяхъ и т. п., вызываютъ также его осужденіе. «Братъ гонитъ брата за то, что одинъ любитъ Расина, а другой Корнеля»—патетически восклицаетъ онъ. Въ этой начинающей развиваться индивидуализаціи, въ развитіи личности, онъ видитъ одно тщеславіе, «ибо острота французскаго ума велитъ одному брату, любя Расина, ругать язвительно Корнеля и доказывать, что Карнель передъ Расиномъ, а братъ его передъ нимъ гроша не стоитъ». А между тѣмъ и у насъ въ это время въ литературѣ уже начинали считаться партіями, и если форма бывала неприличною, какъ бываетъ и понынѣ полемическая брань, во всякомъ случаѣ полемика являлась какъ первый признакъ начала развитія общественности. Сумароковъ былъ задирой, но его задальчивость симпатичнѣе разсудочной холодности Ф.-В. Злоупотребленія равенствомъ, какъ и многія другія, во Франціи происходятъ, по мнѣнію Фонъ - Визина, отъ того, что воспитаніе ограничивается однимъ ученіемъ. Здѣсь Фонъ-Визинъ набираетъ основанія для мыслей которыя войдутъ въ его комедію «Недоросль», въ устахъ Стародума. Во Франціи нѣтъ «генеральнаго плана воспитанія», все юношество учится, а не воспитывается. Мысли о равенствѣ и воспитаніи заимствованы иногда цѣликомъ, буквально изъ сочиненій Дюкло и др. и выдаются прямо за свои, такъ что князь Вяземскій правъ, говоря, что нашъ авторъ «на руку нечистъ». Вмѣстѣ съ Дюкло Фонъ-Визинъ забываетъ о родителяхъ и мечтаетъ о какихъ-то воспитательныхъ фаланстерахъ.

«Главное стараніе прилагаютъ, говоритъ онъ дальше «по

Дюкло о томъ, чтобы одинъ сталъ богословомъ, другой живописцемъ, третій столяромъ, но, чтобъ каждый изъ нихъ сталъ человѣкомъ, того и на мысль не приходитъ». Мечтанія о созданіи *новой породы* людей были idée fixe XVIII в. Забывали, что нужно также знаніе для того, чтобы люди поняли самую необходимость воспитанія. Значеніе образованія ума въ смыслѣ воспитательномъ не признавали люди извѣстной партіи. Бецкій взялся осуществить эти идеи въ Россіи. Фонъ-Визинъ очень ясно видитъ злоупотребленія духовной власти и особенно зло католическаго воспитанія.

Замѣчательно, что, вступая на почву религіи католической, Фонъ-Визинъ сразу забываетъ о своемъ «благоразуміи» и становится вольнодумцемъ какъ бы вовсе не признавая религіи внѣ православія. Вслѣдствіе этого онъ не щадитъ католическаго духовенства

Праздникъ Fête-Dieu съ его мистеріями наводитъ его на новыя размышленія къ униженію націи. Торжество состоитъ въ процессіи, во время которой Святыя Тайны носимы бываютъ по городу въ сопровожденіи народа. Знатныя особы наряжаются всѣ въ костюмы. Одинъ представляетъ Пилата, другой Каіафу и т. д. Дамы и дѣвицы одѣты мироносицами. Народъ, мѣщанство конечно тоже наряжается, изображая дьявола, чертей и т. д. Роли заранѣе распредѣляются и иногда переходятъ наслѣдственно изъ рода въ родъ. Во всемъ этомъ Фонъ-Визинъ видитъ несомнѣнное доказательство, что народъ «пресмыкается во мракѣ глубочайшаго невѣжества». Что долженъ былъ сказать французъ-путешественникъ о русскомъ народѣ, наблюдая наши народные обычаи, общеніе съ домовыми, лѣшими и т. п. игры и забавы карловъ и переодѣванья въ домахъ бояръ и при дворѣ, заговоры и заклятія на мельницахъ и т. д.

Строгій къ философамъ, Фонъ-Визинъ не менѣе строгъ и къ простымъ смертнымъ. «Правда, что и господа есть изрядные скотики.—Надобно знать, что такой голи, каковы французы, нѣтъ на свѣтѣ». Экономію и простоту привычекъ онъ объясняетъ лишь скаредностью. Онъ никакъ не можетъ понять, почему «того же достатка» люди, какіе у насъ по барски живутъ, рады бы къ русскому барину въ слуги пойти, забывая совершенно даровой трудъ крѣпостныхъ, которые одѣваютъ, обуваютъ и кормятъ господъ. «Бѣлье столовое такъ мерзко, пишетъ онъ, что у знатныхъ праздничное несравненно хуже того, которое у насъ въ бѣдныхъ домахъ въ будни подается». Плохо вѣрится такому превосходству опрят-

ности у насъ. Кромѣ свидѣтельства Вигеля, которое приведено выше, имѣется масса указаній на противное въ журнальной сатирѣ того времени. «Всякая всячина» такъ описываетъ домъ одного помѣщика:

„Пришли сказать, что кушанье поставлено. Мы сѣли за столъ, покрытый скатертью съ дырами; салфетки-же по крайней мѣрѣ уже служили за осмью обѣдами, да столько-же за ужинами. На оловянной посудѣ счесть можно было сквозь сколько рукъ она прошла: ибо всякаго пальца знакъ напечатлѣнъ на ней остался и т. д.

Въ Монпелье Фонъ-Визинъ, зайдя къ одной знакомой предоброй и богатой госпожѣ, слышитъ съ лѣстницы внизу ея голосъ и находитъ ее на поварнѣ, гдѣ она сидитъ у очага, за столикомъ, съ сыномъ и со своею fille de chambre и «изволитъ здѣсь обѣдать». Въ отвѣтъ на его удивленіе, она просто объясняетъ, что здѣсь огонь уже давно разведенъ и чтобы не разводить его въ столовой изъ экономіи, она обѣдаетъ здѣсь. Такую картину и теперь конечно часто можно встрѣтить какъ во Франціи, такъ еще скорѣе въ Англіи и во всей Европѣ. Въ кухнѣ опрятно и чисто. Прислуга часто членъ семьи и непремѣнно тотъ же человѣкъ, съ которымъ можно поговорить, потолковать... Фонъ-Визинъ видитъ въ этомъ возмутительную скаредность націи, забывая свою же Бригадиршу, которая заботится о свиньяхъ больше чѣмъ о мужѣ, сводитъ счеты на денежку, и какъ резонъ ненадобности грамматики приводитъ, что раньше чѣмъ учить—за нее заплатить надо.

Одно, кажется, чѣмъ безусловно доволенъ Фонъ-Визинъ, что̀ оцѣнилъ онъ по достоинству—это театръ. Комедію находитъ онъ доведенной до возможной степени совершенства. Это лучшее, что̀ онъ видѣлъ въ Парижѣ. Трагедію нашелъ онъ хуже чѣмъ воображалъ. Мѣсто покойнаго Лекена заступилъ Ларивъ, «котораго холоднѣе никого быть не можетъ». Онъ однако считался украшеніемъ театра и послѣ Фонъ-Визина до Тальма. «Въ комедіи есть превеликіе актеры: Превиль, Моне, Бризаръ, Оже. Долиньи. Вестрисъ. и др. вотъ мастера прямые! Когда на нихъ смотришь, то конечно забудешь, что играютъ комедію, а кажется, что видишь прямую исторію. Одобреніе публики однако, говоритъ Фонъ-Визинъ, ничего не стоитъ; французы апплодируютъ за-все, про-все, даже до того, что если казнятъ какого-нибудь несчастнаго и палачъ хорошо повѣситъ,то вся публика апплодируетъ палачу, точно такъ, какъ въ комедіи актеру». Если что еще во Франціи нашелъ Фонъ-Визинъ въ цвѣтущемъ состояніи, кромѣ театра, это мануфактуры,

начиная съ знаменитыхъ шелковъ Ліона. «Нѣтъ въ свѣтѣ націи, которая бъ имѣла такой изобрѣтательный умъ, какъ французы, въ художествахъ и ремеслахъ. Но модель вкуса—Франція въ то же время—соблазнъ нравовъ. Я хаживалъ къ marchandes des modes какъ къ артистамъ и смотрѣлъ на уборы и наряды, какъ на картины. *Сіе дарованіе природы послужило много къ повреждению ихъ нр вовъ*», замѣчаетъ онъ, не грѣша глубиною взгляда.

* * *

По поводу смѣлыхъ обобщеній Фонъ-Визина (онъ доводитъ ихъ чуть-ли не до того, что бѣлье чинятъ во Франціи голубыми нитками), кн. Вяземскій приводитъ анекдотъ о путешественникѣ, который, проѣзжая черезъ одинъ нѣмецкій городъ, видѣлъ, какъ въ гостинницѣ рыжая женщина била мальчика и замѣтилъ въ своихъ путевыхъ запискахъ: «здѣсь всѣ женщины рыжи и злы». При всей парадоксальности этого сравненія оно положительно часто оправдывается въ письмахъ Фонъ-Визина.

Масса противорѣчій составляетъ естественный результатъ такой системы. Другой анекдотъ еще болѣе характерный въ примѣненіи къ письмамъ Фонъ-Визина и разсказанный кн. Юсуповымъ. Одинъ изъ нашихъ патріотовъ во время пребыванія своего въ какой-то иностранной столицѣ на все, что ни показывали ему, твердилъ «Chez nous mieux» (у насъ лучше). Однажды шелъ онъ по улицѣ съ знакомымъ и встрѣтили они пьянаго: «Что-жъ не скажете-ли и теперь «Chez nous mieux» («у насъ напиваются лучше»)? Не этотъ-ли смыслъ лежитъ въ словахъ Фонъ-Визина, когда онъ не довольствуясь фразами вродѣ «славны бубны за горами», порицаніемъ и бранью французовъ безъ всякаго милосердія, и критикой всей Европы, кончаетъ увѣреніемъ, что «у насъ все лучше и мы больше люди, нежели нѣмцы». Нѣмцы — находитъ онъ — гораздо почтеннѣе, нежели французы, вслѣдствіе чего трудно понять, что̀ означаютъ слова его-же: «вотъ уже нѣмцы такъ тѣ, кромѣ какъ на самихъ себя, ни на кого не похожи», въ то время какъ въ французахъ находитъ онъ большое сходство съ русскими, «не только въ лицахъ, но и въ обычаяхъ и ухваткахъ. По улицамъ кричатъ точно такъ какъ у насъ, и одежда женская одинакова».

Парижъ называетъ онъ въ первомъ письмѣ оттуда *«мнимымъ* центромъ человѣческихъ знаній и вкуса». Въ слѣдующемъ пишетъ онъ: «Парижъ можетъ *по справедливости* назваться сокраще-

ніемъ цѣлаго міра», такъ что не безъ основанія жители этого города «считаютъ его столицею свѣта, а свѣтъ—своею провинціей». Это самохвальство сильно шокируетъ однако нашего автора, но все-же онъ и въ письмѣ къ сестрѣ говоритъ: «что-же до Парижа, то я выключаю его изъ всего на свѣтѣ. Парижъ отнюдь не городъ, *его по истинѣ назвать должно цѣлымъ міромъ».* Это признаніе не препятствуетъ ему доказывать, что кто свои рессурсы имѣетъ, тому все равно и въ Угличѣ жить, и увѣряетъ «чистосердечно» графа Н. И. Панина, что если кто изъ молодыхъ согражданъ нашихъ вознегодуетъ, видя въ Россіи злоупотребленія и неустройства, то самый вѣрный способъ излечить негодованіе, это послать такого гражданина скорѣе во Францію! Мы знаемъ однако примѣры негодовавшихъ людей, которые не съумѣли такъ удачно воспользоваться европейскими уроками. Александръ Тургеневъ привезъ совсѣмъ другія впечатлѣнія изъ Европы и Геттингенскаго университета.

Одновременно съ Фонъ-Визинымъ посѣтилъ Францію другой иностранецъ, иначе взглянувшій на эту страну. Сравнивъ письма Фонъ-Визина съ этимъ отзывомъ, увидимъ, какъ несправедливъ и одностороненъ его взглядъ. Отзывъ иностранца—это мнѣніе знаменитаго историка Гиббона. «Говорите что вамъ угодно о легкомысліи французовъ, но я увѣряю васъ, что въ 15 дней моего пребыванія въ Парижѣ я слышалъ болѣе дѣльныхъ разговоровъ достойныхъ памяти и видѣлъ больше просвѣщенныхъ людей изъ порядочнаго круга, чѣмъ сколько случалось мнѣ слышать и видѣть въ Лондонѣ въ двѣ-три зимы».—Какъ прискорбно сравнивать этотъ отзывъ правдивый и скромный отзывъ великаго историка и геніальнаго человѣка съ спѣсивыми, незрѣлыми и предвзятыми обобщеніями нашего автора который не понялъ коренныхъ свойствъ націи, ея бодраго веселія, умѣнья работать шутя и сохранять любезность, не теряя достоинства.

ГЛАВА III.

«Недоросль». — «Вопросы».

I.

По возвращеніи изъ-за границы Фонъ-Визинъ написалъ «Недоросля», а нѣсколько времени спустя помѣстилъ въ «Собесѣдникѣ» знаменитые «Вопросы», доказавъ такимъ образомъ своимъ личнымъ примѣромъ, что видѣть несчастную Францію еще недостаточно, чтобы отказаться отъ недовольства своимъ. Если признать, что такое отношеніе къ просвѣщенной странѣ есть патріотизмъ, то естественно, что «Недоросль» и другія произведенія пера Фонъ-Визина будутъ выражать уже не любовь, а ненависть и презрѣніе къ своей странѣ. Не вѣрнѣе-ли признать, что такого рода патріотизмъ есть подобіе той любви, которую Простакова нашего славнаго комика питаетъ къ своему Митрофанушкѣ, о которомъ она съ материнскою гордостью говоритъ Стародуму: «Мы дѣлали все, чтобы онъ сталъ таковъ, какимъ ты его видишь».

Между «Бригадиромъ» и «Недорослемъ» 16 лѣтъ жизни автора, его развитіе отъ юности до полной зрѣлости. Вмѣстѣ съ тѣмъ это время захватываетъ одинъ изъ интереснѣйшихъ періодовъ русской исторіи—первую половину царствованія Екатерины II, и выразителемъ ея-же идей является самъ Фонъ-Визинъ въ своей знаменитой комедіи. — Какъ въ «Бригадирѣ», такъ и въ «Недорослѣ» Фонъ-Визинъ написалъ «во весь ростъ» типы ему современные, живые «подлинники», но они жили до него и остались жить еще долго послѣ —это типы вѣковые, патріархальные.

Фонъ-Визинъ писалъ изъ-за границы Булгакову.

„Не скучаю Вамъ описаніемъ нашего вояжа, скажу только, что онъ доказалъ мнѣ истину пословицы: „славны бубны за горами. Если здѣсь прежде насъ жить начали, то по крайней мѣрѣ мы начиная

жить, можемъ дать себѣ *такую форму какую хотимъ* и избѣгнуть тѣхъ неудобствъ и золъ, которыя здѣсь вкоренились. Nous commençons et ils finissent. Я думаю, что тотъ, кто родится, посчастливѣе того, кто умираетъ".

Такъ оптимистически смотрѣлъ авторъ на будущее. Время разрушило скоро эту иллюзію, навѣянную блестящимъ началомъ царствованія Екатерины. Вернувшись домой, Фонъ-Визинъ скоро сталъ менѣе увѣреннымъ; по крайней мѣрѣ можно думать, что онъ зналъ, о чемъ говоритъ, предлагая въ «Собесѣдникѣ» вопросъ:

«Отчего у насъ начинаются дѣла съ великимъ жаромъ и пылкостью, потомъ-же оставляются, а нерѣдко и совсѣмъ забываются?».

Императрица отвѣтила ему на это: «по той-же причинѣ, по которой человѣкъ старѣется». Одинъ изъ тѣхъ отвѣтовъ, которыми Екатерина думала убить смыслъ этихъ вопросовъ въ мнѣніи общественномъ.—Болѣе опредѣленный отвѣтъ и поясненіе находимъ въ разговорѣ ея съ Дидро, о которомъ упоминали выше изъ письма къ гр. Сегюру. Это было въ пріѣздъ Дидро къ ея двору въ 1773 г. Въ отвѣтъ на проявленіе нѣкотораго негодованія по повода намѣченныхъ, но оставленныхъ втунѣ преобразованій, Екатерина отвѣтила ему: «М-г Дидеротъ! *Я слушала съ большимъ удовольствіемъ все*, что внушаетъ Вамъ блистательный вашъ умъ; но со всѣми великими вашими правилами, которыя очень хорошо понимаю, сочиняютъ хорошія книги и дѣлаютъ вздорныя дѣла. Во всѣхъ вашихъ планахъ и преобразованіяхъ Вы забываете разницу въ нашемъ положеніи: Вы имѣете дѣло съ бумагой, которая очень терпѣлива; она гладка, уклончива и не ставитъ препятствій ни воображенію, ни уму вашему, тогда какъ я, бѣдная Императрица (!), должна имѣть дѣло съ самими людьми, которые раздражительнѣе и щекотливѣе бумаги».

«Я увѣрена, пишетъ императрица Сегюру со странной проніей, что послѣ того онъ сжалился *изъ снисхожденія къ моему разсудку*, какъ весьма тѣсному и простонародному. Съ этого времени онъ разсуждалъ со мной только о литературѣ и *политика исчезла изъ нашихъ разговоровъ*». Видимъ отсюда также, какъ несправедливы были обвиненія энциклопедистовъ со стороны Фонъ-Визина. Въ самомъ дѣлѣ Дидро, какъ и Вольтеръ, чувствовалъ себя не менѣе могущественнымъ въ мірѣ, чѣмъ самодержавный король, онъ могъ сохранять отношенія только равныя, хотя и почтительныя по этикету. Екатеринѣ не нравились и рѣчи любимыхъ

философовъ, едва лишь они становились нѣсколько настойчивы, принципіально строги, выходили изъ области однихъ умныхъ разговоровъ, тѣмъ менѣе могли ей нравиться «вопросы» подобные приведенному выше—у себя дома. Однако вопросъ Фонъ-Визина несомнѣнно гораздо ближе подходитъ къ рѣшенію исторической критики о начинаніяхъ Екатерины II, чѣмъ отвѣтъ ея Дидро.

Къ счастію, она одумалась поздно. Ея знаменитый Наказъ, вольныя типографіи, покровительство литературѣ остались не только памятникомъ эпохи, но уже не переставали жить съ того момента. Вольныя типографіи скоро неволею закрылись, но уже не могли оставаться закрытыми долго: это возбуждало невидимый, но опасный зудъ. Журнальная сатира тоже сдѣлала свое, пріучивъ общественное мнѣніе къ гласности. Наказъ хотя остался на бумагѣ, но идеи гуманности, истины и философіи, провозглашенныя на тронѣ, оставили свои сѣмена, которыя, прозябая до времени подъ снѣжнымъ саваномъ, пустили крѣпкіе ростки.

Пересадка идей французской философіи на русскую почву имѣла характеръ тепличной культуры, такъ какъ явилась лишь результатомъ страстнаго увлеченія Екатерины II энциклопедистами до восшествія ея на престолъ, и эта культура должна была заглохнуть съ той минуты, какъ перемѣнилось направленіе, но просвѣтительная пора вѣка проникала повсюду, хотя медленно, многими путями. Такъ, едва замѣтныя струйки европеизма проникали въ Россію уже къ концу XVII вѣка въ устной и письменной литературѣ, въ вліяніи нѣмецкаго театра на русскія мистеріи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и пр.

„Въ старинныхъ сказаніяхъ нашего народа, (особенно сѣверянъ), говоритъ Веселовскій, — даже въ мѣстныхъ житіяхъ, часто повторяется мотивъ таинственнаго пришествія невѣдомыхъ людей изъ туманной дали, подплывающихъ къ русской землѣ или по морскимъ волнамъ, или по какой-нибудь изъ широкихъ русскихъ рѣкъ. Фантазія, настроенная на чудесный ладъ, привыкшая облекать въ таинственные образы всю окружающую суровую природу, создавшая свою демонологію подъ завыванія бури, стукъ дождя и давящій мракъ, не могла не облечь въ загадочность и столкновеній своихъ съ далекими чужаками. Съ тревогой и замираніемъ сердца обращалъ русскій человѣкъ свои взоры въ ту даль, которая могла выслать къ нему своихъ диковинныхъ представителей. И дѣйствительно, по временемъ показывались они; *но вѣкъ отъ вѣка, ихъ обличье мѣнялось*, и изъ сумрака вырѣзывались опредѣленныя, осязательныя человѣческія черты. Въ далекую старину оттуда приплывалъ богатырь чудовищно сильный, съ ратью нездѣшней; оттуда-же показался потомъ Антоній Римлянинъ, занесен-

ный морскимъ теченьемъ въ благочестивую русскую землю; оттуда стали приходить къ новгородцамъ ихъ иностранные гости, занося съ собой стремленія къ религіозному свободомыслію, оставляя зародыши раннихъ русскихъ сектъ; оттуда прикочевали со своимъ станкомъ первые учители печатнаго дѣла, и оттуда-же заносили свой энтузіазмъ, свою страстную, энергическую пропаганду такія необычныя личности, какъ Максимъ Грекъ и Крижаничъ. Туманъ мало по малу расходился, даль перестала казаться зловѣщею; она начинала уже дѣйствовать заманчиво, привлекательно; не даромъ видѣли мы, что въ нее уже уходило безвозвратно столько молодыхъ силъ и способныхъ людей".

* *
*

Въ такомъ переходномъ состояніи застали русскую жизнь петровскія преобразованія. Сразу все, что еще могло казаться страшнымъ и таинственнымъ, было осмотрѣно лицомъ къ лицу; дневной свѣтъ озарилъ и международныя отношенія, и разницу культуры; съ дѣловымъ практическимъ реализмомъ намѣтились цѣли дальнѣйшей, ускоренной работы. Она не могла не повести за собой крупныхъ неудобствъ, неровностей; переходъ отъ медленнаго движенія къ форсированному маршу не могъ обойтись безъ того. Усиленная подражательность во всемъ также явилась неизбѣжнымъ слѣдствіемъ переворота. Но если не изучать исключительно данное явленіе въ его русской обстановкѣ, а поискать аналогіи въ жизни болѣе культурныхъ народовъ, то самый фактъ утратитъ въ значительной степени тотъ безотрадный характеръ, который ему такъ часто приписываютъ. Не одинъ только русскій народъ испыталъ на своемъ вѣку пору повальной подражательности, даже порабощенія своего вкуса и образа мыслей чужимъ образцамъ; не въ одной лишь Россіи приходилось сѣтовать на разверзшуюся пропасть, отдѣлившую образованныя сословія отъ народа и не на одного Петра падаетъ историческій грѣхъ, которымъ его готовы при каждомъ случаѣ попрекнуть наши «литературные староверы». Ни для кого не тайна, что сама журнальная сатира, осмѣивавшая подражаніе, была лишь сколкомъ съ англійской сатиры того-же рода, такъ какъ Англія пережила періодъ галломаніи въ свое время, во дни Поппа и Аддисона. Если исключить письма Фонъ-Визина, чѣмъ явится онъ самъ, если не галломаномъ въ своихъ «Вопросахъ» и въ теоретическихъ разсужденіяхъ Стародума, несмотря на патріархальное русское имя, черпавшаго смѣло изъ сочиненій Дюкло, Дюфреня, Лабрюэра даже изъ словаря синонимовъ Жирара. «Недоросль», «Бригадиръ» и журнальная сатира Екатерининскаго вѣка тѣсно сплетены между собою. «Бригадиръ» особенно

осмѣиваетъ галломанію, какъ и журналы Новикова и др. Но авторамъ этой русской сатиры лучше всего было извѣстно, какъ пережили подобный періодъ другіе народы, не утративъ народности своей. Зналъ объ этомъ и фонъ-Визинъ, когда передѣлывалъ героя Гольберга, Jean de Fance въ Иванушку, знали и другіе о французскомъ плѣненіи Германіи послѣ 30-лѣтней войны. «И какой-же это былъ плѣнъ! Вслушайтесь въ тѣ жалобы, которыми разражаются рѣдкіе, самоотверженные патріоты и безотрадность положенія окажется поразительною. Въ глазахъ умнаго сатирика Логау, Германія являлась тогда лакеемъ, носящимъ ливрею своего французскаго господина. Постоянныя поѣздки знати во Францію, господство моды во всемъ, пренебреженіе къ народному и низкому, изысканный слогъ чопорной литературы, преимущественно предназначенной процвѣтать или въ гостинныхъ, или въ душной атмосферѣ педантически настроенной аудиторіи,—*все это* черты какъ будто списанныя съ русской дѣйствительности восемнадцатаго вѣка, но съ красками еще сгущенными, и какъ долго идетъ борьба противъ этого жалкаго, ограниченнаго чужебѣсія, какъ часты указанія на оторванность литературы отъ народа! Объ этомъ горевалъ, напримѣръ, Лейбницъ; а чуть не столѣтіе спустя (1778) Гердеръ могъ снова повторить о своемъ времени почти тѣ же мысли... «Мы проснулись—говоритъ онъ—въ ту пору, когда солнце стояло вездѣ на полуднѣ, а у нѣкоторыхъ склонялось къ закату. Придя слишкомъ поздно, мы стали подражателями, потому что нашли множество предметовъ достойныхъ подражанія». И Гете признавалъ, что литература нѣмецкая образовалась въ чужеземной школѣ, но несмотря на долгій періодъ порабощенія, который смѣнило потомъ сознательное сближеніе, нѣмецкая литература вышла на свѣтъ и заявила свою самостоятельность, не поступившись общечеловѣческими симпатіями.

И Русь пробудилась поздно и нашла много элементовъ для подражанія.

На ряду съ полезнымъ явились и злоупотребленія. Сатира Фонъ-Визина, Новикова и другихъ, объявила войну злоупотребленіямъ этого рода, какъ и дикимъ явленіямъ ветхаго быта.

* * *

Въ шуточномъ стихотвореніи, напечатанномъ въ журналѣ «Ни то ни се», описывается возникновеніе другаго журнала. Оно начинается словами:

„Имѣвъ отъ должности свободное мы время“...

Литература въ самомъ дѣлѣ не была сама по себѣ «дѣломъ», занимались ею лишь въ свободное отъ должностей время. На Фонъ-Визинѣ въ особенности должно было это отозваться, такъ какъ мѣсто, занимаемое имъ при графѣ Панинѣ, вовлекало его въ труды, интриги и заботы, мало оставлявшія времени и спокойствія духа для занятій литературой. Съ другой стороны, личность и труды графа Никиты Ивановича Панина имѣли несомнѣнно большое вліяніе на развитіе ума и направленіе дѣятельности Фонъ-Визина. Близость автора къ самому источнику власти отразилась въ комедіи «Недоросль» на развязкѣ, напоминающей «Тартюфа» Мольера. Добрый геній, въ лицѣ Правдина, —правительственнаго коммисара, —является на защиту угнетенной невинности. Эта сторона комедіи, прославлявшая руководящую идею царствованія Екатерины, идею просвѣщеннаго деспотизма, еще не создала бы славы автору.

Выше всѣхъ современныхъ ему писателей ставитъ его та значительная доля комическаго дарованія, которую обнаружилъ онъ въ своей комедіи. Многіе уже въ то время поняли, какъ много сдѣлалъ Фонъ-Визинъ въ этомъ произведеніи. Говорятъ, Потемкинъ сказалъ ему: «умри, Денисъ, или больше не пиши». О достоинствахъ этой «комедіи нравовъ» теперь поздно говорить — она дала право Фонъ-Визину на имя «русскаго Мольера». Для біографа Фонъ-Визина она же остается кульминаціоннымъ пунктомъ, такъ какъ въ ней авторъ уловилъ существенный историческій моментъ въ развитіи русскаго общества.

„Эти немногіе типы, говоритъ г-жа Щепкина о семьѣ Болотова, и черты нравовъ сельскаго дворянства служатъ нѣкоторымъ образомъ пояснительной иллюстраціей къ комедіямъ Фонъ-Визина. Это та почва, на которой росли Скотинины, Простаковы со своимъ потомствомъ, мирными неучами или звѣроподобными Митрофанами, вродѣ того юноши, котораго отецъ собственноручно сажалъ на цѣпь. Эта глава записокъ вполнѣ объясняетъ неизбѣжность существованія извѣстнаго контингента совершенно безграмотныхъ дворянъ, за которыхъ подъ наказомъ 1767 г. прикладывали руки по довѣренности“.

Съ другой стороны пробужденіе человѣческаго чувства шло впередъ, хотя до Екатерины не имѣло твердой почвы; такъ, выражалось оно успѣхомъ масонскихъ ученій, но бросалось въ глаза какъ подозрительное исключеніе, вызывало или насмѣшки или преслѣдованіе. Новѣйшія литературныя раскопки раскрываютъ явленія въ этомъ духѣ чрезвычайно характерныя. Помѣщикъ Нар-

мацкій въ Шуранѣ устраивалъ періодическія нападенія на суда, проходившія по Волгѣ, нападалъ съ шайкой дворовыхъ и бѣглыхъ на воеводскую канцелярію «конно и оружно» и уничтожалъ компрометирующія его бумаги. Въ 1773 году онъ былъ посаженъ въ тюрьму и сосланъ въ Тобольскъ, причемъ не помогли даже хлопоты сосѣда его по имѣнію Сахарова, камердинера Екатерины. Въ Тобольскѣ «по преданію» онъ былъ утопленъ въ Иртышѣ по приказанію всесильнаго губернатора Чичерина, на котораго послалъ доносъ, перехваченный послѣднимъ. Сынъ этого самодура совершенно иного характера и все-же во вкусѣ того самого вѣка. Учился онъ вмѣстѣ съ Державинымъ въ только-что основанной гимназіи въ Казани. Изъ военной службы вышелъ въ отставку поручикомъ и поселился въ наслѣдственномъ Шуранѣ. У него было «чувствительное сердце», поэтому онъ не сталъ заниматься хозяйствомъ, а поручилъ это дѣло теткѣ, княгинѣ Болховской, которая отличалась до того жестокимъ обращеніемъ съ крестьянами, что по преданію была ими убита. Таковы преданія вѣка Фонъ-Визина и Екатерины II. Чувствительный юноша, пока тетка правила, зачитывался *масонскими* и мистическими книгами, былъ проникнутъ религіозностью, переходившей въ мистицизмъ и любилъ размышлять о суетѣ міра сего. Онъ любилъ строить церкви,—обращая особенное вниманіе на музыкальность звона церковныхъ колоколовъ. До сихъ поръ народъ считаетъ весь «колокольный звонъ» отъ Шурана до Казани сооруженнымъ Петромъ Андреевичемъ Нармацкимъ. Онъ возмущался помѣщичьимъ произволомъ, объяснялъ крестьянамъ, что Богъ создалъ всѣхъ людей свободными и мечталъ объ освобожденіи своихъ людей, (которыхъ однако по безхарактерности не съумѣлъ избавить даже отъ произвола тетки — одного изъ «подлинниковъ» Простаковой). Такое «умоначертаніе», какъ выражались въ прошломъ вѣкѣ, естественно не нашло сочувствія въ сосѣдяхъ и почиталось за болѣе вредное, чѣмъ всѣ самодурства и преступленія его отца. Дворяне казанскіе подали прошеніе Екатеринѣ II о сумазбродныхъ намѣреніяхъ его. Та самая рука, что покарала отца, дикаго барина, тяжело легла теперь на сына. По Высочайшему повелѣнію онъ былъ вытребованъ въ Нижній-Новгородъ. Неизвѣстны подробности суда и слѣдствія, такъ какъ, несмотря на вольныя типографіи, подобныя тяжбы не печатались, но П. А. былъ признанъ сумасшедшимъ и оставленъ на жительство въ Новгородѣ, гдѣ и умеръ.

Просвѣщенный деспотизмъ оказался такимъ образомъ на высотѣ своей задачи, и если-бы дѣло это попало въ руки «Правдина», то его вѣроятно вскорѣ замѣнили-бы другимъ исполнителемъ.

Въ недавно найденной и обнародованной въ сборникѣ о-ва любителей россійской словесности повѣсти Бѣлинскаго «Дмитрій Калининъ» есть тирада противъ крѣпостнаго права; для смягченія ея сдѣлано, цензоромъ вѣроятно, примѣчаніе:

„Къ славѣ и чести нашего попечительнаго правительства подобныя тиранства уже *начинаютъ* совершенно истребляться. Оно поставляетъ для себя священною обязанностью пещись о счастіи каждаго человѣка, ввѣреннаго его отеческому попеченію, не различая ни лицъ, ни состояній. Доказательствомъ сего могутъ служить всѣ его поступки и между прочимъ указъ о наказаніи купчихи Аносовой за тиранское обхожденье со своею дѣвкою и городничаго за попущеніе онаго. Этотъ указъ долженъ быть напечатанъ въ сердцахъ всѣхъ коренныхъ Россіянъ, умѣющихъ цѣнить мудрыя распоряженія своего правительства, напоминающія слова нашего знаменитаго незабвеннаго Фонъ-Визина: „Гдѣ государь мыслитъ, гдѣ знаетъ онъ въ чемъ его истинная слава —тамъ человѣчеству не могутъ не возвращаться права его: тамъ всѣ *скоро ощутятъ*, что каждый долженъ искать своего счастья и выгодъ въ томъ, что̀ законно и что угнетать рабствомъ себѣ подобныхъ есть беззаконіе“.

Довольно прискорбно, что полъ-вѣка спустя послѣ «Недоросля» повторяются тѣ-же слова и въ томъ-же смыслѣ, будто рабство можетъ и не угнетать при «просвѣщенномъ деспотизмѣ» правительства. Какъ далеко все это отъ нашего времени, когда личность завоевала себѣ такія права, по крайней мѣрѣ въ сознаніи просвѣщенныхъ людей. Время Фонъ-Визина было эпохой первыхъ зародышей сознанія правъ личности и онъ самъ явился великимъ выразителемъ этого сознанія, конечно не въ рѣчахъ Стародума и Правдина, но въ художественномъ изображеніи гнуснаго произвола. Онъ явился самымъ талантливымъ выразителемъ того состоянія поры просвѣщенія, которое породило Новикова, Радищева, «Дружеское общество», дружную и горячую борьбу журнальной сатиры и «Наказъ» Екатерины.

Европейскія понятія дѣйствовали не только поверхностно на менѣе серьезную часть общества, какъ мода доводившая до потери собственнаго языка, но дѣйствовали и самымъ глубокимъ образомъ на умы даровитѣйшихъ людей, питавшихъ горячее желаніе быть полезными своему народу. «По позднѣйшему жаргону, говоритъ Пыпинъ,—Ломоносовъ, Новиковъ, Карамзинъ были самые несомнѣнные

западники, но мало людей; которые могли-бы быть поставлены въ уровень съ ними по великой національной заслугѣ». Съ другой стороны, не смотря на крайнее «славянофильство», проявленное Фонъ-Визиномъ въ его письмахъ, къ счастію неизвѣстныхъ его современникамъ, мы конечно отдадимъ ему первое мѣсто въ ряду тѣхъ-же западниковъ—просвѣтителей родины.

Кто-же читалъ и понималъ Фонъ-Визина? На это имѣемъ отвѣтъ въ литературныхъ очеркахъ академика Л. Н. Майкова:

„Съ воцареніемъ Екатерины II совпадаетъ замѣтный переворотъ въ жизни русскаго общества: на поприщѣ государственной и общественной дѣятельности выступили новые люди, благодаря которымъ значительно подвинулось общественное развитіе. Въ сравненіи съ поколѣніями, дѣйствовавшими прежде, люди, выдвинутые новымъ правительствомъ, были болѣе образованные и болѣе цѣнившіе образованіе. Многіе изъ нихъ ясно сознавали понятія гражданскаго долга и имѣли твердые нравственные принципы: это поколѣніе дало депутатовъ для коммисіи новаго уложенія *и создало успѣхъ сатиры Фонъ-Визина* и журналовъ 1769—74 гг. Еще въ концѣ царствованія Елизаветы литературные дѣятели изъ этого поколѣнія стали заявлять свою пропаганду просвѣтительныхъ и гуманныхъ идей“.

Эти заявленія были робки и безпочвенны до воцаренія Екатерины II; послѣдняя дала имъ возможность окрѣпнуть, такъ какъ она, по выраженію Державина, «и знать и мыслить дозволяла».

Къ сожалѣнію, «подозрительность», какъ ядъ зараженія крови продолжала свое существованіе, скрываясь одно время вглубь организма, но проявившись снова съ изсушающею силой, и достигла апогея въ то время, когда Екатерина писала о Новиковѣ, приказывая доставить немедленно изъ Москвы въ Петербургъ «сего бездѣльника». Этого бездѣльника она благодарила одно время «за приписку ей своихъ сочиненій».

Умному человѣку не трудно было стать сатирикомъ въ прошломъ вѣкѣ, но трудно было выдержать борьбу. Фонъ-Визинъ скоро испыталъ это на себѣ.

Въ 1782 году «Недоросль» нетолько былъ напечатанъ, но и появился на сценѣ, разрѣшенный, благодаря положенной въ основаніе мысли о спасительномъ величіи власти, несмотря даже на нѣсколько вольныя разсужденія Стародума о жизни и службѣ при дворѣ. Дозволеніе было дано самой императрицей— цензура не рѣшалась. По крайней мѣрѣ Фонъ-Визинъ пишетъ въ то время Медоксу, содержателю театра въ Москвѣ:

„Братъ мой, я надѣюсь, передалъ Вамъ, любезный Медоксъ, *извѣстный пакетъ* и объяснилъ принятое мною рѣшенье (вѣроятно, обратиться къ императрицѣ) для уничтоженія толковъ, возбуждаемыхъ упорствомъ вашего цензора. Продолжительное ваше молчаніе слишкомъ ясно доказываетъ мнѣ неуспѣхъ вашихъ стараній, чтобы получить позволеніе. *Я положилъ конецъ интригѣ* и кажется тѣмъ достаточно доказалъ прямое согласіе (?) на представленіе моей пьесы, потому что 24 числа сего мѣсяца придворные актеры ея Императорскаго Величества играли ее на публичномъ театрѣ, по письменному дозволенію отъ правительства. Успѣхъ былъ полный. Безконечно желая вамъ добра, оставляю мою пьесу; но требую отъ васъ честнаго слова непремѣнно сохранить мой анонимъ, съ условіемъ—никому не давать моей комедіи и ни подъ какимъ видомъ не выпускать ее изъ вашихъ рукъ, ибо не хочу еще давать ей публичности. Весь Вашъ.—Вы можете увѣрить господина цензора, что во всей моей пьесѣ, слѣдовательно и въ мѣстахъ, которыя его такъ напугали, не измѣнено ни одного слова".

Ободренный успѣхомъ комедіи, главное же, одобреніемъ и снисходительностью Екатерины, авторъ, въ полномъ цвѣтѣ таланта и умственныхъ силъ, въ слѣдующемъ году послалъ въ «Собесѣдникъ» свои «Вопросы».

II.

Въ 1783 году кн. Дашкова назначена была президентомъ Академіи Наукъ и основала при ней періодическое изданіе «Собесѣдникъ». Первое изданіе разошлось въ количествѣ 1812 экземпляровъ, громадномъ по тому времени, когда и 200—300 уже означали успѣхъ. Въ этомъ журналѣ сотрудничала сама императрица, помѣщая извѣстныя свои «Были и Небылицы». Екатерина часто упоминаетъ здѣсь о «Маіорѣ С. М. Л. Б. Е.», т. е. «о самолюбіи», которое побуждаетъ писать и угождать вкусу читателей. Она увѣряла, что не придаетъ никакого значенія своимъ бездѣлкамъ, и побуждаетъ ее писать только страсть марать бумагу. Она не можетъ видѣть, говоритъ она, два новыхъ пера, которыя ежедневно приготовляетъ ей камердинеръ, чтобы имъ не улыбнуться и не получить охоту испробовать. Хотя или нехотя, она однако задавала тонъ современной ей литературѣ, такъ какъ всѣмъ приходилось слѣдовать за ней. Она же понимала сатиру только «въ улыбательномъ духѣ», т. е. писать слѣдовало такъ, чтобы никого не обидѣть. Кн. Дашкова жаловалась, что князь Вяземскій, генералъ-прокуроръ, все относитъ или къ себѣ или къ женѣ своей и потому ей дѣлаетъ не-

пріятности. Екатерина осмѣяла такую обидчивость въ своихъ «Быляхъ и Небылицахъ» и въ отвѣтъ на жалобы *Угадаева* пишетъ:

«Люди тутъ, т. е. въ «Быляхъ и Небылицахъ», безъименные, а описывается умоположеніе человѣческое, до Карпа и Сидора тутъ дѣла нѣтъ. Буде-же Карпъ или Сидоръ сердится и желаетъ быть описанъ лучше, пусть пришлетъ описаніе своей особы: отъ слова до слова внесется въ «Были и Небылицы».

Тѣмъ не менѣе изъ всѣхъ вопросовъ Фонъ-Визина задѣлъ ее больше всего тотъ, который указывалъ, по ея же догадкѣ, на личность ея оберъ-шталмейстера Льва Нарышкина. Этотъ знаменитый 14-й вопросъ гласитъ: «Отчего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынче имѣютъ и весьма большіе?»

Екатерина отвѣтила на это, «предки наши не всѣ грамотѣ умѣли. NB. Сей вопросъ родился отъ *свободоязычія*, котораго предки наши не имѣли; буде-же бы имѣли, то начли бы на нынѣшняго одного десять, прежде бывшихъ». Вопросъ сильно задѣлъ самолюбіе императрицы, такъ какъ Нарышкинъ былъ ея любимцемъ исключительно за его шутовской нравъ и принадлежалъ къ ея интимному кружку еще тогда, когда она была великой княгиней.

«Левъ Нарышкинъ былъ рожденъ арлекиномъ, говорила она сама, и если бы не его происхожденье, то онъ конечно нашелъ бы чѣмъ существовать. Никто не заставлялъ меня столько смѣяться, какъ онъ». Онъ увѣрялъ однажды императрицу, что у попугая языкъ устроенъ какъ у человѣка. «Je ne savais pas cela, je donnerais à la perruche la surwivance de votre charge» («я не знала этого,—я сдѣлаю попугая вашимъ преемникомъ»), отвѣтила она, смѣясь. О немъ пишетъ Державинъ:

„Что нужды мнѣ, что по паркету
„Подчасъ и кубари пускалъ?

Фактъ, о которомъ свидѣтельствуетъ также герцогъ де-Линь.

„Что нужды мнѣ, кто все зефиромъ,
„Съ цвѣтка лишь на цвѣтокъ летя,
„Доволенъ былъ собою, міромъ.
„Шутилъ, рѣзвился какъ дитя?"
„Хвалю тебя, ты въ смыслѣ здравомъ
„Пресчастливо провелъ свой вѣкъ".

Екатерина писала также Гримму о немъ: «Вы непремѣнно должны знать, что я до страсти люблю заставлять оберъ-штал-

мейстера говорить о политикѣ; для меня нѣтъ бо̀льшаго удовольствія, какъ давать ему устроивать по своему Европу».

Называя его «невѣждой по-ремеслу», она любила забавлятся съ нимъ, какъ и съ любимой своей комнатной собачкой и задумывала цѣлую поэму «Леоніана», планъ которой найденъ Пекарскимъ въ черновомъ ея наброскѣ, гдѣ въ шуточныхъ приключеніяхъ героя заключалась его характеристика. Одинъ изъ иностранцевъ при русскомъ дворѣ пишетъ въ своихъ запискахъ:

„Хотя то, что мы читаемъ въ исторіи о шутахъ при Петрѣ Великомъ, и не сохранилось совершенно въ томъ же видѣ донынѣ, но и не вывелось окончательно. Лишь въ немногихъ домахъ имѣется шутъ на жалованьи, но какой-нибудь прихлебатель или униженный прислужникъ исправляетъ его должность, чтобы угождать своему начальнику или покровителю. При дворѣ оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ *самое странное существо*, какое только можно вообразить, играетъ столь унизительную роль. При князѣ Потемкинѣ она принадлежитъ одному полковнику (С. А. Львовъ), который ищетъ повышенія помимо военныхъ подвиговъ, въ другихъ домахъ тому, кто желаетъ кормиться, не тратя ни гроша".

Страсть къ передразниванью, говоритъ тотъ же свидѣтель, очень сильна у Потемкина, и отсюда благоволеніе его къ другимъ, обладавшимъ этимъ талантомъ.

Фонъ-Визинъ не отрекается и даже хвастаетъ тѣмъ, какъ онъ передразнивалъ Сумарокова въ домахъ вельможъ, и такъ какъ въ его письмѣ къ роднымъ есть указаніе на то, что Потемкинъ, по его просьбѣ, обѣщалъ брату производство, то нельзя не допустить, что именно этимъ способомъ онъ пріобрѣлъ такое расположеніе надменнаго фаворита, ибо не занималъ самъ тогда положенія — ни общественнаго, ни литературнаго. Однако нѣтъ основаній думать, чтобы онъ пользовался также чѣмъ-либо у Потемкина впослѣдствіи, находясь на службѣ Панина, такъ какъ вельможи эти не ладили, а Фонъ-Визинъ былъ достаточно честенъ, чтобы оставаться вѣрнымъ Панину, котораго онъ глубоко уважалъ.

Кстати замѣтимъ, что иностранецъ, пишущій о Россіи, дѣлаетъ изъ замѣченнаго имъ столь же поспѣшное заключеніе, какъ самъ Фонъ-Визинъ заграницей, и говоритъ: «это дарованіе (переимчивость) нерѣдко въ здѣшней странѣ и проистекаетъ, я думаю, изъ свойства націи, которая ничего не изобрѣтаетъ, но съ величайшею легкостью воспроизводитъ все, что видитъ».

Императрица, которой кн. Дашкова представила на усмотрѣніе «Вопросы» фонъ-Визина, позволила ихъ напечатать, но не иначе

такъ параллельно съ отвѣтами ея, такъ они и появились въ «Собесѣдникѣ». Она писала кн. Дашковой, что въ такомъ видѣ сатира эта будетъ безвредна, «если только поводъ къ сравненіямъ не придастъ большей дерзости».

Отвѣты Екатерины не только не придали «дерзости» сочинителю «вопросовъ», но заставили его немедленно повернуть фронтъ. Въ письмѣ его, при которомъ они были помѣщены, онъ выражалъ надежду, что «вопросы» и «отвѣты» на нихъ «Собесѣдника» будутъ и дальше продолжаться, образуя «неизсыхаемый источникъ размышленія».

Послѣ отвѣтовъ императрицы, которые ясно показали, что она вовсе не намѣрена въ данномъ случаѣ «отверзать двери истинѣ», и особенно послѣ намека на «свободоязычіе», Фонъ-Визинъ оставилъ намѣреніе продолжать свои вопросы. Были эти вопросы смѣлы или невинны? По всей вѣроятности Фонъ-Визинъ не ожидалъ неудовольствія со стороны Екатерины. Самые смѣлые изъ литераторовъ того времени все-же шли за ботикомъ Екатерины и если имѣли иногда поползновеніе опередить его, то дѣйствовали весьма робко, развѣдками. Извѣстно, что обиліе журналовъ сатирическихъ въ періодъ 1769—70 года, съ «Трутнемъ» во главѣ, сразу почти изсякло безъ всякой видимой причины, и скоро остались только «Всякая Всячина» и «Трутень», котораго дни однако уже были также сочтены.

Смѣлость сатиры, вообще довольно робкой, въ глазахъ Екатерины, казалось, уже переступила намѣченныя ею границы «въ улыбательномъ духѣ». Явныхъ мѣръ прекращенія журналовъ принять не пришлось, такъ какъ при близкомъ общеніи въ то время двора и литературы, настроеніе перваго сейчасъ-же непосредственно отражалось на второй.

Недавно только найденъ Пекарскимъ въ бумагахъ Екатерины II черновой *собственноручный* набросокъ письма Правдомыслова (псевдонимъ императрицы) къ издателю «Всякой Всячины», которое не было тогда напечатано и какъ-бы предугадывало вопросы Фонъ-Визина. «Госпожа бумагомарательница, «Всякая Всячина», гласитъ письмо, по милости Вашей нынѣшній годъ отмѣнно изобилуетъ недѣльными изданіями. Лучше бы мы любили изобиліе плодовъ земли, нежели жатву словъ, которую вы причинили. Ѣли бы Вы кашу, да оставили бы людей въ покоѣ: вѣдь и про-

фессора Рихмана бы громъ не убилъ, еслибы онъ сидѣлъ за щами, а не выдумывалъ *шутить съ громомъ*».

Еслибы письмо это въ свое время было напечатано, кто знаетъ вздумалъ ли бы Фонъ-Визинъ задавать свои вопросы императрицѣ. Предостереженіе «не шутить съ громомъ» оказалось бы вѣроятно достаточно *внятнымъ* и вразумительнымъ. Къ счастію, въ этомъ періодѣ колебаній подозрительность таилась въ подобныхъ черновыхъ набоскахъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя, когда появила ъ комедія императрицы «О Время!», Новиковъ первый снова ободрился и началъ изданіе «Живописца» обращеніемъ къ сочинителю комедіи «О Время!»: «Вы открыли мнѣ дорогу, *которой я всегда страшился*»...

И Фонъ-Визинъ въ своихъ «вопросахъ» слѣдовалъ за Екатериной; но изъ отвѣтовъ ея, при сравненіи ихъ съ вопросами видно, какъ велика могла быть разница въ отношеніи къ предмету автора и императрицы.

* * *

Получивъ «Вопросы» Фонъ-Визина, императрица сказала только: «мы ему отомстимъ»: она предположила совсѣмъ другого автора, а именно И. И. Шувалова: котораго изобразила въ каррикатурномъ видѣ въ своихъ «Быляхъ и Небылицахъ». Здѣсь же выразила она и все свое неудовольствіе смѣлости автора въ рѣчахъ «*дѣдушки*».

„Молокососы не знаете вы, что̀ я знаю. Въ наши времена никто не любилъ вопросовъ, ибо съ оными и мысленно соединены были непріятныя обстоятельства; *намъ подобные обороты кажутся неумѣстны;* шуточные отвѣты на подобные вопросы не суть нашего вѣка; тогда каждый, поджавъ хвостъ, отъ оныхъ бѣгалъ. Когда дѣдушка дошелъ до шпыней, тогда *разворчался необычайно крупно*, говоря: шпынь безъ ума быть не можетъ, въ шпынствѣ есть острота; за то, продолжалъ онъ, что человѣкъ остро что скажетъ, вѣдь не лишить его выгодъ тѣхъ, кои даются въ обществѣ живущимъ или служащимъ“ (!).

Въ письмѣ къ сочинителю «Былей и Небылицъ» Фонъ-Визинъ такъ оправдывается:

«По отвѣтамъ вашимъ вижу, что я нѣкоторые вопросы не умѣлъ написать внятно». Можетъ быть, онъ не умѣлъ изложить, какъ думалъ, говоритъ онъ, но думалъ честно и сердце его исполнено благодарности и благоговѣнія къ великимъ дѣламъ Екатерины.

«Ласкаюсь, что всѣ тѣ честные люди, отъ коихъ имѣю честь быть знаемъ, отдадутъ мнѣ справедливость, что перо мое ни-

когда не было и не будетъ смочено ни ядомъ лести, ни желчью злобы».

На вопросъ пятый фонъ-Визина, «отчего у насъ тяжущіеся не печатаютъ тяжебъ своихъ и рѣшеній правительства», вызванный очевидно изученіемъ системы законовъ во Франціи и гласности, которую имѣлъ онъ случай тамъ наблюдать, въ то время, когда процессы Вольтера и другихъ дѣлали столько шума во всей Европѣ, Екатерина отвѣчала: «Для того, что вольныхъ типографій до 1782 года не было». Этотъ отвѣтъ, совершенно неопредѣленный, даетъ поводъ Фонъ-Визину въ его письмѣ возликовать. Онъ видитъ въ немъ обѣщаніе и уже въ самыхъ высокопарныхъ выраженіяхъ восхваляетъ намѣренія Екатерины. Мало того, онъ видитъ уже и результаты будто бы совершеннаго дѣянія.

„О еслибъ я имѣлъ талантъ вашъ г. сочинитель „Былей и Небылицъ“ воскликнулъ онъ! Съ радостью начерталъ-бы я портретъ судьи, который, считая всѣ бездѣльства погребенными въ архивѣ своего мѣста, беретъ въ руки печатную тетрадь и вдругъ видитъ въ ней свои скрытыя плутни, объявленныя во всенародное извѣстіе. Еслибъ я имѣлъ перо ваше, съ какою живостью изобразилъ бы я, какъ пораженный симъ ударомъ безсовѣстный судья блѣднѣетъ, какъ трясутся его руки, какъ при чтеніи каждой строки языкъ его нѣмѣетъ и по всѣмъ чертамъ его лица разливается стыдъ, проникнувшій въ мрачную его душу, можетъ быть первый разъ отъ рожденія! Вотъ, г. сочинитель *Былей и Небылицъ*, вотъ портретъ достойный забавной, но сильной кисти вашей!“

Вопросомъ о шпыняхъ, по словамъ его, хотѣлъ онъ лишь показать несообразность балагурства съ высокимъ чиномъ. Неудачу формы выраженія объясняетъ онъ, ссылаясь на слова Екатерины, которыми она отвѣтила на одинъ изъ его же вопросовъ, а именно тѣмъ, что «вездѣ, во всякой землѣ и во всякое время, родъ человѣческій совершеннымъ не родится. Благоразумные отвѣты, говоритъ онъ, убѣдили его *внутренно* (?), что онъ не съумѣлъ исполнить добраго намѣренія и дать вопросамъ приличнаго оборота.

Это «внутреннее убѣжденіе» заставило его рѣшиться заготовленные еще вопросы отмѣнить, не изъ страха быть обвиненнымъ, такъ какъ совѣсть его спокойна, но для того, чтобы не подать повода другимъ къ «дерзкому свободоязычію». Рѣшеніе отмѣнить заготовленные вопросы конечно напрашивалось само собой, помимо всякихъ соображеній. Екатерина II была великодушна въ подобныхъ случаяхъ, какъ левъ къ собаченкѣ, но испытывать дважды ея терпѣніе было бы не безопасно.

*

Фонъ-Визинъ кончаетъ письмо тѣмъ, что одобреніе автора, который вмѣщаетъ въ свои творенія пользу и забаву «въ возможной степени совершенства», для него такъ дорого, что малѣйшее неудовольствіе со стороны его приведетъ къ твердому рѣшенію «во всю жизнь за перо не приниматься». Ничего не было-бы удивительнаго если-бы такъ оно и случилось. Извѣстно, насколько преждевременный былъ энтузіазмъ Фонъ-Визина по поводу надеждъ на гласность въ тяжебныхъ дѣлахъ,—вскорѣ и самыя вольныя типографіи были упразднены.

Желаніе видѣть личное неудовольствіе во всякомъ протестѣ или критическомъ отношеніи къ строю Екатерина обнаружила, быть можетъ, въ первый разъ явно—въ исторіи «вопросовъ». Она заподозрила немедленно Шувалова, какъ автора, только потому, что отношеніе ея собственное къ этому вельможѣ было всегда подозрительное. Ей доносили, что онъ и кн. Дашкова считаютъ себя главными виновниками ея воцаренія. Между тѣмъ Шуваловъ отсовѣтывалъ даже нашему автору посылать «вопросы» въ «Собесѣдникъ».

Императрица приняла милостиво раскаяніе Фонъ-Визина, но высоко подняться въ своемъ положеніи у двора онъ не могъ никогда уже, тѣмъ-болѣе, что былъ вѣрнымъ ученикомъ и товарищемъ гр. Никиты Панина. Уже раньше ему приписывали сочиненіе для Великаго Князя, подъ руководствомъ Панина, разсужденія, въ которомъ затрогивался «основной принципъ нашего государственнаго устройства».

Говорятъ, Екатерина, узнавъ объ этомъ сочиненіи, сказала въ кругу царедворцевъ: «плохо мнѣ приходится жить! ужъ и г. Фонъ-Визинъ хочетъ меня учить царствовать». Если вспомнимъ ея отвѣтъ Дидро, то поймемъ, какъ смотрѣла она на подобныя попытки со стороны своихъ слугъ. Никиту Ивановича Панина она не долюбливала, но ей приходилось съ нимъ считаться.

Фонъ-Визинъ составилъ жизнеописаніе графа, въ которомъ говоритъ между прочимъ: «время жизни его такъ еще ново, что важныя причины не допускаютъ открыть подробности всего того, что́ безъ сомнѣнія чрезъ нѣкоторое время исторія предать потомству не оставитъ». Извѣстно, что Панину дѣйствительно принадлежалъ проектъ реформы государственнаго установленія, на который имѣло большое вліяніе пребываніе его 12 лѣтъ въ Швеціи въ званіи посланника.

«Шведскій періодъ свободы»,—эпоха шляхетской демократіи, когда Швеція была аристократической республикой съ жалкимъ подобіемъ короля, не могла не произвести впечатлѣнія на Панина. По возвращеніи изъ Стокгольма, разница между Швеціей и Россіей бросалась Панину въ глаза: ему уже невыносимо холопство вельможъ, его коробитъ наглость Шуваловыхъ, его оскорбляютъ капризы временьщиковъ».

Панинъ былъ человѣкъ совершенно другого характера—прямой, честный и самостоятельный въ дѣйствіяхъ. Несомнѣнно, онъ былъ тѣмъ идеаломъ дворянина «стараго времени», который, къ неудовольствію Екатерины, носился предъ Фонъ-Визинымъ, когда онъ задавалъ вопросъ «объ упадшихъ душахъ дворянства», о томъ, «почему многіе добиваются милостей императрицы не одними честными дѣлами, но обманомъ и коварствомъ». Самое обращеніе къ гласности въ тяжебныхъ дѣлахъ, какъ и вопросъ о томъ, «почему въ вѣкъ законодательный никто не помышляетъ отличиться въ сей части», принадлежатъ сферѣ вліянія Панина, какъ это ясно, мнѣ кажется, изъ «жизнеописанія».

Проекты и планы Панина понуждали также Фонъ-Визина изучать юриспруденцію и законы за границей. Къ числу вопросовъ того же рода относится и семнадцатый: «Гордость большей части бояръ гдѣ обитаетъ—въ душѣ или головѣ?» Всѣ эти вопросы, какъ и прочіе, изложены совершенно *внятно*, вопреки оправданію Фонъ-Визина.

Корыстолюбіе фаворитовъ и вельможъ, отсутствіе контроля и всякой распорядительности, кромѣ личной воли Екатерины, отсутствіе при всемъ этомъ гласности—таковъ былъ порядокъ вещей.

Въ своемъ жизнеописаніи Фонъ-Визинъ справедливо говоритъ о Панинѣ:

«По внутреннимъ дѣламъ гнушался онъ въ душѣ своей поведеніемъ тѣхъ, кои по своимъ видамъ, невѣжеству и рабству составляютъ государственный секретъ изъ того, что въ націи благоустроенной должно быть извѣстно всѣмъ и каждому, какъ-то: количество доходовъ, причины налоговъ» и пр. Далѣе, слѣдующая тирада о Панинѣ содержитъ въ себѣ не менѣе существенный предметъ сатиры Фонъ-Визина и другихъ.

„*Съ содраганіемъ* слушалъ онъ о всемъ томъ, что могло нарушить порядокъ государственный: *пойдетъ-ли кто съ докладомъ прямо къ государю о такомъ дѣлѣ, которое должно быть прежде разсмотрѣно во всѣхъ частяхъ Сенатомъ*; примѣтитъ-ли противорѣчія въ сегодняш-

немъ постановленіи противъ вчерашняго; услышитъ-ли о безмолвномъ временщикамъ повиновеніи тѣхъ, которые по званію своему обязаны защищать истину животомъ своимъ; словомъ, всякій подвигъ презрительной корысти и пристрастія, всякій обманъ, обольщающій очи государя или публики, всякое низкое дѣйствіе душъ, заматерѣвшихъ въ робости стариннаго рабства и возведенныхъ слѣпымъ счастіемъ на знаменитыя степени, приводили въ трепетъ добродѣтельную его душу“.

Сравнивая эти рѣчи съ «вопросами», нельзя не усмотрѣть въ нихъ почти прямое переложеніе и слѣдовательно огромное вліяніе этой свѣтлой личности съ сильнымъ характеромъ на нашего автора, которому послѣдняго не доставало. Если Фонъ-Визинъ нѣсколько измѣнилъ себѣ въ оправдательномъ письмѣ своемъ къ Императрицѣ, то нельзя не признать, что онъ все же близокъ былъ по характеру къ этому образцу. «Онъ не имѣлъ, какъ говоритъ о немъ г. Пятковскій, тѣхъ специфическихъ свойствъ придворнаго литератора, которымъ владѣлъ съ избыткомъ Державинъ. Фонъ-Визинъ былъ слишкомъ прямъ, угловатъ, мало кланялся и мало унижался. Онъ какъ-будто требовалъ, а не выпрашивалъ уваженія къ своему таланту и къ себѣ». Онъ не умѣлъ говорить истину царямъ съ улыбкой, хотя не способенъ былъ также, по натурѣ, и къ горячему негодованію Радищева или энтузіазму А. Тургенева. Умный и разсудительный Фонъ-Визинъ не рѣшался болѣе выходить изъ рамокъ, отмежеванныхъ сатирѣ XVIII вѣка, не рѣшался болѣе разлучаться на этомъ пути съ тою прекрасной женщиной, которая называется «Осторожность», слѣдуя совѣту издателя «Живописца» — «самому себѣ», но его умъ и талантъ нашли полное выраженіе въ комедіи «Недоросль».

III.

«Недоросль» и «Горе отъ ума» живутъ подъ одною крышей и не случайно только обращаются подъ однимъ корешкомъ на книжномъ рынкѣ. Это тѣ поверстные столбы общественнаго развитія, по счастливому выраженію автора монографіи о Сумароковѣ, которые указываютъ преемственное развитіе литературы и общества. Послѣ Фонъ-Визина комедія продолжаетъ разработывать типы, указанные Сумароковымъ и сатирой перваго десятилѣтія царствованія Екатерины. Вплоть до «Горе отъ ума» сцена уже не пред-

ставила больше такого яркаго протеста противъ угнетенія и произвола, которые продолжали однако свои дѣйствія.

И все же «философія на тронѣ», Фонъ-Визинъ и его комедія, какъ выраженіе нравственной идеи, явились не иначе какъ результатомъ общаго движенія вѣка. Съ воцареніемъ Екатерины вступила на тронъ и просвѣтительная философія. Она явилась достойной продолжательницей дѣла Петра Великаго. «Новыя начала и взгляды поражаютъ насъ уже, лишь только прикоснемся къ ветхимъ листамъ Петровскаго времени. Чувствуешь, что чѣмъ-то молодымъ, свѣжимъ, свободнымъ пахнуло въ дремотной, заповѣдной тиши». Европа и особенно Парижъ становятся обѣтованною землею всѣхъ выдающихся по стремленіямъ людей.

Правительство часто содѣйствуетъ, но и личная инціатива очень сильна. Ломоносовъ узнаетъ свое призваніе лишь въ Германіи. «Баснословно—чудесными путями чуть не пѣшкомъ перекочевываетъ въ Голландію и потомъ въ Парижъ другой основатель новаго стиха—Тредьяковскій; къ выѣзжимъ французамъ идетъ въ науку Сумароковъ, къ нѣмцамъ Ѳедоръ Волковъ. И когда они приходятъ къ сознанію, что пора ученья и скитанья для нихъ прошла, они закладываютъ фундаментъ обновленной словесности, внося каждый, по мѣрѣ способностей, свой вкладъ: Кантемиръ—свои сатиры, Ломоносовъ—научную пропаганду и торжественную лирику, Тредьяковскій—стихосложеніе, Сумароковъ—трагедію, Волковъ—національную сцену.

Служба этихъ людей была велика, но узка была сфера, въ которой они вращались. Коснемся вслѣдъ за ними какого-нибудь изъ произведеній нашей просвѣтительной поры, будетъ-ли это Екатерининскій Наказъ, статья сатирическаго журнала,—и мы тотчасъ почуемъ иныя болѣе глубокія ноты. Дѣло идетъ уже о высшихъ правахъ личности и народа, взвѣшиваются и опредѣляются обязанности правителей, устанавливаются человѣчныя отношенія къ низшей братіи, преступнику, рабу, дѣтямъ, выдвигается вопросъ объ освобожденіи крестьянъ; высшее дворянство и дворъ гнутся подъ ударами насмѣшекъ Державина и Фонъ-Визина, темное и жестокое помѣщичество, вороватый судъ, обличаются журналами; развивается широкая и филантропическая образовательная дѣятельность первоначальнаго масонства, которое видитъ передъ собою однихъ братьевъ-людей тамъ, гдѣ прежде были лишь

господа и холопы; сильно затронуты вопросы о свободѣ печати, гласности суда, литература пытается усвоить себѣ самостоятельность, даже прямо оппозицію сужденій, живительно дѣйствующихъ тамъ, гдѣ все дышало однообразіемъ мнѣній; пробужденъ интересъ къ жизни народа и бытовая стихія внесена на сцену: самъ Фонъ-Визинъ пишетъ цѣлую книгу о необходимости образовать среднее сословіе. Сказываются во всемъ близость къ жизни, пробужденіе духа, сказывается и въ литературной полемикѣ, хотя бранчивой, иногда неприличной, и наконецъ въ обиліи переводовъ обнаруживается горячее стремленіе къ общенію съ цѣлымъ міромъ».

Фридрихъ Великій, получивъ «Наказъ» отъ Екатерины, писалъ въ Петербургъ своему посланнику гр. Сольмсу, «ни одна еще жена не была законодательницей, сія слава предоставлена Россійской императрицѣ, которая ея конечно достойна». Хвала эта была вызвана главнымъ образомъ тѣмъ, что въ свой «Наказъ» Екатерина цѣликомъ внесла идеи энциклопедистовъ, которыхъ ревностно изучала еще великой княгиней, вмѣстѣ съ кн. Дашковой. Особеннымъ любимцемъ ея былъ Вольтеръ; она называла его «Божествомъ веселости», а о себѣ говорила также, что веселость—«ея сильная сторона». Такимъ образомъ въ ея благосклонности къ Вольтеру и Нарышкину, своему шуту, было кое-что общее. Стоитъ вспомнить ея, защиту «шпыней» и «балагурства» тѣмъ, что для этого нуженъ умъ. Съ другой стороны насколько искренно и *глубоко* было ея увлеченіе энциклопедистами, видимъ не только изъ отвѣта ея Дидро и переписки съ Гриммомъ, о которой академикъ Я. К. Гротъ, говоритъ что въ ней прежде всего бросается въ глаза *шуточный тонъ*, но и изъ дѣлъ ея, принявшихъ совсѣмъ иное направленіе, когда то, чему она поклонялась, она-же стала называть *«французскимъ заблужденіемъ»*.

Къ числу явленій, вызванныхъ нравственнымъ движеніемъ вѣка, принадлежало масонство. Движеніе это не свободно было отъ крайностей, приблизившихъ его впослѣдствіи къ обскурантизму; но во времена Новикова оно было сильнымъ образовательнымъ средствомъ и заняло почетное мѣсто въ исторіи нашего общественнаго просвѣщенія. Любовь, взаимное общеніе, стремленіе къ гуманности и равенству были присущи этому явленію.

Принадлежность къ масонству требовала серьезности мысли и чувства, извѣстнаго настроенія, къ какому Фонъ-Визинъ какъ разъ

былъ совершенно не способенъ. Здѣсь обрядъ строго соединялся съ нравственнымъ обязательствомъ, тогда какъ видимая набожность Фонъ-Визина ни къ чему его не обязывала, какъ показываетъ его собственное «признаніе».

Сама императрица никогда не благоволила къ масонамъ, какъ къ явленію прежде всего не веселаго характера, носящему меланхолическую печать, какъ не благоволила она по той-же причинѣ и къ Руссо. Державинъ ставилъ ей въ заслугу, что она

„Къ духамъ въ собранье не въѣзжаетъ
„Не ходитъ съ трона на Востокъ".

Масонство, вольнолюбивыя мечты, иногда «томная задумчивость» равно явились отраженіемъ просвѣщеннаго сознанія. Холодный, разсудочный умъ Фонъ-Визина удержалъ его отъ черезчуръ горячихъ увлеченій, хотя не спасъ отъ ханжества и вліянія мистика Теплова. Вслѣдствіе этого комедія «Недоросль», хотя и явилась выраженіемъ общественнаго самосознанія, лишена того горячаго, живого чувства протеста, которое наполняетъ «Горе отъ ума», лишена и той глубокой меланхоліи, которая у Мольера даетъ читателю чувствовать сквозь зримый смѣхъ невидимыя слезы. Какъ и самъ Фонъ-Визинъ—его идеалы Правдинъ, Стародумъ, Милонъ, Софья—всѣ «умны», порядочны, но холодны и черезъ-чуръ благоразумны и заученнымъ манеромъ излагаютъ господствующую теорію «просвѣщеннаго деспотизма». Казалось-бы однако, что у Фонъ-Визина были подъ рукой прекрасные «подлинники» *новыхъ* людей—какъ князь Козловскій и друг. Хотятъ видѣть въ Стародумѣ портретъ Новикова, но во первыхъ это лицо у автора совершенно не живое, это идеалъ «резонера», а въ наше время его можно назвать ходячимъ фонографомъ, такъ какъ большая часть его рѣчей есть повтореніе чужихъ лоскутковъ. «Я долженъ сознаться, говоритъ Фонъ-Визинъ въ «письмѣ сочинителя «Недоросля» къ Стародуму», что за успѣхъ комедіи моей одолженъ я вашей особѣ. Изъ разговоровъ вашихъ съ Правдинымъ, Милономъ и Софьей составилъ я цѣлыя явленія, кои публика и донынѣ охотно слушаетъ». Это были навѣянныя модныя идеи воспитанія, благодѣяній отеческаго или вѣрнѣе *«материнскаго»* попеченія власти о народѣ, который можетъ «многимъ наслаждаться въ своей вольности «дѣйствительной», *и не по праву*, какъ несчастные французы; добродѣтельныя, но весьма патріархальныя понятія о любви и супружеской жизни, гдѣ чувство взвѣшивалось на вѣсахъ житейскаго разсудка. Не-

довольный современнымъ «вольнодумствомъ», Фонъ-Визинъ придалъ рѣчамъ Стародума особую окраску степенности патріархальной старины, соотвѣтственно этому назвавъ его «*Стародумомъ*».— Двойственность характера этого резонирующаго лица несомнѣнно выходитъ отчасти изъ личнаго источника автора, отчасти изъ его желанія идеализировать старину, чтобъ рельефнѣе оттѣнить недостатки настоящаго. Проповѣдуя въ значительной части «Недоросля» возвращеніе къ темной старинѣ онъ нанесъ ей въ то-же время въ этой комедіи неизлечимый ударъ. Фонъ-Визинъ осуществилъ въ своей комедіи ту цѣль, которую указали первымъ русскимъ комикамъ комедіи Детуша, Реньяра, Пирона, Гольберга (въ Даніи), Шеридана и пр. въ ихъ борьбѣ съ недостатками и пороками современной общественной жизни.

* * *

«Подлинники» и матеріалъ для «Недоросля» Фонъ-Визинъ получилъ уже готовыми изъ рукъ журнальной сатиры и комедій самой Екатерины. Если холодный, разсудочный умъ, какъ было замѣчено, не допускалъ его до увлеченій современными идеями, масонствомъ и вообще какимъ-либо глубокимъ нравственнымъ движеніемъ, то острота ума, наблюдательность и врожденный талантъ переимчивости—все влекло его къ сатирѣ.

Разцвѣтъ ума и таланта Фонъ-Визина совпалъ съ той именно порою, когда сатирическое направленіе праздновало побѣду надъ лирикой и дидактической поэзіей, такъ какъ было признано, что «первому, т. е. сатирѣ, можно скорѣе и больше сдѣлать людей хорошо мыслящихъ, нежели второму».

До Фонъ-Визина поэзію представлялъ собою Ломоносовъ, сатиру— Сумароковъ.

Фонъ-Визинъ повидимому принималъ участіе въ «Живописцѣ». По крайней мѣрѣ въ этомъ журналѣ было помѣщено его «Слово» на выздоровленіе цесаревича Павла, а нѣкоторыя сатирическія письма въ томъ-же журналѣ живо напоминаютъ слогъ и манеру Фонъ-Визина. Сатирѣ приходилось однако бороться съ направленіемъ дидактическимъ. Противники ея говорили что сатира ожесточаетъ нравы, а исправляютъ ихъ нравоученія.

Слѣды этого *нравоучительнаго* направленія остались въ рѣчахъ Стародума, явно указывая на его силу и живучесть. Конечно это много помѣшало цѣльности комедіи и могло нравиться только

современникамъ, для насъ же представляетъ собою рудиментарный органъ, «остатокъ» интересный, лишь какъ документъ.

Впрочемъ и въ серединѣ почти нашего вѣка приходилось доказывать, что правоученіе мѣшаетъ художественному изображенію, ссылкою, какъ это дѣлаетъ кн. Вяземскій, на слова Шлегеля: «поэтъ долженъ быть нравственъ, но изъ сего не слѣдуетъ, что всѣ лица его должны постоянно поучать».

За то «безнравственныя» лица въ комедіи Фонъ-Визина живутъ своею собственною жизнью и свидѣтельствуютъ о томъ, что

„Уча, насъ комикъ забавляетъ,
Денисъ тому живой примѣръ“,

какъ сказалъ Державинъ.

Рейхель давалъ Фонъ-Визину въ университетѣ переводить правоучительныя книжки. Кто знаетъ, какое фаустовское обновленіе могло ожидать Стародума и самаго Фонъ-Визина, если-бы Лессингъ принялъ приглашеніе въ тотъ-же московскій университетъ во времена студенчества Фонъ-Визина.

Какъ-бы ни было, Фонъ-Визинъ находился въ фокусѣ явленій сатирической литературы, со всѣми ея достоинствами и недостатками. Къ числу послѣднихъ надо отнести то, что литература эта принуждена была идти на помочахъ. Въ числѣ читателей своихъ «Трутень» именуетъ перваго «Славенъ». Громкій титулъ ясно обнаруживаетъ личность Екатерины. «*Славенъ* между важными дѣлами читаетъ и мои листки, но я не вѣдаю, что онъ о нихъ думаетъ, малѣйшую его похвалу почелъ-бы я стократъ больше похвалъ многихъ людей». Авторъ, или издатель, тѣмъ болѣе имѣлъ на это право, что отъ похвалы этого читателя зависѣло и существованіе журнала. *Славенъ* не похвалилъ...

Наши журналисты, добросовѣстно «поддѣлывая» чужіе образцы, и въ этомъ подражая иностранцамъ, повторяли пріемъ нѣмцевъ. Задачи просвѣтительнаго направленія были приблизительно однѣ и тѣ-же. Въ русской періодической сатирѣ всѣхъ дальше пошелъ на встрѣчу жгучимъ вопросамъ Новиковъ, и «Трутень» его коснулся крѣпостнаго права, но *Славенъ* не одобрилъ этой тревоги...

Въ Вольно-экономическомъ обществѣ, вслѣдъ за его образованіемъ въ 1768 г., уже затронутъ былъ тотъ-же вопросъ. Но Екатерина II не думала еще о его разрѣшеніи и продолжала весьма щедро раздавать земли не только за заслуги людямъ подобнымъ Па-

нину, но и фаворитамъ, просившимся въ отпускъ, по разстроенному *на службѣ Ея Величеству* здоровью.

Движеніе этого рода въ литературѣ остановилось до Радищева, который дорого заплатилъ за одно нѣжное чувство къ мужику. Фонъ-Визинъ немножко покривилъ душой, когда писалъ изъ Парижа, что, сравнивая положеніе крестьянъ въ лучшихъ мѣстахъ нашихъ съ тамошними, находитъ состояніе первыхъ счастливѣйшимъ. Казалось, совсѣмъ другое говорили письма къ нему-же его почтеннаго друга, извѣстнаго генерала Бибикова, усмирявшаго Пугачева, когда онъ писалъ: «побить ихъ я не отчаяваюсь, да успокоить почти всеобщаго черни волненія великія предстоятъ трудности... Вѣдь не Пугачевъ важенъ, да важно *всеобщее негодованіе*, а Пугачевъ—чучело, которымъ воры—яицкіе казаки играютъ».

Въ «Наказѣ» императрица сама выражаетъ опасеніе, что, при заведенномъ порядкѣ взиманія оброковъ, страна «черезъ недолгое время должна обнажена быть отъ жителей». Однако и въ этомъ не послѣдовало перемѣны.

Другой вопросъ, котораго коснулся Фонъ-Визинъ въ «Недорослѣ»—воспитаніе. Князь Вяземскій говоритъ, что ему указывали двухъ, трехъ стариковъ въ провинціи, которые, по преданію, послужили «подлинникомъ» Митрофанушки. Это было въ двадцатыхъ годахъ. Не скоро еще эти недоросли исчезли, и конечно среди юношей первой половины нашего вѣка еще много было подобныхъ-же. Самъ Митрофанушка также получилъ свои родовыя черты въ наслѣдство. Онъ, по словамъ матери, «весь въ дядю», т. е. Скотинина. Вѣдь и она по отцѣ изъ дому Скотининыхъ. «Покойникъ батюшка женился на покойницѣ матушкѣ, она была по прозванію *Приплодина*. Насъ дѣтей было 18 чел., да кромѣ меня съ братцемъ всѣ, по власти Господней, примерли: иныхъ изъ бани мертвыхъ вытащили; трое, похлебавъ молочка изъ мѣднаго котлика, скончались; двое о Святой недѣлѣ съ колокольни свалились, а достальные сами не стояли»! Естественный результатъ такой семьи въ лицѣ ея самой и Митрофана. О подобномъ воспитаніи говорятъ много журналы и комедіи Екатерины. Записки Болотова и Данилова свидѣтельствуютъ, какъ мало каррикатурное изображеніе измѣнило сущность дѣла. А забавы Митрофана! Однимъ изъ самыхъ обычныхъ впрочемъ и любимыхъ развлеченій того времени была псовая охота, на которую тратилось много времени и денегъ;

другіе любили смотрѣть гусиные и пѣтушиные бои и гонять голубей, предавались этимъ занятіямъ со страстью и въ нихъ убивали скуку, порождаемую *праздностью.* Вопросъ Фонъ-Визина «отчего у насъ не стыдно ничего не дѣлать?» не былъ конечно празднымъ, и сопоставляя его съ сказаннымъ, можно повѣрить его словамъ въ оправданіи: «разумѣлъ я, отчего празднымъ людямъ не стыдно быть праздными»?

«Всякая всячина» осмѣивала тѣхъ, которые, оставляя городъ, спѣшатъ въ деревню въ сотоварищество стаи собакъ и «гоняются за зайцемъ, который никогда не бывалъ съ ними въ ссорѣ». Такой деревенскій «трутень» живетъ въ развалившемся домѣ—ему некогда заниматься хозяйствомъ,—онъ изыскиваетъ, можетъ-ли боецъ-гусь побѣдить на поединкѣ лебедя, и для того выписываетъ изъ Арзамаса самыхъ славныхъ гусей и платитъ за нихъ по двадцати и до пятидесяти рублей и т. д.

А сонъ Митрофана! Суевѣріе рождало массу комическихъ положеній, очерченныхъ также въ журнальной сатирѣ.

— Поколѣніе Екатерины, съ нею во главѣ, мечтало создать «новую породу» людей воспитаніемъ. Въ комедіи заявляютъ объ этомъ Правдинъ и Стародумъ. Въ «Наказѣ» говорилось: «Правила воспитанія пріуготовляютъ насъ быть гражданами». Но Фонъ-Визинъ не избѣжалъ ошибки Бецкаго и другихъ, умаливъ значеніе образованія ума и мечтая именно о новой породѣ... Стародумъ говоритъ: «главная цѣль всѣхъ знаній человѣческихъ—благонравіе». Идеальныя требованія чувства были впрочемъ естественнымъ протестомъ противъ дикости нравовъ, полное олицетвореніе которыхъ нашло мѣсто въ Скотининѣ. Кн. Вяземскій остроумно сравниваетъ этого героя съ театральными тиранами ложно-классической трагедіи — онъ говоритъ о любви своей къ свиньямъ, какъ Дмитрій-Самозванецъ Сумарокова о любви къ злодѣйствамъ. И при всей этой ужасающей каррикатурности развѣ онъ далекъ отъ подлинника? Въ идеѣ воспитанія—помимо образованія, заключалась иллюзія нѣкоторыхъ западныхъ филантроповъ, получившая въ то время широкое развитіе у насъ въ планахъ Бецкаго и Екатерины II. Надо отдать справедливость людямъ прошлаго вѣка—они вѣрили въ человѣческую натуру.

Въ планѣ своемъ воспитанія великаго князя гр. Панинъ говоритъ: «Воспитатель долженъ съ крайнимъ прилежаніемъ и, такъ сказать, равно съ попеченіемъ о сохраненіи здоровья его высочества,

предостерегать и не допускать ни дѣломъ, ни словами ничего такого, что хотя мало-бы могло развратить тѣ душевныя способности къ добродѣтелямъ, *съ которыми человѣкъ на свѣтъ происходитъ*» и т. д. Конечно передовые люди, требуя прежде всего «благонравія», не могли отречься также отъ образованія. Фонъ-Визинъ ставитъ между прочимъ вопросъ: «отчего въ Европѣ весьма ограниченный человѣкъ въ состояніи написать письмо вразумительное, и отчего у насъ часто преострые люди пишутъ такъ безтолково?» Были и обскуранты однако, отрицавшіе совершенно науки. «Что въ наукахъ, говоритъ *Наркисъ:* астрономія умножитъ-ли красоту мою паче звѣздъ небесныхъ?—Нѣтъ. На что-же мнѣ она? Математика прибавитъ-ли моихъ доходовъ?—Нѣтъ. Чортъ-ли въ ней?» и т. д. Такъ не исчерпаны еще были мотивы сатиры Кантеміра.

„И вы, *добрые старички*, говоритъ „Живописецъ", думаете согласно со мною, но по другимъ только причинамъ. Вы разсуждаете такъ: дѣды наши и прадѣды ничему не учились, да жили счастливо, богато и спокойно; науки да книги переводятъ только деньги: какая отъ нихъ прибыль? одно разоренье!.. Премудрые воспитатели! въ вашемъ невѣжествѣ видно нѣкоторое подобіе славнѣйшія въ нашемъ вѣкѣ мудрости Жанъ Жака Руссо: а онъ разумомъ, а вы невѣжествомъ доказываете, что науки безполезны" ..

Подъ словомъ воспитаніе разумѣли просто *питаніе*. «Могу сказать, говорила одна барыня, мы у нашего батюшки хорошо воспитаны, одного меду не въ проѣдъ было». Развѣ не буквально такъ понимаетъ Простакова воспитаніе Митрофана? И вотъ злоправія и, прибавить можно, *невѣжества* плоды. «Трагическая развязка «Недоросля» не рѣдкость. Архивы уголовныхъ дѣлъ нашихъ могутъ представить тому многочисленныя доказательства» (кн. Вяз.).

* * *

Фонъ-Визину, было около 40 лѣтъ когда онъ написалъ «Недоросля». Этотъ періодъ полной зрѣлости ума, характера и таланта былъ самымъ плодовитымъ и значительнымъ въ жизни Фонъ-Визина, какъ литературнаго дѣятеля. Вслѣдъ за «Недорослемъ» появились знаменитые «Вопросы» и «Жизнеописаніе графа Никиты Ивановича Панина», «Придворная грамматика» и «Россійскій Сословникъ». Всѣ эти произведенія, несмотря на разнообразіе формы, затрогиваютъ вопросы политической и общественной жизни народа, всѣ они свидѣтельствуютъ о широкомъ взглядѣ

Фонъ-Визина на обязанность и долгъ гражданина. Въ особенности указываютъ они его взглядъ на долгъ и призваніе писателя перомъ своимъ помогать, содѣйствовать правительству, являясь выразителемъ общественныхъ мнѣній и желаній, разъясняя въ то-же время обществу требованія и благія начинанія верховной власти. Но перемѣна въ направленіи дѣйствій императрицы быстро возрастала, нѣкоторыя неблагопріятныя черты характера Фонъ-Визина мѣшали и ему оставаться постоянно и твердо на стражѣ своего призванія. Подобно многимъ другимъ, онъ отступалъ немедленно, по указанію флюгера на перемѣну вѣтра, и если не измѣнялъ рѣзко своимъ убѣжденіямъ, то и не отстаивалъ ихъ, рискуя черезъ-чуръ. Онъ провелъ свою ладью между опасными рифами довольно осторожно.

Сближеніе его произведеній крайне интересно. Оно особенно характерно въ послѣднемъ его трудѣ въ журналѣ «Другъ честныхъ людей». Но раньше еще, также непосредственно вслѣдъ за «Недорослемъ», онъ далъ краткое резюме взгляда своего на достоинство писателя въ «Челобитной Россійской Минервѣ отъ россійскихъ писателей». Она напечатана была въ «Собесѣдникѣ», вслѣдъ за отвѣтами императрицы на его «вопросы», а черезъ книжку помѣстилось и оправдательное письмо его къ Екатеринѣ. Порядокъ нѣсколько несоотвѣтственный сущности дѣла, такъ какъ это оправданіе въ «неясности» и раскаянье въ «неумѣстности» вопросовъ было все-же измѣной тому дѣлу, которое онъ защищалъ въ «Челобитной».

«Бьютъ челомъ россійскіе писатели, а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты», таково начало челобитной.

Авторъ жалуется на невѣжество нѣкоторыхъ вельможъ. Они, заимствуя свѣтъ лишь отъ мудрости императрицы, возмечтали о себѣ и думаютъ, что никакихъ знаній въ дѣлахъ не надобно, ибо они сами-де въ дѣлахъ, хотя и безъ знаній. Они считаютъ всякое знаніе и особенно словесныя науки чуть-ли не уголовнымъ дѣломъ и *нагло* приступили къ опредѣленію слѣдующихъ мѣръ:

1) Всѣхъ упражняющихся въ словесныхъ наукахъ къ дѣламъ не употреблять;

2) Всѣхъ таковыхъ, находящихся при дѣлахъ, отъ дѣлъ отрѣшить.

Державинъ свидѣтельствуетъ также въ своихъ «запискахъ», что кн. Вяземскій *) (его начальникъ) не могъ равнодушно гово-

*) Кн. Вяземскій генералъ-прокуроръ Сената.

рить съ стихотворцемъ, привязывался къ нему при всякомъ случаѣ, «не токмо насмѣхался, но и почти ругалъ, проповѣдуя, что стихотворцы неспособны ни къ какому дѣлу». *Нельстецовъ*, авторъ челобитной, проситъ россійскую Минерву указомъ своимъ это «вѣкъ нашъ ругающее» опредѣленіе отмѣнить, писателей-же «яко грамотныхъ людей, повелѣть по способностямъ къ дѣламъ употреблять, дабы именованные, служа Россійскимъ музамъ *на досугѣ*, могли *главное жизни время* посвятить *на дѣло* для службы Вашего Величества».

И такъ Фонъ-Визинъ все-таки смотрѣлъ на литературу, какъ на занятіе побочное. Взглядъ этотъ отвѣчалъ потребности времени въ образованныхъ людяхъ прежде всего *для службы гражданской*. — Фонъ-Визину, кромѣ участія въ проектахъ Панина, принадлежитъ между прочимъ проектъ «о почтахъ» и др.

Жалоба Нельстецова не относилась конечно къ тѣмъ вельможамъ, которые или сами любили упражняться въ литературѣ, или покровительствовали охотно талантамъ. Такъ Фонъ-Визинъ, хотя недоволенъ былъ одно время Елагинымъ, однако съ признательностью вспоминаетъ всегда этого человѣка. Послѣдній упражнялся въ писаніяхъ франъ-масонскихъ, а также пробовалъ въ драматическомъ родѣ и покровительствовалъ Лукину, Фонъ-Визину и др. По ходатайству Безбородко въ 1782, Фонъ-Визинъ получилъ (послѣ «Недоросля») пожизненную пенсію изъ «почтовыхъ доходовъ» — половинное жалованье съ прибавочнымъ окладомъ, пожалованнымъ ему ранѣе, а всего 1250 р. въ годъ.

Изъ всѣхъ произведеній Фонъ-Визина на долю «Недоросля» выпалъ конечно наибольшій успѣхъ. Эта комедія представлена была въ первый разъ въ Петербургѣ 24 сентября 1782 г. «на щетъ (въ бенефисъ) перваго придворнаго актера Дмитревскаго, въ которое время несравненно театръ былъ наполненъ и публика апплодировала пьесу метаніемъ кошельковъ». «*Характеръ мамы* игралъ бывшій придворный актеръ Шумскій и несравненно удовлетворилъ зрителей и т. д. Сія комедія, наполненая замысловатыми израженіями (!), множествомъ дѣйствующихъ лицъ, гдѣ каждый въ своемъ характерѣ изреченіями различается, заслужила вниманіе отъ публики. Для сего принята съ отмѣннымъ удовольствіемъ отъ всѣхъ и почасту на С.-Петербургскомъ и Московскомъ театрѣ была представляема».

ГЛАВА IV.

Письма изъ Италіи.—Заключеніе.

I.

Послѣ «Недоросля» и «Вопросовъ» Фонъ-Визинъ пять лѣтъ ничего не писалъ. Причиной охлажденія былъ, быть можетъ, отчасти отказъ помѣстить въ «Собесѣдникѣ» его «Придворную грамматику», а главнымъ образомъ болѣзнь и поѣздка снова за границу, продолжавшаяся больше года. Широко прожитая молодость давала себя чувствовать страданіями, а затѣмъ и параличемъ. Во время болѣзни и дряхлости онъ нашелъ прекрасную опору въ женѣ. Ею вѣроятно внушенъ афоризмъ, который онъ влагаетъ въ уста Стародума, что въ супружеской жизни дружба болѣе на любовь должна походить, нежели обратно. Первая любовь осталась ему памятна по впечатлѣнію до послѣднихъ дней жизни, но въ супружествѣ своемъ нашелъ онъ нѣжную дружбу и опору.

Цѣлью втораго путешествія Фонъ-Визина была Италія. Путевой журналъ, который онъ пересылаетъ сестрѣ, отличается подробностями пути до крайнихъ мелочей, однако до Нюренберга не представляетъ ничего интереснаго. Онъ самъ пишетъ объ этомъ изъ Лейпцига: «Не дивись, матушка. Вспомни, что, проѣхавъ изъ Петербурга двѣ тысячи верстъ, дотащились мы, можно сказать, только до воротъ Европы».

Далѣе описаніе становится весьма интереснымъ. Къ сожалѣнію, только не всегда можно быть увѣреннымъ, что оно принадлежитъ его перу, такъ какъ оказалось, что и тутъ онъ иногда умѣетъ воспользоваться чужимъ матеріаломъ и заимствуетъ картинныя описанія у разныхъ авторовъ. Восторгаясь видами природы, произведеніями великихъ мастеровъ, историческими памятниками

и т. п., Фонъ-Визинъ «по пути» не перестаетъ бранить Италію— страну и народъ.

Несомнѣнно, онъ не преувеличиваетъ нѣкоторыхъ недостатковъ: бѣдность и грязь въ этомъ раю конечно особенно поражаютъ иностранца, среди чудесъ и чарующаго волшебства природы, но Фонъ-Визинъ не довольствуется одними фактами.

Авторъ разумнаго «вопроса»: «какъ истребить два сопротивные и оба вреднѣйшіе предразсудка: первый будто у насъ все дурно, а въ чужихъ краяхъ все хорошо; второй, будто въ чужихъ краяхъ все дурно, а у насъ все хорошо», старается изобразить итальянцевъ въ самомъ черномъ свѣтѣ. Казалось-бы, послѣ отзыва его о французахъ уже не можетъ быть хуже; нѣтъ, оказывается, что «развращеніе нравовъ въ Италіи несравненно больше самой Франціи».—Убійства часты въ Италіи и теперь, но Фонъ-Визинъ, разсказывая о нихъ, прибавляетъ: «итальянцы *всѣ* злы безмѣрно и трусы подлѣйшіе».—«Честныхъ людей въ всей Италіи такъ мало, что можно жить *нѣсколько лѣтъ и ни одного не встрѣтить*».—«Знатнѣйшей породы люди не стыдятся обманывать самымъ подлымъ образомъ» и т. п.

Какъ ни бранитъ онъ Европу, однако масса подробностей въ его-же письмахъ прекрасно оттѣняетъ культурную жизнь уже въ началѣ пути, въ остзейскихъ провинціяхъ. «Въ Фрауенбургѣ обѣдали мы у почтмейстера, старика предобраго, который утѣшается тѣмъ, что воспитываетъ дочь свою, учитъ ее бренчать на клавикордахъ и пѣть»... «Ночевать пріѣхали въ Шрунденъ. Поутру жена тутошняго диспонента Фоки прислала къ моей женѣ блюдо плодовъ и цвѣтовъ». Фонъ-Физинъ описываетъ всю семью, любезность, прекрасный домашній порядокъ и т. п. Лейпцигъ, которому такъ досталось въ первый пріѣздъ, теперь онъ не ругаетъ, радуясь тому, что онъ у воротъ Европы. «Лейпцигъ всѣхъ споснѣе» говоритъ онъ. «Вообще сказать могу безпристрастно, что отъ Петербурга до Нюренберга балансъ со стороны нашего отечества перетягиваетъ сильно. Здѣсь во всемъ генерально хуже нашего: люди, лошади, земля, изобиліе въ припасахъ, словомъ: *у насъ все лучше и мы больше люди, нежели нѣмцы*».

Отдавъ дань «патріотизму», онъ снова описываетъ безпристрастно въ настоящемъ смыслѣ слова и тогда выходитъ, что тамъ многое лучше, и *они* больше люди. Въ Лейпцигѣ онъ находитъ русскаго кучера, который привезъ изъ Москвы профессора Маттеи и на-

нимаетъ его до Нюренберга. Этотъ кучеръ, крестьянинъ Нарышкина, Калининъ обѣщаетъ побывать въ Москвѣ у родныхъ Фонъ-Визина, который о немъ пишетъ:

„Борода его наконецъ намъ и надоѣла: смотрѣть его собиралось около нашей кареты премножество людей; маленькіе ребята бѣгали за нимъ, какъ за чудомъ. Онъ такъ золъ на нѣмцевъ и такую къ нимъ имѣетъ антипатію, что иногда мы, слыша его разсужденія, со смѣху помирали.

По его мнѣнію, русскихъ создалъ Богъ, а нѣмцевъ — чортъ. Онъ считаетъ ихъ за гадинъ и думаетъ, что, раздавя нѣмца, Бога прогнѣвить нельзя".

Выѣхавъ въ іюлѣ, Фонъ-Визинъ въ сентябрѣ пріѣзжаетъ въ Баденъ, откуда до Рима еще мѣсяцъ пути. Отсюда авторъ посылаетъ сестрѣ журналъ свой съ описаніемъ *Ниренберга.* Здѣсь познакомился онъ съ картинами Альбрехта Дюрера, «славнаго больше за старину, нежели за искусство, потому что въ его время живопись въ Европѣ была еще въ колыбели. Онъ родился въ здѣшнемъ городѣ, работалъ много и, куда ни обернись, вездѣ найдешь его работу». Здѣсь-же Фонъ-Визинъ восхищается еще съ гораздо большимъ чувствомъ—своею гостиницей:

«Мы пригласили Брентанія (банкиръ его) къ обѣду. Я нигдѣ не видѣлъ деликатнѣе стола. Какое пирожное! какой десертъ! О пирожномъ я говорю не для того только, что я до него охотникъ, но для того, что Нюренбергъ *пирожнымъ славенъ въ Европѣ* (!). Скатерти, салфетки тонки, чисты, словомъ, въ жизнь мою лучшаго стола имѣть не желалъ-бы». Путешествуя, Фонъ-Визинъ на этотъ разъ занимался коммерціей. Онъ закупалъ картины и отправлялъ ихъ Клостерману въ Петербургъ—для продажи. Недаромъ онъ и теоретически доказывалъ необходимость и пользу дворянамъ заниматься торговлей. Съ этой цѣлью перевелъ онъ еще въ молодости статью «Торгующее дворянство» аббата Куайе (Coyer) съ предисловіемъ «Юстія». Фонъ-Визинъ разошелся въ этомъ взглядѣ съ императрицей; — въ Наказѣ ея принято было воззрѣніе Монтескье, который считалъ занятіе торговлею гибельнымъ для дворянскаго достоинства.

Трезвый умъ Фонъ-Визина позволилъ ему легко отказаться отъ предразсудка и осуществить свои идеи на практикѣ. Осматривая достопримѣчательности Нюренберга, онъ въ то-же время посѣщалъ чердаки бѣдняковъ-художниковъ и многое накупилъ. Ходилъ по церквамъ, по книжнымъ лавкамъ, смотрѣлъ славный бронзовый

фонтанъ, за который Екатерина предлагала тридцать тысячъ. Въ Инспрукѣ онъ описываетъ горы и разсказываетъ легенду о Максимиліанѣ I, который заблудился на высотѣ и былъ спасенъ мальчикомъ-пастухомъ, похожимъ на ангела; послѣдняго потомъ нигдѣ не могли найти. Фонъ-Визинъ присутствуетъ здѣсь на парадѣ эрцгерцогини Елизаветы. «Я хотя прятался въ народѣ, пишетъ онъ, но меня тотчасъ примѣтили... Весь дворъ ко мнѣ обратился и отъ всѣхъ показано было ко мнѣ отличное вниманіе и учтивость».

Эрцгерцогиня обратилась къ нему сама и просила передать поклонъ брату ея, великому герцогу Тосканскому, и сестрѣ-королевѣ Неаполитанской. «Я отвѣчалъ ей, что почитаю за великое себѣ счастье исполнить ея велѣніе.» — Передъ выѣздомъ успѣлъ онъ «обѣжать» церкви - францисканскую, соборную, Frères servites, дворцовый садъ и торжественныя ворота. За Боценомъ послѣдовали Флоренція, Пиза и Римъ.

Во Флоренціи Фонъ-Визинъ нашелъ смѣсь жителей-нѣмцевъ и итальянцевъ. — «Образъ жизни итальянскій, — то-есть весьма много свинства. Полы каменные и грязные, бѣлье мерзкое, хлѣбъ, какого у насъ не ѣдятъ нищіе, чистая ихъ вода то, что у насъ помои. Словомъ, мы, увидя сіе преддверіе Италіи, оробѣли!» патетически восклицаетъ онъ. Путешественники наши посѣщаютъ исправно театръ, ярмарки, площади, монастыри, дворцы, сады и т. д. Во дворцѣ епископа интересенъ, говоритъ онъ, погребъ его преосвященства, въ которомъ нѣсколько сотъ бочекъ съ древними винами. «Меня подчивали изъ нѣкоторыхъ, и я отъ двухъ рюмокъ чуть не съ ногъ долой. Казалось-бы, что въ духовномъ состояніи такимъ изобиліемъ винныхъ бочекъ больше стыдиться, нежели хвастать надлежало». Фонъ-Визинъ даже «Семку» своего ведетъ смотрѣть древній амфитеатръ. «Отъ солнечнаго-ли зноя или для такого дорогого гостя, какъ Семка, весь амфитеатръ усыпанъ былъ ящерицами. Здѣсь Фонъ-Визинъ наслаждался картинами Паоло-Веронезе.

Въ Болоньѣ Фонъ Визинъ три часа посвящаетъ обозрѣнію одной анатомической камеры. «Въ «Palais Zampieri» имѣли счастіе видѣть первую Гвидову картину, Петра Апостола. Многіе знатоки почитаютъ сію картину первою въ свѣтѣ, потому что въ ней всѣ части искусства соединены совершенно».

Никакихъ злодѣйствъ итальянцы надъ нашими путешественниками не учинили; тѣмъ не менѣе, говоря о прекрасномъ климатѣ Италіи и жалуясь лишь на комаровъ, Фонъ-Визинъ прибавляетъ:

«и комары итальянскіе похожи на самихъ итальянцевъ, также вѣроломны и также измѣннически кусаютъ. Если все взвѣсить, то для насъ русскихъ нашъ климатъ гораздо лучше».

Такой несносной скуки, въ какой живутъ итальянцы, Фонъ-Визинъ никогда не могъ вообразить. «Изъ ста человѣкъ нѣтъ двухъ, съ которыми было-бы о чемъ слово молвить. Въ рѣдкихъ домахъ играютъ въ карты, и то по гривнѣ въ ломберъ!» «Скаредность» жизни его возмущаетъ и «еслибы не дома нунція, англійскаго министра и претендента во Флоренціи, то-бы дѣваться было некуда». Изъ Рима онъ все еще описываетъ чудеса Флоренціи: палаццо Питти, съ ея «трибуной», картинами Рафаэля, Дель-Сарто, Венерой Тиціана и др. Онъ велитъ списать для себя копіи съ нѣсколькихъ картинъ, въ томъ числѣ «Богоматерь» Карла Дольче. «Прекрасная мадонна делла Seddia (Рафаэля) украшаетъ одну залу. Этотъ образецъ имѣетъ въ себѣ нѣчто божественное. Жена моя отъ него безъ ума. Она стаивала передъ нимъ по получасу, не спуская глазъ, и не только купила копію масляными красками, но и заказала миніатюру и рисунокъ».

Наиболѣе сильное впечатлѣніе испыталъ Фонъ-Визинъ въ Римѣ, въ храмѣ св. Петра.

„Кажется, что сей храмъ создалъ Богъ для самого себя", говоритъ онъ.—„Здѣсь можно жить сколько хочешь лѣтъ и всякій день захочешь быть въ церкви Св. Петра. Чѣмъ больше ее видишь, тѣмъ больше видѣть ее хочешь; словомъ человѣческое воображеніе постигнуть не можетъ, какова эта церковь. Надобно непремѣнно ее видѣть, чтобы имѣть о ней истинное понятіе. Я всякій день хожу въ нее раза по два".

Всѣ эти чудеса не могли вернуть Фонъ-Визину здоровья. Изъ Рима поѣхалъ онъ въ Вѣну лечить слабость нервовъ и онѣмѣніе лѣвой руки и ноги. Отсюда послали его въ Баденъ, который также немного принесъ ему пользы. Онъ вернулся въ Москву, а въ слѣдующемъ году снова пустился по свѣту искать помощи. Это третье путешествіе, также какъ и поѣздка въ Ригу, оставила въ его журналахъ лишь слѣды болѣзни, занятой ежеминутно собой.

Мнѣнія Фонъ-Визина о «скаредности» европейцовъ, презрѣніе къ маркизѣ, которая обѣдаетъ съ служанкой у очага кухни, къ итальянскому угощенію и игрѣ въ ломберъ по гривнѣ, даетъ право кн. Вяземскому сказать, что Фонъ-Визинъ въ новомъ мірѣ не сбросилъ съ себя ветхаго человѣка, или, по просту сказать, «мѣрилъ все на русскій аршинъ». Особенно сильный упрекъ со стороны того-же

біографа вызываетъ онъ своими письмами изъ Франціи, гдѣ, ложно толкуя явленія, онъ—«дома бичъ предразсудковъ, ревнитель образованія и т. д.—смотритъ на все самъ глазами предразсудка и только что не гласнымъ образомъ, а отрицательными умствованіями, проповѣдуетъ выгоды невѣжества». А между тѣмъ въ Академіи Наукъ, въ Парижѣ, Фонъ-Визинъ и Франклинъ сошлись «какъ два новые міра въ виду стараго; какъ предвѣщанія, что есть еще много грядущаго въ судьбѣ человѣческаго рода».

II.

Фонъ-Визинъ не нашелъ за-границей потеряннаго здоровья и вернулся по прежнему разбитый параличемъ и больной. Однако живой умъ и темпераментъ подвинули его снова на литературныя занятія. Онъ задумалъ журналъ. Подъ послѣднимъ разумѣлось не совсѣмъ то, что̀ обозначается этимъ названіемъ теперь. Прежде всего издатель думалъ явиться также и единственнымъ «сотрудникомъ» своимъ. Нѣсколько писемъ и статей сатирическаго направленія должны были составить матеріалъ этого «періодическаго изданія».—Авторъ назвалъ изданіе «Стародумъ» или «Другъ честныхъ людей» и началъ его «письмомъ къ Стародуму отъ сочинителя «Недоросля». «Я долженъ признаться, пишетъ онъ, что за успѣхъ комедіи *Недоросль* одолженъ я вашей особѣ», а именно *разговорамъ* Стародума съ другими лицами комедіи. Этимъ обращеніемъ поясняется и profession de foi автора. Поэтому уже въ извѣщеніи объ изданіи авторъ имѣлъ право сказать, что напрасно предварять публику какого рода будетъ это сочиненіе, «ибо образъ мыслей и объясненія Стародума довольно извѣстны».

Журналъ однако не былъ разрѣшенъ цензурой. Напрасно и въ письмѣ, и въ отвѣтѣ Стародума Фонъ-Визинъ расточалъ безчисленныя похвалы Екатеринѣ II, которая «сняла съ рукъ писателей оковы и позволила заводить вольныя типографіи».—Это было уже наканунѣ ихъ уничтоженія.

Въ рѣчахъ Стародума, въ «Недорослѣ», онъ обличалъ вельможъ и недостатки двора. Екатерина тогда отнеслась снисходительно къ этой невинной критикѣ на томъ-же основаніи, на какомъ она дозволяла постановку трагедіи, въ которой были тирады противъ деспотизма, и писала по этому поводу московскому главнокомандую-

щему Брюсу: «въ стихахъ этихъ говорится о тиранахъ, а Екатерину вы называете *матерью*».—Напрасно также Фонъ-Визинъ повторялъ здѣсь снова мысль, высказанную имъ въ «Челобитной Россійской Минервѣ»: «Я думаю, что таковая свобода писать, какою пользуются нынѣ Россіяне, поставляетъ человѣка съ дарованіемъ, такъ сказать, *стражемъ общаго блага*».—Журналъ, повторяемъ, остался въ портфелѣ автора.

Если въ «Стародумѣ» и «Челобитной» видимъ идеалъ достоинства литератора у Фонъ-Визина, то самое названіе журнала «Другъ честныхъ людей» уже сближаетъ эту послѣднюю вспышку его таланта со всѣми предшествующими сочиненіями и указываетъ на его идеалъ нравственнаго достоинства *человѣка*. Уже въ его «Опытѣ россійскаго сословника» особое мѣсто въ этомъ смыслѣ занимаетъ опредѣленіе словъ «безпорочность, добродѣтель, честь». Опредѣленіе это, какъ и большинство другихъ словъ, заимствовано изъ французскаго словаря Жирара и др. сочиненій *французскихъ*, но это не измѣняетъ сущности дѣла. Фонъ-Визинъ опредѣляетъ *честь* какъ наивысшее благо. Иныя качества достигаются воспитаніемъ, законами и разсужденіемъ, говоритъ онъ; другое дѣло *честный* человѣкъ: «*въ душѣ его есть нѣчто величавое*, влекущее его мыслить и дѣйствовать благородно» и т. д.

Въ «Недорослѣ» Стародумъ также говоритъ, что умному человѣку можно извинить, если онъ имѣетъ не всѣ качества ума, но «честный человѣкъ долженъ быть совершенно честный человѣкъ». Наконецъ Стародумъ тамъ-же говоритъ: «я другъ честныхъ людей». Слова эти не были фразой для Фонъ-Визина, и та-же мысль проводится вездѣ, особенно въ жизнеописаніи графа Панина, также въ *вопросахъ*, гдѣ онъ говоритъ: «имѣя монархиню *честнаго* человѣка» и т. д. Изъ тѣхъ-же вопросовъ, изъ рѣчей Стародума, письма Взяткина и придворной грамматики видимъ, какъ отразились идеи и потребности просвѣтительной поры въ этомъ понятіи о чести. Всѣ факты и явленія общественной и государственной жизни того времени представляли полнѣйшее извращеніе этого требованія. «Сколько мнѣ безчестья положено *по указамъ*, объ этомъ я вѣдаю» говоритъ совѣтникъ въ «Бригадирѣ». — «Я видѣлъ, пишетъ Фонъ-Визинъ въ письмѣ къ сочинителю «Былей и Небылицъ», множество дворянъ, которые пошли тотчасъ въ отставку, какъ скоро добились права впрягать въ карету четвернію». Въ такомъ честолюбіи откровенно

сознается *Сорванцовъ* въ «Разговорѣ у кн. Халдиной». «Я рѣшился умереть, говорилъ онъ, или ѣздить по прежнему шестеркой».—Фонъ-Визинъ видѣлъ многое другое, «и это растерзало его сердце». Да, то были все «подлинники» и отнюдь нельзя было спросить: «съ кого они портреты пишутъ, гдѣ разговоры эти слышатъ?»..

Однако у передовыхъ людей понятіе о чести сводилось скорѣе къ понятію о сословномъ благородствѣ. Майковъ говоритъ: крестьяне *такіе-же люди*: ихъ долгъ намъ повиноваться и служить исполненіемъ положеннаго на нихъ оброка, соразмѣрно силамъ ихъ, а намъ—защищать ихъ отъ всякихъ обидъ, даже служа государю и отечеству, *за нихъ* на войнѣ сражаться и умирать *за ихъ* спокойствіе». А они сами въ это время пасли стада у ручейковъ!..

Совсѣмъ иначе, правда, говоритъ *Безразсудъ* въ «Трутнѣ» о народѣ: «я—господинъ, они—мои рабы, я—человѣкъ, они—крестьяне». Смыслъ въ сущности тотъ-же, несмотря на радикальное различіе въ выраженіи. Фонъ-Визинъ ни разу не затронулъ вопроса о крѣпостномъ правѣ, какъ это сдѣлалъ «Трутень».

„*Безразсудъ*, говоритъ послѣдній,—боленъ мнѣніемъ, что крестьяне не суть человѣки, но *крестьяне*, а что такое крестьяне —о томъ знаетъ онъ только потому, что они крѣпостные его рабы и т. д.“.

Безразсуду дается совѣтъ всякій день по два раза разсматривать кости господскія и крестьянскія, покуда найдетъ онъ различіе между господиномъ и крестьяниномъ. «Живописецъ» болѣе кореннымъ образомъ затронулъ тотъ-же вопросъ со стороны государственной.

Фонъ-Визинъ ближе всего стоитъ ко мнѣнію Майкова. Ему, быть можетъ, и нельзя было-бы сдѣлать никакого упрека, если-бы онъ не выходилъ изъ рамокъ художественнаго творчества. «Недоросль» въ этомъ смыслѣ сослужилъ ту же службу, какую въ нашемъ вѣкѣ несли «Записки охотника», но какъ отъ автора-«резонера» и политическаго сатирика, отъ него можно требовать больше.

Гораздо шире развернулся въ этомъ направленіи авторъ въ осмѣяніи нравовъ вельможъ, фаворитовъ и еще острѣе его языкъ въ борьбѣ со взятками и лихоимствомъ, кореннымъ зломъ того времени, переданнымъ впрочемъ въ наслѣдіе нашему вѣку. Даже въ письмахъ изъ Франціи, къ которой онъ такъ мало расположенъ, онъ говоритъ о *тяжебныхъ дѣлахъ*: «Правда, что у насъ и у

нихъ всего чаще обвинена бываетъ сторона безпомощная; но во Франціи прежде нежели у праваго отнять—надлежитъ еще сдѣлать много церемоній (!), которыя обѣимъ сторонамъ весьма убыточны. У насъ-же покрайней мѣрѣ въ томъ преимущество, что дѣйствуютъ гораздо проворнѣе и стоитъ вступиться какому-нибудь полубоярину, *сродни фавориту*, и дѣло приметъ сейчасъ нужный оборотъ». Скажутъ, говоритъ онъ, что французы превосходятъ насъ краснорѣчіемъ, они витіи, а наши стряпчіе безграмотны, но это хорошо лишь для французскаго языка: «При безсовѣстныхъ судьяхъ Цицеронъ и Вахтинъ равные ораторы». Кромѣ чисто-литературныхъ нападеній на фаворитовъ въ рѣчахъ Стародума и придворной грамматикѣ, онъ пишетъ въ письмѣ къ гр. Петру Панину, повидимому намекая на Потемкина, враждовавшаго съ гр. Никитой Панинымъ: «какъ-бы *фавёръ* не обижалъ прямое достоинство, но слава перваго исчезаетъ съ льстецами въ то время, когда *самъ фавёръ исчезаетъ*, а слава другого—никогда не умираетъ».

Въ тѣхъ-же письмахъ есть фраза, имѣющая глубокое значеніе не только для того времени: «Божіимъ провидѣніемъ, пишетъ онъ, все на свѣтѣ управляется, но надо признаться, что *нигдѣ сами люди такъ мало не помогаютъ Божію провидѣнію, какъ у насъ*». Въ связи съ этою мыслью находятся его «вопросы» и требованіе, или вѣрнѣе *желаніе* гласности въ дѣлахъ внутреннихъ, политическихъ и тяжебныхъ.

Уже въ первомъ произведеніи своемъ изобразилъ Фонъ-Визинъ крючкотвора и лихоимца—наслѣдіе до-Петровской поры. Въ *Сорванцовѣ*—портретъ «современнаго» судьи, получившаго «французское» воспитаніе у Шевалье Какаду, бывшаго кучера и дополнившаго образованіе посѣщеніемъ салоновъ и уборныхъ модныхъ щеголихъ. У него «любезный» характеръ, т. е. умѣнье волочиться, но ни тѣни знанія не только законовъ, но и грамматики. Фонъ-Визинъ обрисовалъ его въ комической сценѣ: «Разговоръ у кн. Халдиной», сценѣ, которая и теперь читается съ интересомъ, благодаря живому юмору автора. Рядомъ съ этою сценой Фонъ-Визинъ на склонѣ лѣтъ даетъ еще разъ картину моднаго воспитанія въ письмахъ Дурыкина къ Стародуму. Горячо отстаиваетъ Фонъ-Визинъ необходимость *русскаго* воспитанія, въ смыслѣ знанія роднаго языка и образованія національнаго характера безъ нелѣпаго коверканья на чужой ладъ, и конечно горячпас сеибо

слѣдуетъ ему за это рвеніе. Необходимо замѣтить однако, что самое письмо Дурыкина заимствовано у нѣмецкаго сатирика Рабенера съ передѣлкой лишь именъ на русскій ладъ.

Кромѣ того Фонъ-Визинъ въ этомъ направленіи продолжаетъ дѣло Сумарокова, который съ бо́льшимъ даже одушевленіемъ отстаивалъ русскій языкъ и нравы.

По крайней мѣрѣ какъ модное воспитаніе, такъ и то, которое было однимъ «питаніемъ», усердно и свободно осмѣивались не однимъ Фонъ-Визиномъ. «Ну, Ѳалалеюшка! вотъ матушка твоя и скончалась: поминай какъ звали. Я только теперь получилъ объ этомъ извѣстіе: отецъ твои сказываютъ, воетъ какъ корова. У насъ такое повѣрье: которая корова умерла, такъ та и къ удою была добра. Какъ Сидоровна была жива, такъ отецъ твой бивалъ ее какъ свинью, а какъ умерла, такъ плачетъ, *будто по любимой лошади!*» Вотъ та среда, откуда взялъ Фонъ-Визинъ своего Скотинина. Лихоимство также широко осмѣивалось въ сатирѣ, но стрѣлы ея были не опасны, такъ какъ не мѣтили на лица и факты. Фонъ-Визинъ понималъ неуязвимость зла, при отсутствіи твердыхъ законовъ и гласности въ дѣлахъ. Онъ мечталъ и о введеніи юридическихъ наукъ въ университетъ, но, какъ выразился онъ въ словахъ Здравомысла къ Сорванцову, боится «безъ особаго побужденія», т. е. безъ личнаго согласія Екатерины, предложить свой проектъ, чтобы вмѣсто удовольствія не нажить непріятностей отъ людей, «кои, сами пресмыкаясь въ невѣжествѣ, думаютъ, что для дѣлъ ничему учиться не надобно».—Фонъ-Визинъ зналъ конечно, что Фридрихъ Великій, выражая удивленіе «Наказу», писалъ въ то же время императрицѣ: «Добрые законы, начертанные въ Наказѣ, имѣютъ нужду въ юрисконсультахъ» и ей остается *только* для выполненія ихъ на дѣлѣ завести Академію Правъ.

Фонъ-Визинъ не дожилъ до гласности въ тяжебныхъ дѣлахъ, подъ которою разумѣлъ не гласный судъ, но печатаніе по крайней мѣрѣ рѣшеній и мотивовъ.

Въ предѣлахъ своей сатиры онъ достигъ совершенства въ «Письмѣ Взяткина къ покойному Его Пр-ву».

«Съ крайней радостью сердца, чему свидѣтель Господь-Сердцевидѣцъ, пишетъ Взяткинъ, услышалъ я съ женой Улитой и дѣтьми обоего пола, что В. П., такъ сказать, изъ ничего, по единой благости Божіей, слѣпымъ случаемъ произведены въ большой чинъ и посажены знатнымъ судьей, безъ всякихъ трудовъ, по единой

милости Создателя, изъ ничего всю вселенную создавшаго». Онъ проситъ Е. П. о разныхъ дѣлахъ и прилагаетъ «реестръ для напоминанія» съ означеніемъ *цѣнъ*. Въ этомъ реестрѣ цѣлая поэма криводушія, наглаго хищничества и воровства. Здѣсь и межевое дѣло съ «беззаступными» помѣщиками. Вмѣсто документовъ, которыхъ теперь истецъ *нигдѣ отыскать не можетъ*, да заступитъ едино предстательство Вашего Превосходительства за. . 500 р. Тутъ и рекрутскій наборъ, и таможенные сборы, и «кормленіе» въ воеводствѣ, и взысканія «безчестья» за пощечину. Его Пр. отвѣчаетъ въ томъ же духѣ. По дѣлу ассесора *Ворова* онъ пишетъ, что послѣдній былъ ему пріятелемъ съ ребячества и можетъ вполнѣ на него разсчитывать и благоденствовать и т. п. Крѣпостныхъ документовъ Его Пр. не спрашиваетъ, а рѣшаетъ по другимъ документамъ, которыхъ одинъ представилъ 500, а другой ни одного, а потому всѣ законы вознiютъ противъ послѣдняго. «Но документы эти не послужатъ ни мало къ убѣжденію секретаря; онъ человѣкъ совѣсти весьма деликатной и за бездѣлицу души не покривитъ, а потому требуется новая сотня документовъ» и т. д.

Журналъ былъ послѣднимъ литературнымъ трудомъ Фонъ-Визина, если не считать впрочемъ неоконченную и незначительную комедію «Выборъ гувернера». Болѣзнь сдѣлала его мнительнымъ не только физически, но и въ смыслѣ «душевнаго спасенія». Говорятъ, что, сидя въ университетской церкви, обращался онъ къ студентамъ и говорилъ, указывая на свои разбитые члены: «Дѣти, возьмите меня въ примѣръ: Я наказанъ за вольнодумство, не оскорбляйте Бога ни словами, ни мыслью».—Въ своемъ «Разсужденіи о суетной жизни» онъ говоритъ, что лишеніе руки, ноги и частью языка считаетъ онъ «дѣйствіемъ безконечнаго милосердія Господа», ибо лишился онъ этихъ членовъ въ самое то время, когда, возвратясь изъ-за границы, упоенъ былъ мечтою своихъ знаній и безумно надѣялся на свой разумъ». Тогда «Всевидѣцъ зная, что *таланты мои могутъ быть болѣе вредны, нежели полезны*, отнялъ у меня способы изъясняться и просвѣтилъ меня въ разсужденіи меня самаго».

Въ своемъ «Чистосердечномъ признаніи въ дѣлахъ и помышленіяхъ» разсказываетъ онъ о родительскомъ домѣ, дѣтствѣ и юности своей, о службѣ у Елагина, увлеченіи вольнодумствомъ и *излеченіи* съ помощью сочиненія Самуэля Кларка о бытіи Божіемъ и наставленій полусумашедшаго Теплова.

Онъ описываетъ нѣкоторыя свои увлеченія какъ этого, такъ и другого рода и говоритъ: «Гласъ совѣсти велитъ мнѣ сказать, что *до сегодня* отъ юности моея мнози борятъ мя страсти».

«Грустно было первое впечатлѣніе при встрѣчѣ съ сею, едва движущеюся развалиной», говоритъ въ своихъ запискахъ И. И Дмитріевъ, котораго Державинъ познакомилъ съ Фонъ-Визинымъ. Это былъ какъ-разъ *предсмертный* вечеръ послѣдняго. Параличемъ разбитый языкъ его произносилъ слова съ усиліемъ, но рѣчь его была жива и увлекательна. Онъ забавно разсказывалъ о какомъ-то уѣздномъ почтмейстерѣ, который выдавалъ себя за усерднаго литератора и поклонника Ломоносова. На вопросъ-же, которая изъ одъ его ему больше нравится, отвѣчалъ онъ простодушно: «ни одной не случилось читать». Онъ очень интересовался тѣмъ, знакомъ-ли Дмитріевъ съ «Недорослемъ», «Посланіемъ», «Лисой-казнодѣемъ» и т. д. «Наконецъ спросилъ меня, что я думаю и о чужомъ сочиненіи—о «Душенькѣ» Богдановича?—«Оно изъ лучшихъ произведеній нашей поэзіи», отвѣчалъ я.—«Прелестна», подтвердилъ онъ съ выразительной улыбкой. Онъ привезъ въ тотъ вечеръ свою новую комедію («Выборъ гувернера») и, по знаку его, одинъ изъ вожатыхъ прочелъ комедію. Впродолженіе чтенія авторъ глазами, киваніемъ головы, движеніемъ здоровой руки подкрѣплялъ силу тѣхъ выраженій, которыя самому ему нравились».

Игривость ума не оставляла его въ этотъ вечеръ. Разсказывалъ онъ, что въ Москвѣ не зналъ куда дѣваться отъ молодыхъ стихотворцевъ. Однажды доложили ему — «пріѣхалъ трагикъ». «Принять его, сказалъ я, и черезъ минуту входитъ авторъ съ пукомъ бумагъ. Онъ проситъ выслушать его трагедію «въ новомъ вкусѣ».—Нечего дѣлать, прошу его садиться и читать. Онъ предваряетъ, что развязка его трагедіи будетъ совсѣмъ необыкновенная—его героиня умретъ *естественною* смертью! «И въ самомъ дѣлѣ», заключилъ Фонъ-Визинъ, «героиня его отъ акта до акта чахла, чахла и наконецъ издохла»!

«Мы разстались съ нимъ въ одиннадцать часовъ, заключаетъ Дмитріевъ свои воспоминанія, а на утро онъ уже былъ въ гробѣ *)».

«Житницы преданій нашихъ пусты», говоритъ кн. Вяземскій.

*) Фонъ-Визинъ умеръ въ 1792 году, въ возрастѣ около 48 лѣтъ (род. 1744).

Въ свое время онъ имѣлъ еще у кого искать *живыхъ* воспоминаній о Фонъ-Визинѣ. Онъ обращается съ посланіемъ къ Княжнину, который былъ въ дружеской связи съ «Парнасскимъ Бригадиромъ»:

Нельзя-ль изустное предать теперь бумагѣ
И вытащить изъ памяти твоей,
Что о Фонъ-Визинѣ лежитъ подъ спудомъ въ ней.
Ты одолжишь меня заслугою богатой.
Писать его хочу я списокъ послужной.

Изъ этого изустнаго архива извѣстны остроумные экспромты Фонъ-Визина. А. С. Хвостовъ назвалъ его въ стихотвореніи «кумомъ музы».—«Можетъ быть такъ—замѣтилъ сатирикъ,—только навѣрное покумился я съ нею не на крестинахъ автора». Разсказываютъ также, что, слушая чтеніе «Росслава» Княжнина, Фонъ-Визинъ спросилъ смѣясь: «когда-же выростетъ твой герой? Онъ все твердитъ: «я—Россъ, я—Россъ! пора-бы ему и перестать рости!» На эту шутку, не лишенную впрочемъ основанія въ длиннотѣ трагедіи, Княжнинъ находчиво отвѣтилъ: «Мой Рославъ выростетъ совершенно тогда, когда твоего «Бригадира» произведутъ въ генералы».

И какъ художникъ-сатирикъ, и какъ выразитель самосознанія личности въ прошломъ вѣкѣ, Фонъ-Визинъ—не бригадиръ только, но первый по чину представитель литературы, «которая была учительницей народной и воспитательницей. Она была провозвѣстницей всѣхъ благородныхъ чувствъ и побужденій; она развивала для общества высокія понятія нравственности, правды и добра; она указывала ему цѣли стремленій».

Конецъ.